

3-387
Проф. Б. Н. ЗАХСДЕР

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(ХАЛИФАТ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК)

ИЗДАНИЕ МГУ
МОСКВА — 1941

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Проф. Б. Н. ЗАХОДЕР

9(5)

3-387

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(ХАЛИФАТ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК)

ИЗДАНИЕ МГУ
МОСКВА — 1944

Библиотека Киргизского Философского
Института Академии Наук СССР

10888

Ответственный редактор профессор С. П. Толстов. Издательство МГУ № 23—44

Л34129. Заказ № 4477. Объем 10 печ. листов. Тираж 2000 экз.
Цена 20 руб.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва, Сущевский
вал, 49.

ВВЕДЕНИЕ

Публикуемое сокращённое изложение лекций, читанных автором на Историческом факультете Московского университета, представляет собой переработку стеклографического издания, вышедшего в 1940 г. Являясь частью общего курса по истории средних веков, данная работа касается только стран, входивших в состав арабского халифата, а по его распадения мусульманских стран Ближнего Востока, включая в это понятие также и Иран. Кавказ и Средняя Азия затронуты лишь в том объёме, который необходим для основной темы.

Издание преследует цель дать первоначальное пособие студенту и другим лицам, имеющим намерение ознакомиться с историей востока в средние века. Вышедшие ранее на русском языке популярные работы в этой области или стали библиографической редкостью, или в значительной мере устарели и не отвечают современному состоянию науки.

Автор вполне сознаёт всю трудность задачи, поставленной им перед собой. Наша советская действительность создала для учёного, изучающего прошлое человечества, такие условия, каких не имеет историк, связанный предрассудками и традициями классического общества. Но эта впервые открывшаяся возможность свободно мыслить налагает вместе с тем и большую ответственность. Она требует осмотрового и тщательного подхода к каждому вопросу. Между тем, историк средневекового востока находится перед такой массой не изданного и не освоенного критически материала, что было бы верхом неразумия считать возможным появление в ближайшее время общей истории мусульманского востока, которая смогла бы ответить на все, даже самые основные и первоначальные вопросы.

Критика, несомненно, отметит недостатки и промахи, которые неминуемо должны быть присущи и данной работе.

В заключение считаю своим долгом принести благодарность академику И. Ю. Крачковскому, советы и указания которого не одному советскому ориенталисту дали возможность избежать ряда ошибок, а также профессору С. Д. Сказкину и профессору А. А. Смирнову, не отказавшимся просмотреть работу и внести ряд поправок.

Ярославль,
февраль 1943 г.

ИРАН ПРИ САСАНИДАХ

— Третья и последняя из так называемых «мировых религий» — ислам, зародившись в Аравии, получила в дальнейшем распространение в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока. Это явление было связано с образованием государства — халифата, простиравшегося от Пиренейского полуострова до Центральной Азии. Естественно, что в этом процессе мусульманское государство (халифат) было подлинным наследником многих политических и религиозных традиций доисламского общества.

Вот почему при изучении происхождения халифата и ислама особенно важно знать не только Аравию и арабов, но также историческую жизнь народов, вошедших в VII—VIII вв. в состав Арабского государства. Это знать важно также и потому, что для самих завоеванных арабами народов образование халифата означало дальнейшее развитие наметившихся ещё задолго до появления ислама социальных процессов.

Из государств Среднего и Ближнего Востока, игравших важную роль в первые века нашей эры, особенно выделяется Иран.

Могущественный соперник Рима при Парфянской, или Аршакидской, династии (250 г. до н. э. — 224 г. н. э.), Иран продолжал оставаться самым сильным государством западной части Азии при шахах Сасанидах (224—651).

Парфянское государство во II—III вв. н. э.

Парфянское государство во II—III вв. н. э. представляло собою слабо централизованное объединение общинных союзов. Во главе каждого такого союза стояли наследственные представители родовой знати, беспрестанно враждовавшие друг с другом, не чувствовавшие единства даже в религиозной жизни, — каждый союз сохранял своё отличное от других союзов верование. Длительный период борьбы с Римом и варварами передал в руки парфянской родовой знати множество рабов-военнопленных. При посредстве этих рабов парфянская знать сумела создать ряд ирригационных сооружений, приобретя тем самым много земель, пригодных для сельскохозяйственной культуры. Парфянская знать стала крупным собственником. Большая часть рабов и лучшие земли теперь уже не принадлежали всей массе свободных иранцев, а выделившейся из этой массы знати; положение членов общины и в экономическом и в политическом отношении становилось все хуже и хуже. Результатом этого процесса было общее народное недовольство, грозившее привилегированному положению самой знати. Парфянское государство было неспособно оградить знать от восстаний. Оно было слишком мало централизовано и не обладало, следовательно, ни достаточным для подавления недовольства бюрократическим аппаратом, ни войском. Единственной связью между парфянской

династией и объединениями общин была уплата дани да обязательство поставлять «царю царей» вооружённую силу для защиты от внешних врагов. Для характеристики малой централизованности парфянского государства достаточно указать на такой факт: даже верховная царская власть часто была поделена между несколькими представителями династии.

Появление Сасанидского государства было самым ближайшим образом связано с желанием родовой знати создать крепкую власть, способную охранить интересы этой знати. Такая крепкая власть была необходима и для успешной борьбы с Римом.

Арташир I Папакан (224—241)

Происхождение первого Сасанида — Арташира I Папакана окружено многочисленным легендарным материалом. На сомнительность этого материала указывал ещё отец армянской истории Мюнсей Хоренаци: «...неуместно нам было бы здесь повторять басни о сновидении Папака, об исхождении выходящего пламени из Сасана (о том, как это пламя охватывало стадо); о луне; о предсказаниях астрологов и о прочем». Действительное происхождение династии было таково: дед Арташира — Сасан — был жрецом-магом в храме богини Анахиты, отец Арташира — Папак — княжил в Истахре. Фарс — родина династии — был издревле цитаделью иранской родовой знати; наименование «перс», «персидский», усвоенное первоначально греками от названия области, откуда вышла династия шахов Ахеменидов, заменило на долгое время подлинное название страны и народа — Иран, иранцы.

Возвышение Арташира произошло при активной поддержке местной фарсской знати и духовенства, магов, исповедовавших зороастризм. В короткое время из мелкого князька Арташир превратился в владетеля Фарса и соседних областей. В 224 г. в долине Хормиздаган (Сузиана, юго-западный Иран) произошла решительная битва между последним парфянским царём Артабаном V и Арташиром. Битва окончилась полным разгромом парфянских войск. Артабан V был захвачен в плен и убит. Один из наскальных барельефов в Иране, сохранившийся до нашего времени, изображает Арташира сидящим на боевом коне против сидящего на коне бога Ормузда. Ормузд передаёт Арташиру символ власти — длинную дубинку; под ногами коней и бога, и царя — побеждённый Арташиром Артабан V и побеждённый Ормуздом бог зла Ариман. Арташир продолжил завоевание отдельных областей-царств, составлявших основу парфянской государственной структуры. Хроники передают, что он победил в бою и уничтожил до 80 царей.

Самое крупное сопротивление Арташир встретил в Армении, где в то время правил Хосров, брат убитого Арташиром Артабана V. Армянские Аршакиды вступили в союз с восточным Ираном, откуда были посланы войска. Арташир сумел расстроить этот союз. Восточно-иранские войска были разбиты до соедине-

ния их с армянскими войсками. Хосров был изменнически убит, и Армения встала в подчинённое положение к Арташиру.

На месте раздробленного Парфянского царства образовалось теперь мощное государство с единой центральной властью.

Сасанидское государство

Основа этого государства являлся по преданию регламентированный ещё Арташиром I кастово-сословный строй. Кастово-сословный строй при Сасанидах весьма отличен от кастового строя, существовавшего в досасанидское время. Сасанидский кастово-сословный строй фиксировал прежде всего господствующее положение знати, а не народа-завоевателя. При Сасанидах по существу дела было лишь три привилегированные касты: каста жрецов, каста воинов и каста дапиров-секретарей, т. е. бюрократии. В то же самое время имелось неопределённое представление о касте, в которую входили земледельцы, ремесленники и весь вообще иранский народ. Строгая дисциплина руководила жизнью члена той или иной касты со дня рождения до смерти. Малейшее отступление от правил этой дисциплины возводилось в смертельное преступление. Каждая из каст имела специально ей предназначенные храмы-святилища; переход из одной касты в другую был строжайше запрещён.

Во главе государства находился «царь царей» — шахан-шах, власть которого над жизнью и имуществом подданных была неограничена. Только «священная» династия потомков Сасана имела право занимать трон из слоновой кости.

Ближайшими помощниками шахан-шаха в делах управления были: глава духовенства — мобедан-мобед, командующий войсками — Еран-Испахбед и чиновник, ведавший финансово-хозяйственной жизнью — Вастриошан Салар. Вся страна была поделена на восемнадцать страпий, во главе которых находились назначаемые лично шахан-шахом правители — шахрдары.

Среди всех этих чиновников особым значением пользовался глава зороастрийской церкви — мобедан-мобед (маг магов).

Зороастризм — государственная религия

На смену парфянскому разнообразию в религиях, когда каждый общинный союз хранил древние патриархальные верования, при Сасанидах обязательной государственной религией всего иранского населения стал зороастризм. «Престол — опора алтаря, а алтарь — опора трона» — изречение, приписанное преданием самому Арташиру.

Религия, носящая название зороастризма, ведёт своё происхождение от пророка Зороастра, место и время жизни которого разными учёными определяется по-разному. По памятникам и документам, восходящим к IV—VI вв. н. э., религия, ставшая государственной при Сасанидах, может быть охарактеризована следующим образом: в основе зороастрийских религиозных воззрений лежал дуализм — признание двух начал, правящих ми-

ром, — бога добра Ормузда (Ахура-Мазда) и бога зла Аримана (Ангри-Майнью). Оба эти бога имели войска духов. Зороастр, основатель религии, был главою земных духов и добра. Армии добра противопоставлялась армия зла, руководимая Ариманом. Борьба двух начал определяла, по верованиям зороастрийцев, человеческую историю и жизнь.

Священными книгами зороастрийцев были: Авеста — писание, якобы ниспосланное Зороастру богом, и Зенд — толкование к Авесте. Перевод Авесты и Зенда на европейские языки был сделан впервые в XVIII в. французским учёным Анкетиль дю Перроном. Заинтересовавшись рукописью Авесты, Анкетиль дю Перрон в 1754 г. поступил на службу во французскую Ост-Индскую компанию в качестве солдата и отправился в Индию, где пробыл 7 лет, занимаясь у местного зороастрийского духовенства. В 1771 г. он обнародовал первый европейский перевод Авесты и Зенда. Для историка особенное значение имеет третья часть Авесты, так называемый Вендидад; Вендидад включает географию мира, где перечисляются разные области Ирана и не Ирана.

Местом культа зороастрийцев был храм огня. Храм огня представлял собою помещение, находившееся во внутренней части здания и тщательно укрытое от проникновения света. На квадратном камне в металлическом сосуде здесь горел неугасимый священный огонь. Этот огонь почитался настолько священным, что даже зороастрийский жрец (маг) не имел права подходить к нему иначе, как одев на руки перчатки и завязав рот повязкой, дабы не осквернить огонь дыханием. Шахрастани, автор «Книги сект» (XII в.), указывает на существование храмов огня в Фарсе, Систане, Бухаре, Хорезме, Малой Азии.

Такими же типичными сооружениями зороастрийского культа являлись дахмы. Зороастризм признавал четыре священных стихии: огонь, землю, воду и воздух. Ни одну из этих стихий нельзя было осквернить трупом. Для похорон строили специальные цилиндрической формы башни, покрытые пологой крышей. После совершения похоронного обряда специальные жрецы-носильщики поднимали труп умершего на крышу дахмы, где труп раскладывался трупоядными птицами. По прошествии некоторого срока очищенные от мяса кости омывали и хоронили в специальных глиняных сосудах, украшенных барельефами.

Зороастрийское духовенство образовало при Сасанидах иерархию с главою в лице мобедан-мобед. Кроме непосредственно культовых обязанностей, в руках зороастрийского духовенства находились также просвещение и суд; с судебными функциями тесно была связана функция осведомления. Не было селения и города, где бы не находился представитель могущественной при Сасанидах церкви. Зороастрийская церковь превратилась в весьма важный государственный аппарат. Для обслуживания многочисленных жрецов и зороастрийских храмов Сасаниды жертвовали в пользу церкви большие земельные наделы с находившимися на них селениями.

Рост частной земельной собственности и закабаление свободного крестьянства

Арабо-персидская литература изобилует всякого рода нраво-учительными сочинениями, являющимися в значительной части переводами с древних сасанидских сочинений того же жанра. В первую и главную обязанность каждого государя эта нраво-учительная литература ставит расширение земельной площади, удобной для сельского хозяйства, приводя в виде примеров деятельность шахов Сасанидов. Сопоставление этой дидактической литературы с подробными известиями арабской географической литературы первых веков ислама о сельском хозяйстве и экономике Ирана не может не привести к заключению о правдоподобности сообщаемых дидактической литературой рассказов о деятельности шахов Сасанидов.

Земельная площадь, удобная для сельского хозяйства, при Сасанидах значительно увеличилась; строительство новых ирригационных сооружений было одной из главнейших государственных задач. Естественно, что это строительство совершалось путём применения на трудоёмких земляных работах рабского труда, чаще всего труда пленных. Так называемая «бенд-и-Кайсар» («плотина Цезаря») на реке Карун, сохранявшаяся до недавнего времени, служит прекрасным напоминанием об использовании взятого в плен римского войска императора Валериана на ирригационных работах.

Увеличение земельной площади происходило не только за счёт роста государственных земель, но и за счёт роста частного владения. Распределение пленных среди сасанидских знатных людей давало возможность этим знатым людям также заняться «делами благотворительности». Наряду с расширением государственных владений увеличивались частновладельческие земли. Вместе с тем сама центральная власть в силу тех или иных причин обнаружила тенденцию к распределению государственных земель среди знати. Уже Варахран II (276—293) щедро раздавал земли своим приближённым. Захват земель в частную собственность продолжался и при последующих шахах. При Варахране V (420—438) это явление получило настолько широкое распространение, что некоторые европейские историки именуют этого шаха «дворянским государем».

Рост удобного для сельского хозяйства земельного массива, переход некоторой его доли в частное владение усиливали стремление знати ограничить свободу крестьянина, члена общины. Сложность сельского хозяйства, имевшего в основе производства искусственное орошение, естественно вызывала предпочтение труда мелкого собственника, крестьянина, труду раба, абсолютно не заинтересованного в производстве. В результате ещё недавно свободные и уважаемые члены иранской касты земледельцев становятся в зависимое положение. В V в. земледельческое трудовое население Ирана теряет право распоряжаться про-

дуктами своего труда без ведома органов государственного фиска и землевладельца.

Переход от старых производственных отношений к новым не мог, естественно, совершиться мирным путём. Устранение старых порядков, установление нового могло совершиться только насильственным путём. Закабаление свободного члена крестьянской общины вызвало ряд длительных и глубоких социальных движений. «На основе конфликта между новыми производственными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи» [История ВКП(б), Краткий курс, гл. IV]. Эти идеи в условиях того времени, при низком уровне человеческих знаний неизбежно облекались в религиозную форму.

Мани и манихейство

Основатель манихейской религиозной концепции, оказавшей столь сильное воздействие на ряд сектантских движений в Азии и Европе, Мани родился в 215 г. в Междуречьи (Месопотамия). Свою проповедническую деятельность он начал в 241 г. при восшествии на престол сына Арташира I шаха Шапура I. Вынужденный затем бежать за пределы родины, Мани побывал в разных странах Азии, всюду проповедуя своё учение. В 273 г. Мани вновь вернулся в Иран и, арестованный по проискам зороастрийского духовенства, был казнён в городе Гундишапуре.

Учение, проповедываемое Мани и его учениками (апостолами), вело своё происхождение от распространённого в то время в Месопотамии гностицизма, т. е. учения, которое пыталось соединить воедино некоторые принципы дохристианских представлений с христианскими. В манихейской религиозной концепции вместе с тем значительное место нашёл себе зороастрийский дуализм. Решительно отрицая «добро» видимого, материального, чувственного мира, Мани призывал к аскетизму и безбрачию, как к единственному средству прекратить царящее на земле «зло».

Являясь реакцией на вопиющее социальное неравенство, манихейство в условиях кризиса всего Средиземноморья получило быстрое и широкое распространение. Манихейская концепция отразилась самым ощутительным образом на громадном народном движении в Иране, происшедшем два века спустя после смерти Мани.

Маздакитское движение в Иране

О личности самого Маздака, главы движения, нам известно очень мало. Повидимому, он происходил из касты жрецов-магов. Маздакитское учение заимствовало много из манихейства. Как у зороастрийцев и Мани, движущими силами мирового порядка маздакиты признавали два начала, воплощённые в началах добра и зла. Но в отличие от манихейского учения Маздак признавал за началом добра качества свободы и разума, а за началом зла — качества случайности и неразумности. Эта оптимистическая по-

правка к мрачному, пессимистическому учению Мани составила совершенно естественную предпосылку для активного политического действия. Победа «добра» над «злом» могла быть осуществлена, по учению Маздака, на земле путём уничтожения «зла», в первую очередь вопиющего имущественного неравенства. Отсюда требование Маздака физического уничтожения носителей «зла», требование раздела имущества и всяческих житейских благ. «Да будут разделены блага между людьми, — проповедовал Маздак, — ибо все рабы великого бога, все дети Адама, все нуждаются в одном и том же». В числе «благ», раздела которых между всеми немущими требовал Маздак, были также рабы и женщины.

Маздакитское движение возникло, очевидно, не как движение всех угнетённых. Главную и преимущественную роль в этом движении играло закабалённое иранское крестьянство, недавно ещё владевшее наряду со всей общиной рабами, а затем само превратившееся в эксплуатируемую часть общества. Маздакизм, борясь против кастового общества, носил в себе элементы этого же кастового общества. Он требовал возвращения к тому золотому веку, когда иранский общинник жил свободно, когда не существовало разделения на закабалённое крестьянство и эксплуатирующую землевладельческую знать. Маздакитское движение зародилось не в среде развитого феодального общества, оно сложилось на той стадии развития этого общества, когда ещё пережитки рабовладельческих отношений были весьма ощутительны.

Несмотря на вышеуказанную специфику маздакитского движения, все же это было широкое народное движение. Наряду с иранским крестьянством в движении приняли участие и другие слои общества. Сасанидское кастовое государство было ненавистно и купцу-ростовщику, и ремесленнику, и многим другим, не имевшим возможности стать членом господствующей иранской касты, освящённой зороастрийской религиозной догмой. В упомянутом выше городе Гундишапуре была основана при Сасанидах знаменитая на весь культурный мир того времени медицинская школа, сасанидское текстильное ремесло пользовалось заслуженной славой далеко за пределами Ирана; профессия же ткача и медика принадлежала по зороастрийской этике к «низким» занятиям. Как бы ни были велики вес и значение того или иного представителя ростовщическо-купеческой верхушки, все же как человек «низкого» происхождения он стоял в правовом отношении ниже самого последнего члена трёх высших каст. Торговое население и ремесленники Месопотамии и Армении особенно страдали от этих стеснений. «Если вся тяжесть военной службы падала на собственно иранское население, — говорит один из исследователей, — то налог составлял тяжелейшее бремя богатой Вавилонии».

Маздакитское движение увлекло значительную часть населения Ирана. Восставшие захватывали крепости и дворцы знати. Сам шахан-шах на некоторое время должен был подчиниться требованиям маздакитов. Наконец после длительных усилий иранской

знати удалось в 528—529 гг. разгромить движение. Маздак и несколько десятков тысяч маздакитов были казнены. Избежавшие расправы повстанцы бежали в малодоступные северные и восточные области Ирана. Победившая народ знать возвела на сасанидский престол шаха Хосрова I Ануширвана.

Реформы Хосрова I Ануширвана (531—579)

Хосров I Ануширван прославлен арабо-персидской литературой как справедливый (дадгар) и великий царь. Само его прозвище «ануш реван» означает в переводе «бессмертный». Действительно, с именем Хосрова I, победителя маздакитского движения, и связан кульминационный период развития Сасанидского государства — формальное закрепление господства иранской знати над трудовым земледельческим населением. При Хосрове был составлен земельный кадастр и все земледельческое население обложено налогом (харадж — в позднейшем арабском произношении). За единицу обложения была принята земельная площадь размером приблизительно около 2400 квадратных метров (гариб) с поправкой на степень сложности той или иной сельскохозяйственной культуры. Различно облагались земли, орошаемые естественным и искусственным путём, земли, на которых произрастали ячмень, пшеница, виноград, пальма и т. д. Была определена и техника взимания налога. Осенью, когда урожай стоял на полях, чиновники фиска должны были контролировать перевозку урожая в деревню; здесь же на полях определялась часть, которая подлежала сдаче государству («государева доля»). Налог взимался не только в натуральной форме. Реформа Хосрова предполагала также и денежный эквивалент. Так, например, с полей, где произрастал ячмень или пшеница, брали 1 дирхем чистого серебра, довольно высоко были обложены виноградники.

Наряду с поземельным налогом был установлен подушный налог (джизия, в позднейшем арабском произношении). Лица, которые должны были уплачивать подушную подать, разделялись на три категории сообразно имущественному положению. Как харадж, так и джизия собирались один раз в год. Духовенство, касты воинов и чиновничества были освобождены от уплаты налогов.

Как явствует из описания реформ Хосрова I Ануширвана, эти реформы, означали установление в Иране феодальных производственных отношений; после разгрома маздакитского движения иранский общинник, недавно свободный крестьянин, превратился в зависимого земледельца. Реформы Хосрова I были произведены главным образом в интересах иранской знати. Но не только одна иранская знать выиграла от этих реформ. В состав привилегированных каст-сословий после разгрома маздакитского движения теперь наряду со знатью, иранской по происхождению, вошла и городская купеческо-ростовщическая верхушка, в значительной степени арамейско-сирийская по происхождению. Должность Вастриошан Салара, т. е. руководителя всей

финансово-хозяйственной жизнью, бывшая ранее, как и все вышние должности, в руках знати, теперь нередко была занята купцом-ростовщиком.

Иран в VI—VII вв.

Установление новых производственных феодальных отношений, хотя бы в их самой примитивной и начальной форме, когда эти отношения были ещё в значительной мере опутаны прежними общинными и рабовладельческими традициями, всё же было весьма значительным фактором прогресса и создало условия для подъёма всех производительных сил. О росте мировой сасанидской торговли сохранились многочисленные свидетельства. Сасанидская техника по выделке металлических и текстильных изделий достигает в это время такого высокого уровня, что становится фактором, влияющим на развитие техники соседних стран.

Ктесифон, прозванный впоследствии арабами *Мадан* и, что значит «города», становится мировым центром. Блеск и роскошь этикета сасанидского двора поражали даже привыкших к константинопольской роскоши византийцев. Приёмный зал сасанидов был предметом неоднократных описаний. Трон, где восседал «царь царей», занимал более 180 локтей длины и 120 локтей ширины и был богато украшен драгоценными камнями и тканями. Что собой представлял дворец во времена одного из ближайших наследников Хосрова, показывают следующие цифры: при дворце было около 6 тысяч слуг и женщин, служивавших шаху, 8 тысяч коней, 12 тысяч мулов, 760 слонов. О грандиозном размахе строительных работ свидетельствуют как сохранившиеся документы, так и памятники. «Так как город Антиохия очень понравился Ануширвану, он повелел составить точный план, какой и послал своему наместнику в Мадан, приказав соорудить в соседстве со своей резиденцией город, в точности похожий на Антиохию, имеющий те же размеры, улицы, дома, памятники, — одним словом всё, что в нём заключалось, устроив таким образом, чтобы один город никак не отличался от другого». Конечно, легенда идёт значительно дальше действительности; рассказывают, что один антиохийский портной, приведенный в качестве пленного в Ктесифон, якобы настолько хорошо ориентировался во вновь выстроенном городе, что, придя в свой новый дом, нашёл там свой портняжный станок и те вещи, которыми он владел в Антиохии.

Вместе с архитектурой процветали искусство орнамента, барельеф, скульптура, живопись, мозаика из камней и стекла. Арабский писатель X в. Масуди, большой любитель сасанидских древностей, оставил нам описание многих сасанидских памятников своего времени, в том числе рукописи, украшенной портретами, изображавшими представителей Сасанидской династии в погребальных одеждах. Раскопки в Ктесифоне, Фируз-Абаде, Пай-Кули, Персеполисе, Пасаргадах и других местах дают всё новые и новые материалы, указывающие на высокую технику и сложность сасанидского искусства и ремесел. В области музыки известен зна-

менитый певец Хосрова II Парвиза, музыкант Фахлабет (Барбед по другому чтению), автор сборника песен, которые распевались ещё в X и в XI вв. Наконец, и литература достигает в этот период блестящего развития. Кроме богословской зороастрийской литературы, обнимавшей все области знаний того времени, достигает полного расцвета художественная литература, начинает развиваться и переводная литература; наибольшую известность в этом отношении приобрёл перевод индийского сборника нравоучительных рассказов «Калила и Димна» и связанная с ним легенда о путешествии в Индию придворного врача Ануширвана — Барзуи.

И всё же этот блестящий век, как никакой другой в истории сасанидского Ирана, знаменует близость конца. Феодальный блеск знати сопровождался усилением эксплуатации крестьянства, что приводило к уходу крестьян с насиженных мест, голоду и эпидемиям. Отсутствие притока рабочей силы лишало возможности поддерживать ирригационные сооружения и вызвало заболачивание плодороднейших побережий Тигра и Ефрата. Победа феодальной знати, захват этой знатью значительных владений означали беспрестанный рост усобицы, взаимоистребление представителей господствующего класса. Бахрам Чубин, марзбан (правитель) пограничной области на северо-западе Ирана, был первым, кто осмелился надеть на голову священный тадж (корону) сасанидов, не принадлежа к «божественному» роду Сасана. Поддержка Византии помогла Хосрову II Парвизу изгнать узурпатора. Но даже ловкая политика компромиссов со знатью не смогла спасти последнего из выдающихся сасанидских государей: в 628 г. он был убит. Его сын Шируйя был низвергнут с престола командующим войсками Шахр Баразом, пытавшимся, как и Бахрам Чубин, начать собою новую династию. В течение 5 лет после смерти Хосрова II более десятка лиц занимало сасанидский престол. 16 июня 632 г. на престол вступил последний Сасанид — Йездегерд III.

АРАВИЯ И АРАБЫ ДО ИСЛАМА

Бедуины

Народ, которому предстояло в VII в. образовать обширнейшее после Римской империи государство, не отличался по сравнению с могущественными своими соседями, Византией и Ираном, ни многочисленностью, ни единством в образе жизни, социальной структуре и управлении. Аравийский полуостров, равный по величине четверти Европы, в древности, как и в наше время, был в значительной своей части занят племенами кочевников-скотоводов, местами, где позволяло это наличие природных условий, соединявших скотоводство с культурой пальмы и примитивным земледелием. Эти пустынно-степные пространства Аравийского полуострова, населённые редкими кочевыми стоянками, назывались у арабов «бадия», откуда само название арабов-

кочевников бадави (мн. ч. бадаун), или в европейской перелке бедуины.

Пальма, верблюд и колодец — вот триада, вокруг которой сосредоточивались хозяйственные интересы бедуина. Арабская мусульманская литература как в стихах, так и в прозе изобилует описаниями пальмы, — нет части дерева, нет углубления на финиковой косточке, которые не были бы отражены самым детальным образом. Не меньшим вниманием, конечно, пользуется верблюд, не только транспортное средство для бедуина, но и источник всяческих бытовых благ (шерсть, молоко и т. д.). Что же касается колодцев, то не перечислять мифов и легенд, сложенных арабами вокруг этих подлинных даятелей жизни в бесплодных аравийских песчаных степях.

Аравийское плоскогорье с цветущей и радостной природой после весенних дождей и страшными песчаными вихрями в остальное время года наложило отпечаток на быт и характер бедуина: привычка ко всякого рода лишениям и невзгодам, неприхотливость в пище и одежде, храбрость и преданность своему роду — основные качества араба-бедуина, впрочем, как и каждого кочевника. Вне своего рода, вне своего племени человек не мог существовать. Отсюда необычайная крепость родовых связей, внешне выражаемая хотя бы в том обстоятельстве, что араб-бедуин до настоящего времени ставит на первое место при самонаименовании не собственное имя, а название племени, к которому он принадлежит.

Основой этой родовой организации бедуинов был шатёр, объединявший семью; стоянка шатров составляла клан (кауи); несколько кланов объединялись в племя (кабила). Каждый член племени рассматривал себя, как происшедшего от единого общего родоначальника и, следовательно, единокровного всем остальным членам одного и того же племени. В случае кровной мести обязанность мстить за убийство или увечье бедуина падала на всех членов племени без исключения. Шатёр, домашняя утварь считались в древние времена частной собственностью; вода, пастбище, обрабатываемая земля — собственностью всего рода, всего племени.

Во главе каждого племенного объединения находился избранный вождь (шейх), власть которого была ограничена советом, составленным из представителей семей и кланов.

Древние арабские государства

Наряду с бедуинами-кочевниками в Аравии существовали области, где арабы не только вели оседлый образ жизни, но и создали в глубокую древность цивилизованные государства. К таким областям в первую очередь следует отнести Южную Аравию, особенно юго-западный её угол, известный в античной литературе под названием «Счастливой Аравии». Эта область, именовавшаяся у арабов Йемен, славилась как своими торгово-морскими связями с Индией, Эфиопией и даже Китаем, так и плодо-

родием своей почвы, производившей драгоценные пряности и ароматические вещества. Наиболее древнее из известных нам государств Южной Аравии — Минейское царство — существовало между 1200—650 гг. до н. э. Минейское царство и сменившие его в последовательном порядке царства Сабейское (950—115 гг. до н. э.), Химьяритское (115 г. до н. э. — 525 г. н. э.) оставили ещё мало до настоящего времени исследованные памятники строительного искусства (плотины, цитадели, дворцы, храмы), золотые, серебряные, медные монеты и надписи. Все эти памятники свидетельствуют как о большом культурном развитии Южной Аравии, так и о связях её не только с Востоком, но и с культурными странами Средиземноморья.

Не менее развитыми в экономическом и культурном отношении оказались арабские государства, соседившие на севере и востоке с Римом и Ираном. Таково, например, Набатейское царство, существовавшее с VI в. до н. э. по 115 г. н. э., когда император Траян положил конец набатейской автономии, превратив Арабское государство в римскую провинцию. Бывшая столицей Набатейского царства Петра и сейчас поражает своими величественными руинами. Также, например, расположенная в центре Сирийской пустыни Пальмира (арамейская Тадмор), властители которой стали в III в. н. э. одинаково опасны как для Рима, так и для сасанидского Ирана. В 265 г. властитель Пальмиры, Одейнат, получивший от Рима почётный титул дукса Востока, нанёс страшное поражение шахан-шаху Шапуру I, изгнав его из Сирии. Наследовавшая ему царица Зенобия отбросила римские войска к западному углу Малой Азии; её владения простирались до египетской Александрии на юге. Понадобился личный поход императора Аврелиана, чтобы разрушить могущество Пальмиры. В 272 г. пленённая римскими войсками царица Зенобия была отвезена в качестве победного трофея в Рим, а цветущий город превращён в руины.

Гассаниды и Лакмиды

Византийско-сасанидский период на Ближнем Востоке отмечен существованием двух новых арабских государств, состоявших в вассальных отношениях к Византии и Ирану и неустанно враждовавших друг с другом.

Арабское княжество Гассанидов владело районом к юго-востоку от Дамаска. Находясь в непосредственной связи с арамейской Месопотамией, Гассаниды усвоили арамейский язык, не теряя, однако, арабского языка в качестве разговорного. Вместе с тем они приняли христианство в его монофизитской форме. Начиная с V в. Гассаниды принимают активное участие в войнах на стороне Византии; их государи посещают Константинополь и получают от византийского императора титул патриция и филарха. Несколько сот руин городов и селений, обследованных археологами в районе, где правили Гассаниды, свидетельствуют о сильном византийском влиянии: подражая византийцам, Гассаниды строили триумфальные арки, термы, театры и церкви. К концу

VI в. Гассанидское государство, раздираемое усобицей, пришло в упадок. Окончательный удар ему был нанесён иранскими войсками шахан-шаха Хосрова II Парвиза в 613—614 гг., когда последние захватили у Византии Дамаск и Иерусалим.

Возникшее на противоположном конце Сирийской пустыни, к западу от Ефрата, арабское княжество Лахмидов находилось в орбите иранского влияния. Лахмиды, как и Гассаниды, вели своё происхождение из Иемена, откуда они прибыли в начале III в. в период ожесточённой борьбы за организацию Сасанидского государства. Соседство с культурным арамейским населением и Ираном содействовало быстрому развитию Лахмидского княжества. Стоянка шатров Хира (от арамейского слова, означавшего лагерь) превратилась в постоянную резиденцию; около города была в начале V в. построена цитадель — дворец Хаварнак; постройка считалась чудом строительного искусства и запечатлена во многих поэтических описаниях. Лахмидское княжество Хиры принимало близкое участие в делах Ирана. Хосров II Парвиз покончил с независимостью Хиры в начале VII в., назначив для управления арабским княжеством иранского чиновника.

Княжеские дворы Гассанидов и Лахмидов привлекали своим меценатством и роскошью выдающихся доисламских арабских поэтов и были центрами арабского литературного творчества на окраине Аравии.

Хиджаз и Мекка

Как явствует из вышеприведенных описаний развитых арабских государств до ислама, все они возникли на окраинах Аравийского полуострова, все они подвергались в той или иной мере воздействию более культурных соседей, наконец, некоторые из них, как, например, южноарабские государства, настолько далеко ушли в социальном и экономическом развитии от своих соплеменников, бедуинов, что принуждены были окружить свои владения цепью цитаделей, предназначенных для защиты и борьбы с арабами-кочевниками. Расположенный на западном побережье полуострова Хиджаз не обладал, как можно судить по дошедшим до нас литературным памятникам и памятникам материальной культуры, ни славной древней историей, ни значительными отличиями в социальном и экономическом отношении от соседствовавших с ним областей плоскогорья (Неджд). Как и в центральной Аравии, бесплодные, окружённые голыми горными хребтами равнины перемежались здесь с редкими, а потому неожиданными оазисами, пейзажи которых напоминали виды Счастливой Аравии и Сирии. К таким оазисам принадлежал, например, Таиф, являвшийся летней резиденцией для истомлённых непосильным зноем мекканцев. Дыни, бананы, оливы, фиги, виноград и розы Таифа пользуются известностью и до нашего времени. К таким же оазисам принадлежал находившийся на севере от Мекки — Ятриб, вскоре после смерти Мухаммеда получивший название Медины, что значит «город» (разумеется «город пророка»). Культура финиковой пальмы и развитая сельскохозяйственная жизнь

оазиса Ятриба-Медины превратили его в подлинную житницу Хиджаза. Но всё же, несмотря на наличие значительных районов оседлого и развитого сельского хозяйства, они, эти районы, были скорее исключением, чем правилом. Как внешний вид пересечённого многочисленными горными хребтами плоскогорья, так и условия человеческого существования в нём приближались в значительно большей мере к тому, что видело у себя на стоянках и пастбищах большинство арабского населения, чем к тому, что встречало это население в Иемене или в оазисах Сирийской пустыни. Поэтому именно Хиджаз, а не какая-нибудь другая область Аравии, мог стать и стал центром объединения арабов. Этим центром Хиджаз стал задолго до появления ислама.

Название главного города Хиджаза — Мекки — было известно в древней Аравии в сабейской форме Макораба, сохранённой Птоломеем со значением «святилище». Расположенная в бесплодной скалистой равнине, обладающая климатом, труднопереносимым даже привыкшими к тропическому зною арабами, Мекка за много веков до рождения Мухаммеда была религиозным центром Аравии. Одно из мекканских святилищ пользовалось особым почётом среди арабов. Это было четырёхугольное каменное здание, в одном из наружных углов которого был вделан знаменитый чёрный камень, вероятно, аэролит по своему происхождению. Посетить хоть раз в жизни Каабу — так называлось это святилище — и семикратно поцеловать священный камень являлось заветной мечтой араба-бедуина. Здесь, при этой всеарабской святыне, наиболее было безопасно и почётно хранить племенные святыни; несколько сот идолов — божества и тотемы различных племён — стояли возле Каабы. Недалеко от главной святыни протекал священный источник Замзам, вода которого, по верованиям арабов, обладала чудесными свойствами.

Центр религиозной жизни, Мекка, вместе с тем, как то часто бывает, стала центром внутренней арабской торговли. Ежегодные мекканские ярмарки привлекали представителей самых отдалённых племён. Здесь, на этих ярмарках, происходивших в близлежащем оазисе, выступали поэты, прославлявшие в стихотворной форме героев своего племени, устраивались состязания в ловкости и смелости, заключались союзы, намечались планы торговых экспедиций.

Владетели Мекки, курейшиты, естественно, занимали среди знатных арабских родов особо привилегированное положение. Хранители всеарабских святынь, мекканские курейшиты обладали разветвлёнными и глубокими связями в разных частях племенной Аравии.

Но не только внутреннее всеарабское значение имела Мекка. Расположенная на так называемой «дороге пряностей», ведшей из Иемена к восточному побережью Средиземного моря, Мекка обладала и международным значением. Мекканские торговые караваны, направлявшиеся в Иемен и Сирию, выполняли функцию широкого международного обмена между западом и востоком.

Эта торговая функция Хиджаза и, в частности, Мекки приобрела особую важность с того времени, как Иранское плоскогорье попало под власть Сасанидов.

Византия, Иран и западно-арабская торговая магистраль

Указывая на те внешнеполитические задачи, которые ставила себе пришедшая к власти в начале III в. Сасанидская династия, историк Геродиен замечает: «...он (т. е. Арташир I Папакан) претендовал на обладание и считал своим неоспоримым правом — обладание азиатскими провинциями, которые находятся между Эгейским морем, Ефратом и Пропонтидой». К концу IV — началу V вв. в результате более чем двухсотлетней борьбы с Римом, а после 395 г. с Византией, сасанидский Иран, овладев восточной частью Армении, если не выполнил гордой программы противоримской экспансии, то всё же овладел всеми путями, морскими и сухопутными, ведшими с запада на восток. Византия была совершенно оттеснена от непосредственной торговли с Индией, Центральной Азией и Китаем. Даже «...эфиопам совершенно не было возможности покупать шёлк у индусов, — сообщает Прокорий Кесарийский, — ибо персидские купцы завязали сношения с восточными областями и, приезжая в порты, покупали там все грузы».

В этих условиях для Византии и её азиатско-африканских торгово-ремесленных богатых провинций оставался один свободный путь — по Красному морю или через Хиджаз в Йемен.

Ещё в 356 г. император Констанций направил в Южную Аравию для борьбы с персидским влиянием христианскую миссию. Когда же в 523 г. химьяритский царь произвёл резню христиан, Византия обратилась за помощью к единой верной Абиссинии. Военная экспедиция, снаряжённая Абиссинией, после двухлетней борьбы покончила с последними представителями Химьяритской династии. Южная Аравия потеряла самостоятельность и была подчинена власти абиссинского наместника, избравшего своей резиденцией город Санаа. Захват Йемена Абиссинией логически привёл к попытке со стороны абиссинцев захватить и важный в стратегическом и торговом отношении Хиджаз вместе с Меккой. Эта попытка, произведенная в 570—571 гг. наместником Абрахой, окончилась неудачей абиссинских войск. Осаждённая абиссинскими войсками Мекка не только сумела выдержать осаду, но и заставила удалиться иноземцев из Хиджаза.

Бесцеремонное хозяйничанье христиан-абиссинцев в Йемене привело к союзу между местной знатью и Сасанидами. Один из потомков химьяритских царей Сейф ибн-зи-Язан обратился за помощью к Ирану. В 575 г. присланные из Ирана морским путём войска изгнали абиссинцев из Йемена. Номинальным правителем страны стал Сейф, но в скором времени Йемен превратился в персидскую провинцию, управлявшуюся потомками победителя абиссинцев Вахраза.

Господство абиссинцев и иранцев на западноаравийской тор-

говой магистрали в корне подрывало материальное благополучие иеменской и мекканской знати, что в свою очередь не могло не сказаться на экономическом состоянии широких кругов арабского населения, связанного глубокими узами с Йеменом и Меккой. К. Маркс, отмечая это явление, указывает в письме к Ф. Энгельсу: «...ко времени Мухаммеда торговый путь из Европы в Азию значительно изменился, и арабские города, принимавшие видное участие в торговле с Индией и т. д., находились в то время в торговом отношении в состоянии упадка, что, конечно, также дало толчок» (Сочинения, XXI, 488), т. е. толчок к выступлению арабов на путь грабительских походов.

Арабское общество накануне появления ислама

Отмеченная неоднократно на протяжении данной главы разность социальной структуры арабского общества в различных частях Аравии связана с неодинаковым развитием всех областей и государств Аравии в период, предшествующий появлению ислама. Тем не менее можно с большой долей уверенности утверждать, что даже в самых отсталых районах пустынной Аравии в VI в. прежние патриархальные первобытнообщинные порядки уходили всё более и более в далёкое прошлое. Пастбище и обрабатываемая земля, бывшие ранее достоянием всего рода, всего племени, теперь становятся частной собственностью знатных семей. Арабская племенная знать обзаводится рабами и рабынями. Как у римских патрициев, около знатных шейхов появляются клиенты из вольноотпущенников. Нередко слабое племя целиком становится в положение клиента (мавля) по отношению к сильному племени. Растущее имущественное неравенство даже в самых отсталых бедуинских районах приводит к попытке создать сильную государственную власть как орган господства выделившейся из среды племени знати. Созданное в VII в. в Хиджазе мусульманское государство имело своим предшественником бедуинское государство центральной Аравии; знатный род Кинда, стоявший во главе этого государства, с конца V в. господствовал над рядом племён. Впервые в истории бедуинских племён вождь племенного объединения получил титул «малнк» — царь.

Нечего говорить, что такие районы, как Мекка и Медина, были районами ещё более ожесточенной классовой борьбы. Развитое ремесленное производство Мекки целиком базировалось на применении рабского труда. Мекканские курейшиты были не только представителями арабской племенной знати, не только выдающимися торговцами и транспортёрами иеменских товаров, но и крупными рабовладельцами.

Абиссино-иранские захваты наиболее плодородной части юго-западной Аравии усиливали назревавший кризис арабского общества. В условиях этого кризиса естественно было ожидать появления попыток ответить в идеологической области на сложные запросы времени, указать пути выхода из кризиса. При низ-

кой культурности, примитивности и недостаточности человеческих знаний эти ответы и указания могли быть облечены только в религиозную форму.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ИСЛАМ И ОБРАЗОВАНИЕ АРАБСКОГО ГОСУДАРСТВА

Объединению арабов и созданию ими мощного государства предшествовал длительный период организации новой религии — ислама. Эта религия с самого начала своего существования носила местный, арабский, или, еще точнее, хиджазский характер. Позднейший ислам с его развитой богословской догмой, культовыми традициями и сектантством — результат многовековой работы не одних арабов, а ряда народов, вошедших в состав халифата. Таковой же была историческая судьба и созданного арабами государства; являясь в начале своего существования мекканско-мединским княжеством, это государство по завоеванию Ирана и византийских провинций приобрело принципиально новое, не свойственное ему ранее значение.

Период со времени проповеди Мухаммеда до перехода власти в руки наследственных халифов Омейядов (661) и является периодом первоначального синтеза завоевателей с завоеванными народами.

Мухаммед сын Абдаллаха, пророк.

Согласно мусульманскому преданию основатель ислама родился 20 апреля 571 г. в Мекке, в то самое время, когда абиссинский наместник в Йемене Абраха пытался подчинить своей власти Хиджаз. Отец Мухаммеда — Абдаллах, мекканский курейшит по происхождению, из колена Хашима, незадолго до рождения Мухаммеда умер в Ятрибе, возвращаясь с торговым караваном из Сирии. «Не сиротой ли бог нашел тебя и приютил?» — говорит один из стихов Корана, имеющий автобиографическое значение, — он нашел тебя бедным и обогатил». Когда мальчику минуло шесть лет, при переезде из Медины в Мекку умерла его мать, Амина. Сирота был передан на воспитание деду Абд ал-Мутталибу, а по смерти последнего, два года спустя, дяде Абу-Талибу. Как и все, вероятно, подростки и юноши, происходившие из небогатых семей, Мухаммед, оставшись без близких родных, должен был и пасти овец, и ездить в качестве караванщика в Сирию. К 25 годам он женился на богатой купчихе-курейшитке Хадидже, женщине старше Мухаммеда по возрасту, в услужении у которой он ранее находился.

Начало деятельности общественной, как бы мы сказали теперь, Мухаммеда относится к 610—613 гг. Это было время, когда Сасанидский Иран, препятствуя через захваченный Йемен хиджазской международной торговле, вел наступление на Византию. Когда в 614 г. иранские войска захватили Иерусалим, Мухаммед воспринял это событие как поражение своих возможных

в будущем союзников: «...римляне побеждены, — гласит тридцатая сура (глава) Корана, — но они после того, как были побеждены, сами победят после нескольких лет». Несомненно, этот взгляд в дальнейшем претерпел значительные изменения, в условиях кризиса арабского общества Византия была столь же мало надежным союзником, как и Иран. Единственным средством, которое могло излечить арабское общество, было единение самих арабов, равно для борьбы как с Ираном, так и Византией. Предание рассказывает: когда еще в 604 г. Мухаммед узнал, что в битве при Зукаре арабы разбили немногочисленное иранское войско, он воскликнул: «Это — первый день, когда арабы добились удовлетворения от персов, при моем посредстве они добьются большего».

Борьба за объединение в условиях того времени логически приводила к необходимости религиозной реформы и новаторству. Подобно тому как различны были социальная структура и экономическое развитие отдельных частей Аравии, различны были и верования арабов. Жители пустынь и степей, бедуины, не шли в своих религиозных представлениях далее обожествления явлений природы, обожания деревьев, камней, источников и колодцев. Большим распространением среди арабов пользовалось обожествление небесных светил. Как замечают некоторые исследователи, культ луны был, главным образом, распространен среди бедуинов-кочевников. Пустыня, голые и опасные горы были населены злыми духами — джиннами.

Эти примитивные арабские верования, связанные с патриархальной кочевой стадией развития общества, легли в основу более высоких и оформившихся религиозных представлений древних государств Йемена с их храмами и жрецами. Эти же примитивные арабские верования с еще большей четкостью предстают перед нами в мекканском религиозном быту. Среди пантеона мекканских богов особым почтением пользовался самый большой идол, находившийся близ Каабы, Хубал и Аллах — бог курейшитов. Слово «аллах» встречается за много веков до нашей эры в иемениских надписях. Отец Мухаммеда носил имя Абдаллах, что значит «раб Аллаха».

Монотеистические религии — христианство и иудаизм — были близко знакомы арабам и имели значительное число сторонников и последователей. Поставить вместо многочисленных духов, богов и божеств одного бога, Аллаха, сделав его объектом поклонения всех арабов, — такова была задача религиозной проповеди, предпринятой Мухаммедом.

Любовь к пророчеству и прорицанию как средству непосредственного общения с божеством была сильна среди арабов не в меньшей степени, чем склонность к шаманизму среди народов Центральной и Северной Азии. Вполне естественно, что человек, претендовавший на возведение новой веры, должен был считаться непосредственно связанным с божеством. Такая связь, по словам Мухаммеда, осуществлялась через являвшегося ему архангела Гавриила.

Из этих вышеприведенных двух оснований и возникла столь известная главенствующая в исламе формула: «Нет бога, кроме Аллаха, а Мухаммед — посланник Аллаха».

Первоначальная проповедь в Мекке ислама (предание себя богом) — так называлась новая религия — имела малый успех; круг обратившихся в ислам, мусульман (отсюда европейское «мусульманин»), состоял главным образом из числа родственников и близких друзей Мухаммеда. Попытка перенести проповедь в близлежащий Таиф была также неудачна. В 622 г. Мухаммед, преследуемый насмешками и угрозами со стороны мекканцев, решает переселиться в Медину. Дата переселения Мухаммеда из Мекки в Медину является первым годом мусульманского летоисчисления или эры хиджры (хиджра — переселение).

Мединское государство Мухаммеда

Деятельность Мухаммеда в земледельческой Медине мало походит на мирную проповедь, вызывавшую столько насмешек со стороны богатых и скептических мекканцев. Весь период деятельности Мухаммеда в Медине знаменуется решительной и жестокой борьбой за организацию большого арабского государства. В этой борьбе пророку деятельно помогают как переехавшие с ним из Мекки сторонники (мухаджиры), так и принявшие ислам мединцы (ансары). Едва прибыв в Медину, Мухаммед предпринял меры к созданию помех мекканской торговой деятельности. В 623 г. мусульмане совершили при Бедре нападение на большой мекканский караван, возвращавшийся из Сирии. Караван, несмотря на тщательную охрану, был захвачен и ограблен. Воспоминанием этого события является 8-я сура Корана, в которой впервые регламентируется вопрос о распределении военной добычи. Разумеется, Мекка не могла простить ограбления каравана. Курейшиты решили двинуться походом на Медину. Кроме мекканцев, в походе приняли участие и союзные с Меккой племена бедуинов. Мусульмане, не дожидаясь прихода мекканцев, выступили из Медины во главе с Мухаммедом в количестве 1000 человек. По дороге мусульмане, узнав, что враг численностью превосходит их более чем в 3 раза, поколебались, и значительная часть их дезертировала. Битва при Охде окончилась разгромом мусульман. В битве был ранен сам пророк.

Поражение при Охде означало для Мухаммеда падение престижа. Чтобы поднять свой авторитет, Мухаммед организовал нападение на мединское сельскохозяйственное еврейское население. Подвергнувшись нападению племя Бену-Надир было изгнано, а земли были переданы Мухаммедом мусульманам (625 г.). В 628 г. курейшиты двинулись на Медину с громадным по тому времени десятитысячным войском. Предание рассказывает, что персидский раб Сальман помог мусульманам укрепить Медину. Мекканцы, незнакомые с фортификационной техникой, принуждены были отступить. В связи с этим наступлением мекканцев произошло второе нападение Мухаммеда и его сподвижников на ев-

рейские земли в Медине. Племя Бену-Корейза располагало значительной земельной собственностью. Упрекая корейзитов в сношениях с мекканцами, Мухаммед подвергнул земледельческое население жестокому погрому. Мединские земледельцы, оставшиеся после погрома в живых, были обменены на оружие и лошадей. «Победа» отмечена в Коране; именно по поводу этой «победы» было детализировано положение о добыче. Одна пятая часть добычи, согласно этого положения, принадлежала пророку, четыре пятых делились между участниками военной экспедиции, причём воин, владевший верховым животным, получал больше, чем пехотинец.

В 628 г., после неудачной осады мекканцами Медины, между курейшитами и Мухаммедом было заключено перемирие, известное под названием «мира в Худейбии». Мусульмане обязались не нападать на мекканские караваны, а мекканцы разрешили Мухаммеду и его приверженцам посетить Мекку (на время этого посещения мекканцы обещали на три дня оставить пределы города), чтобы совершить обряд поклонения Каабе. «Мир в Худейбии» повел в дальнейшем к тесному союзу, между Меккой и мусульманами. Мекканские курейшиты признали пророка, некогда ими осмеянного. Культ Аллаха победил; находившиеся в Мекке идолы были разрушены. Одновременно с Меккой принял ислам и правитель Йемена; многие из племен центральной и восточной Аравии встали в подчиненное положение к Мухаммеду.

С 629 г. мусульмане-арабы начали производить нападения на земледельческие районы, лежащие к северу от Медины по дороге в Сирию. Подготавливая арабские отряды к дальнейшим экспедициям, Мухаммед умер в 632 г. в Медине.

Оставленное им наследие было велико. Кажется, впервые в истории Аравии значительная часть арабского населения была объединена.

Кризис мусульманского государства и предпосылки для завоевательных походов

После смерти Мухаммеда главою молодого государства и вместе с тем патриархом всех мусульман был избран сподвижник пророка с начала его мекканской деятельности, шестидесятилетний Абу-Бекр. Он принял титул халифа (наместника). Время правления (632—634) этого первого халифа было временем, когда только что образованное государство готово было снова распасться. Не успела весть о смерти Мухаммеда распространиться по Аравии, как на северо-западе и юге полуострова разразилось сильное возмущение, направленное против мусульманских Мекки и Медины. На востоке Аравии появился новый «пророк» Мосейлима, вокруг которого собрался ряд племен бедуинов. Положение было угрожающим. Абу-Бекр разделил Аравию на 11 частей. В каждую из этих частей был направлен командующий с карательными мусульманскими войсками. Особенно прославился жестоким усмирением восстания курейшит

Халид ибн-ал-Валид, заслуживший прозвание «меча божия». Решительная битва между мусульманами под командованием Халида и приверженцами Мосейлимы, происшедшая в 633 г., окончилась поголовным истреблением восставших и вошла в мусульманское историческое предание под названием «битвы в саду смерти», — отступавшие от Халида бедуины укрылись в пальмовой роще, где и были перебиты. Арабское противомусульманское движение было сломлено.

Как ни значительна была эта первая победа мусульманского государства прежде всего над самими же арабами, не она, конечно, могла определить устойчивое будущее этого государства. Карательные экспедиции могли терроризировать недовольных, но они не могли уничтожить самого недовольства, которое при благоприятных условиях всегда могло вылиться в форму открытого восстания против рабовладельческой оседлой и кочевой знати. Само образование мусульманского государства не означало какого-либо изменения в экономическом положении всех этих различных по своей социальной структуре областей и племен, которые объединились под знаменем ислама. Племенная бедуинская знать в условиях продолжавшегося кризиса арабского общества не могла не ощущать необходимости искать выход в направлении недовольных на завоевательные походы против соседних стран. Общее положение в западной Азии как нельзя более благоприятствовало таким планам.

В 604 г., в правление Хосрова II Парвиза (591—628), начались ирано-византийские войны, которые длятся почти без перерыва в течение ряда лет, ослабляя взаимно Иран и Византию. В 609 г. иранские войска захватили Эдессу; в 613 г. — Дамаск, в 614 г. — Иерусалим, в 616—17 гг. иранские войска находятся в Египте, в 619—620 гг. иранские войска подходят к самому «второму Риму» — Константинополю. Но уже через два года, мобилизовав возможные ресурсы и силы, император Ираклий проникает в северо-западные пределы Ирана, где разрушает находившийся в Ганзаке храм огня, а в 626—627 гг. осаждают столицу сасанидского Ирана — Ктесифон на Тигре.

Арабские завоевания

Еще в начале правления первого преемника Мухаммеда халифа Абу-Бекра владения мусульман не выходили за пределы Аравии. В 633 г. арабы-бедуины, соседившие с западными границами Сасанидов за Евфратом, обратились к Абу-Бекру, предлагая начать наступление на Иран. Весьма характерно, что инициаторами этих первых противосасанидских действий были те самые бедуины-бакриты, которые в 604 г. нанесли поражение иранскому войску, вызвавшее упомянутое обещание Мухаммеда доставить арабам «еще большее удовлетворение». К бедуинам был отправлен Халид ибн-ал-Валид с девяти тысячным отрядом мусульманских войск. Происшедшее в марте 633 г. сражение между мусульманами и иранскими войсками окончилось полным раз-

громом последних. Это сражение в арабских летописях получило название «цепного боя»; летописи рассказывают, что сасанидское командование связало своих воинов друг с другом цепями. В результате «цепного боя» арабы смогли, переправившись через Евфрат, проникнуть в Месопотамию. Вскоре арабами была одержана и вторая крупная победа над иранцами — между Басрой и Хирой. Эта победа открывала арабам дорогу на Ктесифон. Но в это время Халид был срочно отозван в Сирию, куда прибыл с четырехтысячным отборным войском император Ираклий, обеспокоенный арабским наступлением.

Арабские и византийские войска встретились на Ярмуке, восточном притоке Иордана. Арабы одержали решительную победу. Часть византийского войска была перебита, часть попала в плен.

Окончательный разгром сасанидского Ирана и захват Сирии произошел уже при втором халифе — Омаре (634—644), избранном сейчас же по смерти Абу-Бекра.

В 635 г. арабы захватили Дамаск; Эмеса, Антиохия, Иерусалим перешли в руки мусульман в следующем, 636 г.; два года спустя вся Сирия находилась в руках арабов.

Одновременно с захватом Сирии началось решительное наступление арабов на Иран. В 635—636 г. произошло решительное сражение между иранцами и арабами при Кадисии. Сасаниды стянули к этому сражению все возможные военные силы; во главе иранских войск был поставлен лучший полководец Рустем из Рая. Со своей стороны халиф Омар направил отборные войска, среди которых находилось много сподвижников пророка. Иранское войско было в этом сражении разгромлено. В руки арабов перешла столица сасанидского Ирана — Ктесифон; вся Месопотамия теперь принадлежала арабам. Последнее сражение арабов с сасанидскими войсками при Нехавенде в 642 г. пердало мусульманам западные провинции Ирана. Издегерд III, последний из шахан-шахов, бежал на восток и в 651 г. был убит около Мерва.

В 641 г. арабскими войсками, по почину одного из полководцев сирийской арабской армии, был захвачен Египет вместе с центром африканского христианства — городом Александрией. В следующие годы арабские войска предприняли завоевание восточной части северной Африки.

Поразительно быстрые успехи арабского оружия в столь различных по своей культуре и быту странах объяснялись не только реальной мощью арабской бедуинской массы, двинувшейся в завоевательные походы, но и поддержкой этого завоевания со стороны широких кругов крестьянства и ремесленно-торговой прослойки городов, страдавших от непосильного налогового бремени (Византия) и кастово-сословных ограничений (Иран). Деление мусульманами всего человечества на «правоверных», и следовательно полноправных, и «неверных» не могло не привлечь симпатии многих, видевших в союзе с арабами средство уничтожить резкое правовое неравенство. Восприятие ранней му-

сультманской догматикой некоторых манихейских формул создавало иллюзию об унаследовании арабами революционных традиций народных движений Ближнего Востока. Наконец, главная тяжесть грабительских контрибуций при арабском завоевании падала, естественно, не на беднейшее население, а на имущество и земельные владения ненавидимой знати. Арабскому завоеванию во многих случаях предшествовали восстания и мятежи. Завоевание исламом зороастрийских и христианских областей иной раз походило на кардинальный социальный переворот.

Конечно, эти иллюзии были разрушены достаточно быстро.

Ближайшие следствия арабских завоеваний

В. В. Бартольд, характеризуя Коран, наш главный источник для первоначального периода существования Арабского государства, приходит к заключению, что основной чертой первого арабского законодательства является «чрезмерная заботливость о правах собственности и явно недостаточное внимание к правам личности». Образуя новую религию, Мухаммед отнюдь не относился отрицательно к правам частной собственности отдельного члена мусульманской общины; община правоверных с самого начала своего существования являлась ничем иным, как собранием владельцев собственности на землю, дома, товары и даже людей, поскольку рабовладение Кораном не отменялось.

Завоевание арабами Ирана и византийских провинций, как и всякое завоевание, естественно, сопровождалось перераспределением земельной и всякой иной собственности. До нас дошел реестр тех земельных владений, которые были конфискованы арабами у Сасанидов. Передатчики этого сообщения указывают, что всего было конфисковано 10 категорий земельной собственности; одной из этих категорий передатчики называют земли, принадлежавшие павшему в бою неприятелю, другую категорию составили земли, принадлежавшие лично царствовавшей в Иране династии, третью — земли, находившиеся в распоряжении отдельных государственных ведомств и т. д. Не менее показательны условия сдачи Дамаска. Согласно этим условиям жители обязались предоставить победителям-арабам половину земельных владений, домов и товаров.

Упомянутая выше регламентация Мухаммедом распределения добычи (военной) требовала передачи одной пятой в распоряжение главы мусульман; остальные четыре пятых делились между участниками похода. Естественно, что при этом дележе руководящая арабо-мусульманская знать получала львиную долю. Так, например, зять пророка, Али, получил право пользоваться доходами почти со всего Ирана. Земельные владения в Месопотамии, принадлежавшие ранее Сасанидам, стали частной собственностью семейства Али. Хасан, сын Али, даже покинул Аравию для жизни в сасанидских садах у Ктесифона. Завоеватель Египта, Амр, командующий арабскими сирийскими войсками Муавия располагал огромными земельными фондами. На

доходы с этих земель они могли самостоятельно содержать значительные военные отряды.

Наряду с земельной собственностью в руки арабской знати перешли и все те доходы, которые ранее извлекались Сасанидами и византийским правительством от их сельского хозяйства, ремесел и торговли. В дополнение к этим доходам мусульмане заимствовали из иранской налоговой практики подушную подать (джизия); эту подать обязано было уплачивать все немусульманское население.

Таким образом, в результате арабского завоевания, совершенного преимущественно руками бедуинов, выиграла в первую очередь мусульманская верхушка, в которой преобладала старинная родовитая арабская знать. Многие из ее представителей превратились в могущественных наместников, распоряжавшихся самостоятельно, в силу непрекращавшихся завоеваний, как личной, так и государственной собственностью.

Не менее реально для исторических судеб мусульманского государства (халифата) и другое следствие грандиозных арабских завоеваний. Конфискуя часть земли и имущества, арабы не уничтожали всей собственности эксплуатирующего класса завоеванных областей. Значительная часть этой собственности (не государственная) осталась в руках прежних владельцев — византийского патрициата, сасанидского дехканства. Общие интересы не могли не амальгамировать арабский господствующий класс с неарабским по происхождению. Широко развитые экономические связи отдельных районов западной Азии также требовали от мусульманского государства разрешения ряда вопросов.

Вот эта сложность проблем, выдвинутых арабским завоеванием, и объясняет ту острую и сложную борьбу, которая началась среди самих же завоевателей не более как два десятка лет спустя после смерти основателя мусульманского государства.

Первоначальный ислам и государство

Как было упомянуто, Мухаммед излагал основы проповедуемой им религии в качестве «откровений», ниспосланных ему Аллахом через посредство архангела Гавриила. Эти «откровения» пророк передавал в устной речи. Слушатели записывали их то ли на пальмовых листьях, то ли на камнях. Собрание проповедей пророка и явилось источником, откуда первые мусульмане черпали не только правила богослужения и культа, но и нормы для устройства личной, общественной и государственной жизни. Между тем, уже вскоре после смерти Мухаммеда обнаружился ряд разночтений, вариантов в записях. Согласно мусульманской традиции, уже на следующий год по смерти пророка первый халиф Абу-Бекр распорядился составить официальный список записей. Согласно европейским исследованиям, официальный список был составлен лишь в правление третьего халифа — Османа (644—656); основой для этого канонизированного списка послу-

жил мединский вариант. Список получил название Корана, что значит «чтение».

Коран является священной книгой мусульман. Эта книга, написанная по-арабски, разделяется на 114 неравных по размеру глав, или сур, разделяющихся в свою очередь на стихи (айяты). Каждая сура названа каким-либо словом (например, «корова», «семейство Имрана», «война» и т. д.), имеет надпись с обозначением места, где впервые произнес ее Мухаммед, т. е. в Мекке или Медине, а также количества стихов, заключающегося в ней.

Как можно установить из Корана и других источников, первоначальный ислам отличался как культ большой примитивностью. Мухаммед в мединский период своей деятельности предъявлял верующим лишь два требования: совершать молитву (салат, или намаз), сопровождая ее обязательным ритуальным омовением, и вносить благотворительную милостыню (закят). Обязательство пятикратной молитвы возникло позднее. «Совершайте молитву при восходе и склонении солнца», — таково требование Корана. Затем было присоединено обязательство поститься в месяц Рамазан, обязательство совершать паломничество в Мекку к Каабе и, наконец, обязательство: исповедание формулы: «Нет бога кроме бога, а Мухаммед — посланник бога». Эти пять обязательств: совершать молитву, соблюдать пост, вносить благотворительную милостыню, совершать паломничество к Каабе и исповедовать единобожие — считаются столпами мусульманства.

Местом культового служения была определена мечеть (место, где поклоняются). Мечеть при Мухаммеде и первых халифах была не только местом культа, но и местом народных собраний. Эта первая мусульманская мечеть весьма отличается от тех зданий, которые мы привыкли видеть на востоке. Богослужение в первое время существования мусульманства совершалось на дворе, в середине которого находился бассейн для ритуального омовения, не было ни минаретов, ни многих других архитектурных деталей, которые появились позднее. Единственным отличием совершавшего богослужения пророка, как и первых халифов, от присутствовавших на молитве был жезл.

Как примитивна была религия первого времени ислама, так примитивно было представление о государстве и само государственное устройство. Являясь с самого своего возникновения государственной религией, ислам достаточно подробно мотивирует необходимость существования государственной власти. «Если бы бог не сдерживал одних людей другими, — гласит 22-я сура Корана, — то было бы разрушение и монастырей, и церквей, и синагог, и мечетей». Образовав свое мединское государство, Мухаммед пророк и глава этого государства, естественно, соединил в своих руках всю полноту светской и духовной власти. «Когда бог и его посланник, — утверждает 33-я сура Корана, — решают какое-нибудь дело, тогда верующему и верующей нет противоречия». Отсюда, из этого наиболее полного слияния духовной и светской власти в одних руках, произошло положение, ставшее краеугольным камнем мусульманской государственности: един-

ственным источником для всякого правительственного и судебного акта могло быть только то, что «внушено богом», т. е. священное писание. Этим источником признается у евреев — Пятикнижие, у христиан — Евангелие, у мусульман — Коран. Народы, не управляющиеся и не судящие по этим книгам, являются «неверными», истреблять и поработить которых есть дело богоугодное. Отсюда второе положение первоначальной мусульманской государственности — признание не только законности, но и желательности войны против неверных (джихад). Это положение было освящено всей практикой арабского завоевания.

Первые преемники Мухаммеда, халифы, практически соединили в своих руках все функции духовной и светской власти. В качестве духовного главы халиф был первосвященником, он же был главным, если не единственно подлинным судьей. В качестве светского государя халиф был распорядителем всей финансово-хозяйственной жизни и полководцем. Со времени Омара преемники Мухаммеда усвоили наряду с титулом «халиф» титул «эмир ал-муминин» (повелитель правоверных).

Борьба за формы организации власти. Али и Муавия

Описанное состояние культа и государственной власти вполне соответствовало потребностям Мединского государства Мухаммеда и периоду начальных арабских завоеваний. Но теперь, когда завоевания были совершены, когда арабы овладели рядом областей, превосходивших во много раз колыбель ислама, Хиджаз, и в территориальном, и в культурном отношении, эти первичные формы мусульманской государственности, естественно, оказались устаревшими, неспособными разрешить ряд сложнейших задач, связанных с установлением мощной государственной власти, которая держала бы в повиновении завоеванные народы. Мусульмане владели странами, где богатые монастыри, церкви, синагоги и храмы огня свидетельствовали на каждом шагу о пышности и культуре религиозного быта завоеванных, а ислам, религия самих завоевателей, все еще хранил патриархальные черты бедуино-хиджазского происхождения. В состав Арабского халифата вошли Сирия, Египет, Иран с их блестящими, развитыми в торговом и ремесленном отношении столицами, а центром этих стран, превосходивших в экономическом отношении песчаную Аравию, была попрежнему, как и в начале завоевания, провинциальная Мекка, отстоявшая от Ктесифона, Дамаска, Александрии на много дней трудного пути. Кодекс Юстиниана и законы Хосрова I Ануширвана отражали сложность экономической и политической жизни завоеванных стран, а единственным источником права мусульманского государства, который мог быть противопоставлен этим кодексам и законам, был сборник «откровений» — Коран. Наконец, недавние мекканцы и мединцы, став первоначальниками, судьями, правителями, начали усваивать, в особенности на окраинах халифата, византийско-сасанидские манеры и этикет, а всемогущий халиф, глава всей этой молодой и

жадной бюрократии, и в домашнем, и в официальном быту вряд ли отличался от какого-либо мухаджира или ансара, знавшего лично Мухаммеда.

Уже правление третьего из числа так называемых «праведных» халифов, Османа, окончилось трагически. Он был убит и на его место посажен последний из избранных халифов, Али (656). Али был близок к Мухаммеду и по участию в борьбе за организацию ислама, и по родственным отношениям — двоюродный брат; он вместе с тем был женат на любимой дочери пророка Фатиме, от которой имел двух детей — Хасана и Хусейна. Несмотря на такую близкую связь Али с семьей пророка, избрание его халифом не вызвало сочувствия со стороны арабской знати, выдвинувшей в качестве претендента на главенство в мусульманском мире наместника и командующего арабскими войсками в Сирии — Муавию, происходившего из рода мекканских курейшитов, но не из колена Хашима, как Мухаммед и Али, а из колена Омейи. Эта борьба закончилась в 661 г. убийством Али и провозглашением Муавией наследственного халифата в роде Омейядов со столицей в сирийском Дамаске. Так, не прошло и тридцати лет со дня смерти Мухаммеда, как мусульманское государство не только изменило основы управления, но и перенесло политическо-административный центр свой из мест, где все напоминало о деятельности основателя ислама, в далекую, оставшуюся все еще христианской Сирию.

Переворот, совершенный Муавией, оставил глубокий след в истории мусульманского общества. Среди самих арабов-завоевателей наметился раскол. Одна часть арабов, состоявшая преимущественно из недовольных господствующим положением знати, не признала законность провозглашения принципа наследственности власти халифа. Эта часть, получившая прозвание хариджиты, выдвинула со своей стороны формулу: «Нет халифа иначе, как по воле бога и по воле народа». Демократическая формула хариджитов нашла приверженцев среди широких кругов халифата не арабского происхождения. В частности, хариджитизм становится на долгое время знаменем многочисленных крестьянских движений. Не меньшее значение получила другая группировка — шиитов, или алидов. Шииты в отличие от хариджитов считали правильным установление наследственной власти в халифате, но «законной» династией, по их мнению, были не Омейяды, а Алиды, как происходившие из семьи пророка. Приняв в себя ряд манихейско-маздакитских традиций, шиизм, как мы увидим далее, будет играть большую роль в халифате в качестве одной из самых крупных и опасных для халифата сект.

ОМЕЙЯДЫ

Омейяды в мусульманской исторической традиции

В противоположность четырем правившим непосредственно после Мухаммеда халифам («праведным») к Омейядам мусульманским преданием неизменно прилагается эпитет «царей», а не

халифов. Воззрение на Омейядов, как на сомнительных мусульман, твердо усвоено мусульманской позднейшей исторической традицией; особенно ярко это отрицательное отношение к Омейядам проявляется, конечно, в шиитской историографии. Как и в ряде других случаев, работы европейских историков Востока на первых порах некритически перенесли мусульманскую традицию на страницы различных сводных пособий и очерков.

Это отрицательное отношение к Омейядам начало изменяться в науке несколько десятков лет назад, когда удалось, благодаря открытию и изданию ряда первоисточников по истории халифата, установить подлинное значение омейядского периода. В результате длительной работы правление Омейядов в настоящее время определяется большинством специалистов как период наибольшего величия Арабского государства.

При Омейядах арабские завоевания охватили часть европейского континента и острова Средиземного моря.

Завоевание Африки и Испании

Омейядские полководцы продолжили завоевание Северной Африки. Это завоевание встретило с энергичным сопротивлением вождей берберских племен в союзе с византийцами. В 688 г. арабские войска нанесли серьезное поражение берберам, и в 693 году арабам удалось захватить Карфаген. К началу VIII в. вся Северная Африка находилась в подчинении халифата.

Завоевание Африки привело к захвату Испании. В 710 г., по распоряжению наместника африканской провинции Мусы ибн-Нусейра, полководец Тариф высадился на Пиренейском полуострове с небольшим отрядом берберской кавалерии. В следующем 711 г. полководец того же африканского наместника Тарик ибн-Зияд с семитысячным войском высадился у мыса Пиренейского полуострова, который с того времени получил столь известное название Гибралтар (гора Тарика; по-арабски Джебель Тарик). 19 июля того же года Тарик, получив подкрепление из Африки, встретился во главе 12-тысячного войска с 25-тысячным войском вестготского короля Родриго. Вестготы потерпели полное поражение; в битве погиб последний король вестготов. В 712 г. пал Толедо.

Перейдя Пиренейский хребет, арабские войска в 725 г. двинулись в южную Францию. Победа, одержанная над арабами Карлом Мартеллом при Пуатье в 732 г., задержала дальнейшее движение арабских войск на север, но город Нарбонна еще долго оставался в руках мусульман, совершавших набеги на Бургундию и Дофинэ.

Завоевание арабов на Кавказе

Еще в 639 г. арабские войска в количестве 18 тысяч человек захватили часть Армении, называемую Тарон. В 642 г. был осажден и взят один из больших городов Армении — Двин. Часть

жителей была перебита, оставшиеся в живых уведены в плен. Попытка Армении опереться в борьбе с арабами на Византию окончилась неудачей. В 90-х годах VII в. впервые в качестве правителя подчиненной Армении был назначен не представитель местной армянской знати, а один из членов омейядской правящей династии.

Одновременно с Арменией арабы захватили Азербайджан и часть Грузии. Пограничным пунктом на севере арабских владений на Кавказе стал город Дербенд. Дабы охранить свои владения от набегов кочевников, арабы построили стену, снабженную рядом укреплений — цитаделей.

Завоевание Средней Азии и территории современного Афганистана

Наступление арабских войск на Среднюю Азию началось в 70-х годах VII в. Вначале это наступление имело форму отдельных набегов. В 681—83 гг. арабские войска впервые зимовали в Средней Азии. В эти же годы арабы захватили почти всю территорию современного Афганистана.

Среднеазиатские княжества оказывали сопротивление арабам, вступив в союз с тюрками. Решительное завоевание Средней Азии началось лишь в первых десятилетиях VIII в., когда был назначен в качестве командующего и наместника Хорасана помощник правителя Ирака — Кутейба ибн-Муслим. Действуя хитростью и вероломством, Кутейба использовал раздоры между отдельными среднеазиатскими правителями и подчинил себе большинство владений. В 709 г. была прочно завоевана Бухара; вскоре подчинен Самарканд, а в 711—712 гг. Кутейба захватил Хорезм.

Войны с Византией

Византия и в VII в. была еще весьма сильным противником. Наступление, предпринятое Омейядами в Северной Африке, завоевательная деятельность их на Кавказе, общая мощь Арабского государства грозили не только целостности, но и существованию Восточной Римской империи. Византийско-арабские войны и при Омейядах носили напряженный характер. Опираясь на средиземноморские портовые города и захватив Кипр, Крит и другие важные в стратегическом отношении острова, арабы, начиная с 670 г., неоднократно предпринимали морские походы на Константинополь. Не менее ожесточенными были сухопутные столкновения в Малой Азии и Сирии.

Омейядское государство в начале VIII в.

Правление шестого халифа из династии Омейядов, Валида I (705—715), было временем наибольшего процветания Арабского государства. На западе границей омейядских владений была Испания, на востоке — Средняя Азия и Афганистан; Северная Африка с Египтом, Аравия, Сирия, Палестина, Кавказ в значительной части и Иран составляли основной массив этих владений. К подданным дамаского халифа принадлежали: романизованное

иберское население Испании, копты и берберы Африки, греки, арабы, персы, армяне, арамейцы. Все эти народы разнились по языку, религии, историческим традициям и степени развития. Для управления всеми этими столь отличными друг от друга владениями халифат создал систему наместничеств. Таких наместничеств в первое время было девять: 1) Сирия с Палестиной, 2) Ирак с центром в Куфе, городе, возникшем из арабского лагеря на западной границе сасанидского Междуречья, 3) Фарс, Систан, Хорасан, Бахрейн, Оман и, вероятно, Неджд, Йемена составили третье наместничество с центром в Басре, 4) Армения, 5) Хиджаз, 6) Керман и пограничные владения с Индией, 7) Египет, 8) Африка, 9) Йемен и остальная южная Аравия. Позднее число наместничеств было сведено к пяти: 1) Ирак с подчинением большей части Ирана и восточной Аравии; это наместничество назначало отдельного правителя для Хорасана и Средней Азии со столицей в Мерве, 2) Хиджаз вместе с Йеменом и центральной Аравией, 3) Армения, Азербайджан, восточная часть Малой Азии и северная часть земель между Тигром и Евфратом, 4) Египет, 5) Африка с присоединением Испании и Сицилии.

Во главе каждого наместничества стоял эмир, функции которого напоминали функции военного губернатора; эмир был командующим войсками наместничества и главным администратором. Ближайшими помощниками эмира-наместника являлись: чиновник, ведавший сбором налогов (амиль), и представитель духовной власти халифа — кадий (судья).

Во главе всей этой администрации стоял халиф, власть которого со времени переворота, произведенного Муавией, считалась наследственной в династии Омейядов. Халиф, как и в период «праведных» преемников Мухаммеда, соединял в своих руках всю полноту духовной и светской власти.

Молодость созданного арабами государства, малая культурность завоевателей и близость Византии и Ирана на первое время привели к сильному влиянию византийско-иранских государственных традиций на халифат. Долгое время официальным языком омейядских государственных учреждений, называвшихся по-персидски «диван», был греческий язык; греки и персы составили основную массу канцеляристов и секретарей в начале правления Омейядов. Лишь в конце VII в. арабский язык стал государственным языком, и иноверцы были удалены из штата омейядских диванов. В это же время в Дамаске и других крупных центрах халифата была произведена реформа чеканки монет; греческие и иранские символы и надписи были заменены арабскими. В Дамаске чеканились золотые и серебряные монеты; в столицах наместничеств было разрешено чеканить одни серебряные монеты.

Византийское влияние особенно было ощутительно в военном деле. Омейядское войско и морские военные силы позаимствовали многое из вооружения и военной организации византийцев. Византийско-иранские придворные обычаи твердо устанавливаются в Дамаске. Еще Муавия (661—680) ввел обычай, чтобы ха-

лифа сопровождал отряд копьеносцев-телохранителей. Теперь и в мечети халиф занимал отдельное от верующих, почетное место.

Омейяды, Аравия и Алиды

Включение в состав халифата грандиозного круга земель совершенно изменило положение самой Аравии в образовавшемся государстве. При наличии ряда торговых дорог от Средиземного моря на восток дорога через Хиджаз — Йемен приобрела теперь второстепенное значение. Мекка и Медина с их патриархальными полубедуинскими порядками, дорогие для арабов по воспоминаниям, связанным с жизнью пророка, становились в отношении экономическом и политическом заурядными провинциальными центрами. Основные нервы и узлы внешней и внутренней политики сосредоточивались совсем не в Аравии.

Омейядам пришлось сломить угрожающую оппозицию прежде всего со стороны части знати, опиравшейся на Мекку и Медину, и выдвигавшую в противовес Омейядам представителей старых мекканско-мединских родов и семей, в частности семью зятя и двоюродного брата пророка, Али. Претензии Алидов на главенство в мусульманском мире были особенно опасны. Приверженцы Алидов пользовались симпатиями среди покоренной иранской знати, видевшей в противопоставлении Алидов Омейядам средство к ослаблению арабского господства. «Добровольная» передача власти Муавии Хасаном, старшим сыном Али, убийство Хусейна, второго сына Али, в 680 г. в Кербеле, восстание в Мекке и Медине под руководством Ибн-Зубейра, осада и захват Мекки и Медины омейядскими войсками в 682 г., — все это звенья одной и той же политической линии, направленной на подавление и уничтожение хиджазской оппозиции, опасной не столько самой по себе, сколько вследствие поддержки ее из Ирана.

Из описанных выше событий большое значение в истории развития мусульманского сектантства получила впоследствии борьба Омейядов с Алидами; в частности, место убийства Хусейна и по настоящее время является одним из «святых мест» для шиитов.

Ислам. Культура

Борьба с хиджазской оппозицией особенно охотно изображается позднейшей мусульманской историографией как лучшая иллюстрация к представлению об Омейядах не как о правоверных мусульманских халифах, а как о царях-узурпаторах, сомнительных мусульманах. Это положение не соответствует исторической действительности. Именно при Омейядах впервые ислам из местной арабской религии превращается в подлинно государственную религию средиземноморских стран, вошедших в состав халифата. Как в организации государственного аппарата, так и в построении ислама в качестве государственной религии арабы широко использовали христианско-византийские и иранско-зо-

роастрийские традиции. Вместо прежнего примитивного хиджазского здания-двора для молитвы в Дамаске была сооружена величественная мечеть с минаретами по фронтону (заимствована от колоколен христианских храмов), с кафедрой (мимбар) для проповедника, с купольно-сводчатым покрытием (заимствовано из иранской архитектурной традиции). Ниша во внутренней стене мечети указывала направление на Мекку.

При Омейядах ислам становится уже вполне сложившейся системой канонических положений и обрядов. Многочисленные ученые богословы и юристы работают над комментированием Корана, собиранием преданий о пророке. Образуется шарият, т. е. та юридическая догма, которая является совокупностью согласованных преданий с Кораном. Таким образом, возникает мусульманское государственное и частное право, ближайшей задачей которого является заменить доисламские правовые нормы, бывшие в ходу среди завоеванных народов.

Признание государственным языком арабского сопровождается оживленной работой филологов и лингвистов того времени. В Куфе и Басре возникают школы грамматиков, весьма существенную роль в которых играют принявшие ислам иранцы. Двуязычность или даже многоязычность населения — естественный результат образования арабского государства — содействует обмену культурными ценностями. В Дамаске и других городах начинается работа по переводу с греческого и среднеперсидского на арабский язык сочинений научного и философского характера.

Сохранившиеся от омейядского времени остатки загородного дворца-цитадели указывают на проникновение в стенную живопись эллинских античных мотивов.

Господствующий класс, крестьянство, купцы и ремесленники

Приход к власти Омейядов означал в отношении социальном победу в первую голову части арабской знати, которая деятельно участвовала в завоеваниях. Происхождение от первых завоевателей считается теперь единственным критерием, дающим право на полноценное участие в государственной жизни. Самые могущественные представители знати покоренных народов, даже при условии перехода в ислам, трактовались омейядской господствующей верхушкой как клиенты (мавля) того или иного знатного араба. Все господствующие позиции в гражданской, духовной и военной администрации могли быть заняты и занимались в действительности только представителями арабской знати.

Завоевание арабами стран, сельское хозяйство которых было тесно связано с искусственным орошением, создало в халифате значительный фонд государственных земель; управление этими землями было неразрывно соединено с управлением сложными ирригационными сооружениями. Наряду с этим государственным земельным фондом существовал если не равный, то близкий по величине земельный фонд, принадлежавший арабской знати на

правах частного владения. При слабой централизации государственного аппарата наместники и крупные чиновники, особенно находившиеся в удаленных от Дамаска и Сирии областях, являлись одинаково полновластными распорядителями и частновладельческими, и государственных земель. Таким образом, положение господствующей арабской знати при Омейядах представляется нам положением крупного землевладельца, всецело зависящего от доходов, получаемых с земли.

Совершенно естественно, что при начале арабского завоевания положение крестьянства, находившегося на этих землях, было значительно легче, чем в предшествующее арабам византийско-сасанидское время. Надеждами на улучшение своего положения и объясняется содействие крестьян арабам в ряде местностей при начале завоевания. Надежды эти были разрушены в самом непродолжительном времени. Если первоначальные арабские завоевания совершались преимущественно силами самих же арабов, бедуинов, то последующие территориальные приобретения требовали от Арабского государства больших средств на оплату наемного войска. Уже при Омейядах значительная часть военных сил была неарабская по происхождению, но состоявшая на полном содержании Арабского государства.

Средства на это получались, главным образом, с земли. Земельный налог, именуемый по сасанидскому образцу «харадж», становится преимущественным видом государственного дохода. Немусульманское население дополнительно к этому земельному налогу обложено было подушной податью — «джизия».

Таким образом, омейядская знать, — хотела она того или не хотела, — заступила место сасанидо-византийской землевладельческой знати в том захватывавшем все большие и большие массы крестьянского населения процессе, который был связан с превращением свободного крестьянина в феодальнозависимого.

Являясь по преимуществу землевладельцами, представители омейядской знати относились к ремеслу и торговле завоеванных стран, по меткому выражению одного из исследователей, «как средневековые европейские лорды и бароны». Развитее в ремесленно-торговом отношении города Ближнего Востока продолжалось и при арабах свою деятельность, но были обложены тяжелыми налогами. Новыми городами, возникшими при Омейядах, были Васит, построенный в 702 г. в качестве военного лагеря между Куфой и Басрой, и Рамла — к западу от Иерусалима.

Сепаратистские тенденции наместничеств и народные противоомейядские движения

Сосредоточение крупной земельной собственности, государственной и частной, в руках омейядских наместников всегда таило опасность неповиновения центральной власти и восстаний. Еще в 691—92 гг., т. е. в период подъема омейядского могущества, правитель Хорасана, Абдаллах ибн-Хазин настолько чув-

ствовал себя независимым, что осмелился узурпировать регалию халифа — начал сам чеканить золотые монеты. В 699 г. ибн-ал-Ашас, командовавший восточноарабскими войсками, поднял мятеж и направился на Сирию. Лишь счастливая случайность освободила халифат от грозной опасности. Не прошло и десятка лет, как восстал упомянутый выше завоеватель Средней Азии, Кутейба ибн-Муслим.

Одновременно с борьбой среди правящей верхушки халифата развивается общее народное недовольство, нередко выражающееся в форме открытого мятежа. Народные противоомейядские движения конца VII — начала VIII в. в большинстве являются хариджитскими по форме. Расплывчатый хариджитский лозунг «...решение (принадлежит) только Аллаху» (Коран), трактованный как «нет халифа иначе, как по воле бога и по воле народа», давал возможность объединиться самым разнообразным социальным слоям. Кроме крестьян в противоомейядском хариджитском движении приняли участие и недовольные Омейядами арабские племена, и обедневшие мелкие землевладельцы завоеванных арабами стран, и купечество торговых городов, страдавшее от тяжелых налогов мусульманских «лордов и баронов».

В 693 г. в Месопотамии начинается крупное хариджитское движение, к которому примыкает весь восток халифата. Вслед за Месопотамией восстают центральный Иран, Керман, Хорасан, Средняя Азия. Омейядские войска терпят поражения и отступают перед повстанцами. На пост наместника Ирака назначается суровый Хаджадж, который террористическими мерами подавляет повстанческое движение в Ираке. Но на востоке халифата хариджитские волнения продолжают и много лет спустя.

Борьба с сепаратистскими тенденциями наместников и народными восстаниями ослабляет Омейядское государство. Правление преемника Валида, халифа Сулеймана (715—717), ознаменовалось крупным поражением арабских войск в войне с Византией. Еще Валидом был тщательно подготовлен поход на Константинополь. Несмотря на эту тщательную подготовку и личное руководство войсками халифа, арабы были разбиты; громадный флот, заготовленный для этого похода в Египте и Сирии, уничтожен греками. Более трех четвертей двухсоттысячного сухопутного арабского войска погибло от недостатка провианта, чумы и нападений византийцев. Значительный неуспех постиг омейядские войска на востоке халифата. Несмотря на продвижение арабов далеко на север Средней Азии, южнокаспийские районы Ирана оставались все еще незавоеванными. В начале VIII в. сюда, в малодоступные горные леса, бежали преследуемые Омейядами сторонники Алидов. Попытка правителя Хорасана завоевать эти области окончилась неудачей. Омейядским войскам, попавшим во время похода в тяжелое положение, пришлось заплатить южнокаспийским горцам значительную контрибуцию.

В этих условиях халифат должен был стать на путь компромиссов. Следующий за Сулейманом халиф Омар ибн-Абд-ал-азиз (717—720) пытается успокоить восток халифата разными налого-

выми льготами, прекращением гонений против хариджитов. Но и это уже не могло спасти Омейядов. В правление того же Омара, единственного из Омейядов, оставившего репутацию «благочестивого» в последующей мусульманской исторической традиции, вновь происходит восстание хариджитов в Ираке. Одновременно с иракским восстанием возник крупный мятеж в Средней Азии, где повстанцы вступили в союзные отношения с тюрками. Средняя Азия почти на 10 лет выходит из-под власти дамасских халифов. Бухара только в 729 г. снова подчинилась арабам. Не прошло нескольких лет; как ибн-Сурейдж на востоке поднял черное знамя «во имя книги божией, во имя пророка, во имя его предписаний»; он обещал не брать податей с мусульман. Омейяды были вынуждены направить для подавления восстания отборные сирийские войска. В 736 г. вспыхнуло хариджитское движение в Ираке, в 741 г. произошло грозное восстание берберов в Северной Африке. Месопотамия становится ареной энергичной алидской пропаганды. Город Куфа на некоторое время переходит во власть алидов. В 745 г. алид Яхья поднимает восстание на северо-востоке Ирана; после упорной двухлетней борьбы Яхья был захвачен в плен и казнен. Но дни Омейядской династии были уже сочтены.

Восстание Абу-Муслима и свержение Омейядской династии

Движение, которое привело к гибели Омейядскую династию, зародилось, как и все наиболее опасные противоомейядские движения, на востоке халифата. Именно здесь создались условия, которые способствовали всякой пропаганде и деятельности против режима дамасских халифов. Крестьянское недовольство находило здесь самую горячую поддержку со стороны захиревшего и обедневшего иранского дехканства. Удаленность от центра халифата и близость к тюркскому кочевому населению придавали всякому мятежу особенно опасный характер. Несмотря на распространение ислама, и в Хорасане, и в Средней Азии зороастризм, буддизм и другие верования находили все еще многочисленных тайных и явных приверженцев.

В том самом 747 г., когда был взят в плен и казнен алид Яхья, недалеко от Мерва Абу-Муслим поднял черное знамя восстаний. Черный цвет отныне станет излюбленным цветом сменивших Омейядов халифов Аббасидов. Впрочем, в день, когда было поднято знамя восстания у Мерва, вряд ли кто из участвовавших в мятеже ясно сознавал ближайшие судьбы Арабского государства. И алидская, и аббасидская пропаганда равно находила себе место в Хорасане и Средней Азии, поскольку и та, и другая были направлены против ненавистного омейядского режима. В отношении прав на главенство в мусульманском мире и Алиды, и Аббасиды могли в одинаковой мере предъявлять в качестве главного аргумента свое происхождение из одного колена с пророком. Аббас, как и отец Али, были хашимиты и приходились дядями Мухаммеду.

Уже вскоре после начала восстания правитель Хорасана был вынужден оставить Мерв. Высланные из Сирии войска потерпели поражение от повстанцев. В 749 г. весь Иран находился в руках мятежников. Приближение повстанческих отрядов разбудило лишь недавно потушенное недовольство в Месопотамии. В январе 750 г. последний омейядский халиф Мерван II (744—750) бежал в Египет, где был схвачен и убит. Повсюду происходило беспощадное истребление Омейядов; убивали не только взрослых мужчин, но и женщин, детей, всех, имевших какое-либо отношение к сверженной династии. Лишь немногие из Омейядов уцелели; один из них, Абд-ар-Рахман, бежал через Северную Африку в Испанию, где ему удалось образовать эмират (княжество) в Кордове (756).

ХАЛИФАТ АББАСИДОВ

Переворот, свергнувший Омейядов и приведший к власти династию халифов Аббасидов, имел большое значение для судьбы халифата. Аббасидское государство с самого начала своего существования не было единым суверенным государством мусульманского мира. На Пиренейском полуострове образовалось независимое от Аббасидов омейядское княжество. После происшедшего переворота арабская знать потеряла свое главенствующее положение. Вместе с арабами теперь на всех командных местах государственного аппарата действуют также представители господствующего класса покоренных народов, главным образом, иранцы по происхождению. Сообразно с происшедшими переменами преобладавшее при Омейядах в культуре и быте византийское влияние уступило место иранскому. Старинная сасанидская культура входит при Аббасидах неотъемлемой частью в мусульманские быт, нравы и традиции.

Багдад

Под влиянием совершившихся в халифате перемен было изменено место резиденции центрального правительства. В 762 г. при втором халифе Мансуре (754—775) столица государства была перенесена на западный берег реки Тигра, несколько выше по течению от бывшей столицы Сасанидов — Ктесифона. На месте, где была основана резиденция Аббасидов, находилось селение Багдад. Главный город халифата назывался в аббасидское время в разговорном языке также Багдадом. Но официальным наименованием основанной Мансуром столицы стало вплоть до завоевания ее монголами — Мадина-т ас-салям — «город мира (спокойствия)».

О первоначальном устройстве и жизни города мы знаем лишь по письменным источникам. Город Мансура был построен в форме круга и защищен крепостной стеной. Внутри города вели четверо ворот. На центральной площади находились дворец халифа, соборная мечеть, государственные учреждения, казнохра-

нилище, оружейные мастерские, казармы для войска. Город превосходил по размерам Дамаск, но все же был невелик по сравнению с Багдадом X—XI вв. Умело выбранное местоположение вскоре превратило резиденцию Аббасидов в первоклассный торгово-ремесленный центр. Здесь скрещивались основные сухопутные торговые дороги, ведущие с востока к портовым городам Сирии и Палестины. Расположенный на той излучине Тигра, где он ближе всего подходит к Ефрату, Багдад благодаря системе каналов мог пользоваться для водного транспорта в одинаковой мере обеими великими реками Месопотамии.

Несколько десятков лет спустя рядом с городом халифов выросли торгово-ремесленные пригороды; город распространился на восточный берег реки, где возник аристократический квартал. Резиденция халифов, перенесенная на восточный берег Тигра, мало-помалу превратилась в грандиозный комплекс замечательных архитектурных сооружений, украшенных садами, водоемами и занимавших одну треть левобережной части города.

Аббасиды по имени своей столицы часто называются «багдадскими халифами».

Положение крестьян и ремесленников при Аббасидах

Замена Омейядов аббасидскими халифами, конечно, ни в малейшей мере не сказалась на улучшении положения трудового населения.

При Аббасидах налоги на трудовое земледельческое население увеличились. Если в последние десятилетия правления Омейядов общая сумма налогов, получаемая с хараджных земель, равнялась примерно 112 миллионам золотых рублей, то уже при халифе Мансуре, несмотря на территориальное уменьшение халифата, общая сумма хараджного дохода увеличилась на 50%. По налоговым законам, введенным при первых же Аббасидах, все земли, орошаемые естественным выпадением влаги, обложены были в размере половины урожая. С земель, которые орошались посредством искусственной ирригации, брали от четверти до трети всего урожая; предполагалось, что остальная сумма дохода с этих земель должна идти на поддержание ирригационных сооружений.

Расширение товарно-денежных отношений повлияло на форму ренты. Рента приобрела натуральную форму. Взимание налогов натурой приводило к тому, что на городских рынках стало скапливаться много зерна. Хлеб дешевел, что опять било по крестьянскому бюджету.

Несоответствие двух эр — мусульманской и земледельческой (мусульманский год — лунный, земледельческий год был солнечным). — позволяло нередко собирать налог с населения два раза в год. Источником многочисленных злоупотреблений служило также уменьшение в весе, от долгого употребления, как золотой, так и серебряной монеты; начёты на это уменьшение составляли подлинный бич крестьянского населения. Обмер, вымогательства, пытки типичны для техники податной системы халифата.

Не в лучшем положении находились городские ремесленники, подвергавшиеся чисто феодальной эксплуатации. Скотоводческое население, обязанное, как и крестьянское, уплачивать налог натурой, также страдало от тяжести налогового гнёта и произвола чиновников фиска.

Таким образом, в аббасидском халифате с самого начала его существования создались условия для больших народных движений. Эти движения равно охватывали и крестьянское, и городское население. Как и при Омейядах, формой этих социальных движений было сектантство. Свои чаяния и надежды недовольные скрывали под религиозными доктринами, провозглашая или требуя отмены тех или иных религиозных догматов. Внедрение ислама среди покорённых арабами народов повлияло на формы этих сектантских идеологий VIII—IX вв.

Ислам и сектантство

В VIII—IX вв. ислам становится религией большинства населения халифата. Принятие ислама для знати покоренных арабами народов означало возможность войти в состав гвардии или бюрократии, окружавших халифа. Если при Омейядах даже принятие ислама не избавляло знатного человека, неараба по происхождению, от унижительного положения клиента, то при Аббасидах принявшая ислам неарабская знать быстро смешивается со знатью арабского происхождения. Внедрение ислама в широкие массы населения становится настоятельной необходимостью для эксплуатирующего класса. Мусульманская церковь с ее догматом: «Верующие! повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику сему и тем из вас, которые имеют власть» — была необходимым орудием господства.

В VIII—IX вв. началось широкое строительство мечетей в провинциях халифата. В самом Багдаде в VIII в. была только одна соборная мечеть, в IX в. их было уже несколько, а в XI—XII вв. — около двух десятков. Тщательно разрабатывается мусульманская догма. Как и в омейядское время, энергично действуют всякие собиратели преданий о пророке, собиратели сунны — высказываний пророка. Прежние, домусульманские верования народов, вошедших в состав халифата, частично усваиваются исламом.

Если в предшествующую Аббасидам эпоху на развитие ислама оказало значительное влияние византийское христианство, то теперь, при Аббасидах, такое же влияние начал оказывать зороастризм и другие иранские религиозные традиции. Сами халифы Аббасиды, тесно связанные со старинными иранскими семьями, вводили новшества, несвойственные раннему мусульманству. При дворе повелителя правоверных начали очень торжественно справляться такие чисто зороастрийские праздники, как «праздник огня» и новый год (ноуруз). На востоке халифата зороастризм еще в VIII—IX вв. был широко распространен. Нередко недалеко от соборной мечети помещался древний зороастрийский храм огня. Летописи сохранили описание горной местности близ Ши-

раза, где еще в IX в. жили маги, хранители священных зороастрийских книг и преданий. Многие местности, считавшиеся в домусульманское время «святыми», становились мусульманскими святынями. Так, например, одно селение под Бухарой считалось в IX в. таким же достойным паломничества местом, как и Мекка; человек, совершивший паломничество в это селение, освобождался от паломничества в Мекку.

На почве этого глубокого влияния домусульманских религиозных культов новые элементы входят не только в ортодоксальный ислам, но и в сектантскую идеологию. Манихейство и маздакизм не исчезли после арабского завоевания. Более того, разочарование крестьянства, ремесленников в тех надеждах, которые возлагались эксплуатируемыми классами на ислам, привело к оживлению этих старинных идеологических источников народных движений. В течение столетия, последовавшего за арабским завоеванием, эти манихейско-маздакитские идеологии приобрели много новых, несвойственных им ранее черт. В этом отношении большой интерес представляют собою хуррамиты. По преданию, свое название секта «хуррамия» получила от имени жены Маздака — Хуррамэ, которая после гибели своего мужа бежала в северные области Ирана и там положила основание распространению маздакизма. Как и маздакиты, хуррамиты требовали равенства людей в потреблении «благ» и уничтожения «зла», которое царило в социальном устройстве. Как и маздакиты, хуррамиты призывали к активным действиям против эксплуатирующих классов. Но вместе с тем, в учении хуррамитов появилось и много нового. Из Индии хуррамиты заимствовали учение о переселении душ; «божественная душа», по мнению хуррамитов, могла вселяться только в кого-либо одного; этот единственный и становился неограниченным повелителем — «богом».

Но самым значительным из сектантских движений становится в это время шиизм.

Шиизм VIII—IX вв.

Шиизм, в начале своего существования объединявший лишь некоторую часть арабской знати, недовольной узурпацией власти Омейядами, в VIII—IX вв. превратился в могущественную секту с тщательно разработанной догматикой. Как и хуррамиты, шииты верили в то, что «божественная душа» может воплощаться в каждый период только в одном лице. Таким лицом, по верованиям шиитов, мог быть только потомок пророка Мухаммеда, происходивший от Али и дочери Мухаммеда Фатимы. Это избранное лицо получило у шиитов название «имам». Под словом «имам» мусульмане обычно понимают лицо, совершающее богослужение; у шиитов под словом «имам» разумелось нечто близкое к иудейскому понятию «мессия».

Окончательное формирование шиитской догматики произошло в последней четверти IX в. Тогда же шииты распались на два толка. Первый толк признавал законными двенадцать имамов, потомков Али; двенадцатый из этих имамов, Мухаммед

Мунтазар, как историческое лицо появляется в последний раз в летописях в 873 г. По верованиям шиитов этот Мухаммед Мунтазар, потомок Али и его сына Хусейна, исчез в таинственном ущельи и должен явиться при конце мира. Второй толк шиитов, возникший в конце IX в., носил название исмаилизма, или батинизма («сокровенного учения»). Приверженцы этого толка исповедовали свое учение тайне. Исмаилизм признавал только семь имамов. Седьмым имамом исмаилиты считали не Мусу Казима (ум. в 799 г.), а Исмаила (ум. в 762 г.). Исмаилизм, или батинизм, сыграл весьма существенную роль в мусульманстве. Не говоря уже о том, что исмаилиты организовали ряд самостоятельных государств, наиболее крупным из которых был фатимидский Египет, миссионерская их деятельность и пропаганда, направленные против Аббасидов, содействовали ослаблению аббасидского могущества.

Гибель Абу-Муслима и восстание Сумбата Мага

Уже 5 лет спустя после утверждения власти Аббасидов, им пришлось встретиться с большим восстанием. Это восстание было тесно связано с именем и судьбой Абу-Муслима.

Организатор низвержения династии халифов Омейядов получил в позднейшей мусульманской традиции характерное прозвище «сахиб ад-даават» — глава проповеди (разумеется, еретической проповеди). В богословских сочинениях аббасидского периода отрицательное отношение к Абу-Муслиму иллюстрируется даже словами пророка, который, якобы, предсказал появление в Хорасане еретика. С другой стороны, в средневековой литературе Средней Азии и Кавказа, в различных версиях так называемого «романа об Абу-Муслиме», мы встречаем явно искаженное изображение исторической роли Абу-Муслима как поборника мусульманского правоверия.

Такая же двойственность характеризует и подлинную, засвидетельствованную летописями, деятельность Абу-Муслима. Человек, содействовавший возвышению Аббасидов, выступает и после 750 г. как верный аббасидский наместник в Хорасане. Вскоре после победоносного движения среднеазиатского и хорасанского ополчения на Дамаск в Бухаре вспыхнуло проалидское восстание; одновременно властитель Хорезма направил в Китай посольство с просьбой о военной помощи против Аббасидов. В этой обстановке Абу-Муслим действует неукоснительно как защитник халифата. Китайские войска были разбиты и бухарские шииты усмирены. Вместе с тем, деятельность Абу-Муслима вызвала подозрение у ортодоксальных мусульман. Нет тех хитростей, которые не были бы пущены первыми халифами — аббасидами, чтобы уничтожить Абу-Муслима. В 755 г. халифу Мансуру удается, наконец, заманить Абу-Муслима и вероломно убить его. Последовавшее вслед за убийством Абу-Муслима восстание началось в том же 755 г. в Нишапуре; во главе восстания стоит лицо, само прозвище которого Сумбат — «маг» — уже достаточно

для характеристики восстания. Восстание Сумбата было направлено в одинаковой мере как против аббасидов, так и против правоверного мусульманства. Приверженцы Сумбата утверждали, что Абу-Муслим живет в некоем укреплении, сделанном из меди, и должен явиться вместе с Маздаком, чтобы править миром. Понадобилось напряжение всех сил халифата, чтобы ликвидировать движение Сумбата. В сражении, происшедшем у Рея, погиб сам Сумбат и 60 тысяч его сторонников. Движение было разгромлено. В Хорасане и Средней Азии возникла секта «муслимия»; исторический Абу-Муслим, по верованиям этой секты, превратился в мессию, который должен явиться.

Народные движения второй половины VIII в.

Одновременно с восстанием Сумбата вспыхнул мятеж в Месопотамии, который халифу Мансуру удалось ликвидировать лишь в 756 г. Деятельность секты «муслимия» сделала небезопасным само положение правителя Хорасана. Назначенный вместо Абу-Муслима новый наместник Хорасана был убит. Преемнику убитого наместника пришлось бороться с серьезным восстанием в Бухаре. Из страха перед сектой следующий наместник перешел на сторону сектантов; халифские войска вынуждены были биться с халифским же наместником. В этих условиях борьба халифата против шиизма становится чрезвычайно острой. Алиды подвергаются беспощадным гонениям. Халиф Мансур, выискивая алидов в Мекке и Медине, не останавливался перед массовыми казнями. В 765 г. началось крупное восстание в Мосуле, которое нашло поддержку среди курдских племен и распространилось по всему северо-западу Ирана. Одновременно восстал Систан. Лишь в 786 г. эти восстания были подавлены.

Особое место среди этих восстаний занимает среднеазиатское народное движение, во главе которого стоял Хашим ибн-Хаким, по прозванию Муканна, что значит «закрытый покрывалом». Арабо-персидские хроники, принадлежащие перу представителей господствующего класса, стремятся изобразить Муканну, как и Маздака, плутом и обманщиком. Эти хроники рассказывают, что Муканна носил покрывало потому, что был безобразен; когда люди захотели взглянуть на его лицо, Муканна, по рассказам этих хроник, якобы проделал следующее: он поставил позади себя женщин с зеркалами; ослепленные отражением солнца в зеркалах, сектанты уверовали, что Муканна — божество. Единственно, что является достоверным в подобных рассказах, — это обычай сектантских вождей скрывать свое лицо то ли под покрывалом, то ли под золотыми масками. В течение восьми лет Муканна оказывал яростное сопротивление халифским войскам. Наконец в 783 г., окруженный в своей цитадели, он покончил с собой, не желая сдаться живым в плен.

Одновременно с восстанием Муканны хроники отмечают в 778 г. восстание «красных значков» в юго-восточных областях

Каспия; в 782 г. мы снова слышим о движении «муслимия» в том же районе.

В 783 г. для борьбы с этими многочисленными и опасными сектами халифом Махди было учреждено судилище, напоминающее испанскую инквизицию. Тысячи людей гноились в зловонных тюремных ямах, подвергались жесточайшим пыткам; малейшее подозрение в принадлежности к секте влекло за собой казнь.

Харун ар-Рашид (786—809)

В 786 г. на престол вступил Харун ар-Рашид.

Основной политической линией нового халифа была борьба за укрепление государственной власти. В этой борьбе естественным союзником Харун ар-Рашида была мусульманская церковь. В правление Харун ар-Рашида было создано много новых мечетей и благотворительных учреждений, церковь получила в собственность большие земельные наделы вместе с находившимся на этих наделах населением. Харун ар-Рашид любил окружать себя духовенством, учеными богословами, совершал в сопровождении великолепной свиты паломничества в священные города Аравии.

Одновременно с поддержкой церкви Харун ар-Рашид озабочился созданием особого войска, отличавшегося преданностью халифу. Создание такого войска было первым шагом к организации в халифате военной силы, отделенной от населения воспитанием, дисциплиной и бытовыми условиями.

Усиление центральной власти сопровождалось борьбой со знатью. При Харун ар-Рашиде подверглось опале много знатных семей; имущество опальных переходило в собственность халифа. Особенно сильное впечатление произвела на современников опала знатного рода Бармакидов. Бармакиды были иранцами по происхождению; в восточном Иране у них находились крупные земельные владения. В последние десятилетия VIII в. Бармакиды стали наследственными везирами. По роду выполняемых обязанностей везир был в государстве вторым лицом после халифа; он держал в руках всю финансовую и хозяйственную жизнь страны. В 802 г. Бармакиды были отстранены от государственной службы, все имущество их конфисковано, а сами они подверглись поголовному уничтожению.

В связи с укреплением авторитета халифа, внешняя политика халифата при Харун ар-Рашиде отличалась активностью. Правда, с Идрисидами, утвердившимися с 788 г. на далеком североафриканском западе, и Аглабидами, захватившими Тунис и другие области к западу от Египта (с 800 г.), халифат ничего не мог поделать. Напрасно против непокорных был направлен замечательный полководец Харсама; все попытки Багдада, как военные, так и дипломатические, окончились неудачно. Северная Африка навсегда ушла из-под власти Аббасидов. Но на северных границах время правления Харун ар-Рашида было ознаменовано значительными успехами. На арабско-византийской границе была

организована специальная пограничная служба. Штабом арабских пограничных войск стал город Тарс. В 797 г. началась война с Византией, продолжавшаяся до 802 г. В этой войне арабские войска доходили до Эфеса и Анкары. Побеждённая Византия должна была уплатить халифату огромную дань. В правление Харун ар-Рашида произошло дальнейшее расширение границ халифата в Средней Азии. В 794—795 гг. халифату подчинился один из больших, до того времени независимых районов Средней Азии — Осрушна.

Централизация, проводившаяся Харун ар-Рашидом, вела к значительному увеличению военного и бюрократического аппарата. Войны с Византией также требовали больших денежных средств, особенно когда император Никифор, нарушив договор, в 803 г. повел наступление на халифат.

Правление Харун ар-Рашида было чрезвычайно тяжелым для крестьянства и тех слоев населения, на которые падали главным образом государственные подати. Особенной ненавистью пользовался фаворит халифа, хорасанский наместник Али ибн-Иса, правивший областью с 796 по 806 г. Поборы, производившиеся Али, были настолько велики, что деятельность этого наместника в последующей мусульманской литературе обычно приводится в качестве иллюстрации типа чиновника-вымогателя. Вследствие этих поборов в Хорасане и Средней Азии начались повсеместные мятежи, перешедшие затем в восстание, охватившее всю область. Во главе восстания встал эмир Рафи ибн-Лейс. Вокруг Рафи ибн-Лейса собралось многочисленное крестьянское ополчение; к крестьянам присоединились кочевые тюрки. В 804 г. Харун ар-Рашид, находившийся в то время в Сирии, должен был лично отправиться на восток, предварительно послав туда Харсаму, который только что перед этим вернулся из похода в Северную Африку. Попытка погасить восстание силами, находившимися в распоряжении Харсамы, не удалась. В тылу и по флангам шедшей на восток армии самого халифа поднимались все новые восстания. В Исфагане, Ширазе общее число повстанцев превышало 100 тысяч. Дойдя до Туса, Харун ар-Рашид заболел. Лежа на смертном одре, халиф повелел привести к себе взятого накануне в плен брата вождя восставших и, как передают хроники, закрывая уже в агонии глаза, приказал предать его смертной казни. Оба — и халиф, и брат вождя повстанцев — умерли в один и тот же час.

Борьба за престолонаследие и шиитская политика Мамуна

Со смертью Харун ар-Рашида в халифате возникло двоецарствие. У покойного халифа было три сына, из которых двоих он назначил своими наследниками — Амина, происходившего от законной жены — Зубейды, и Мамуна, рожденного от рабыни-персиянки. В момент смерти Харун ар-Рашида Амин был наместником в Багдаде, а Мамун стал править восточными областями халифата.

На следующий год после смерти Харун ар-Рашида путем обе-

щаний Мамуну удалось склонить на свою сторону вождя восстания Рафи ибн-Лейса. Известную роль в примирении Рафи ибн-Лейса с халифской властью несомненно сыграла позиция, которую занял Мамун по отношению к Алидам и шиизму. В 811—813 гг. в Сирии происходили большие шиитские волнения, направленные против Амина. Как восстание Рафи ибн-Лейса, так и сирийское восстание продиктовали Мамуну политическую линию компромисса с шиизмом, использование шиизма в личных целях. Когда Амин в 810 году объявил наследником своего сына, лишив Мамуна права наследования, этот последний поставил во главе своего войска знатного перса, талантливого военачальника Тахира. Во главе войска Амина стоял тот самый Али ибн-Иса, неистовые поборы которого вызвали восстание в Хорасане. В помощь Тахиру из Средней Азии и Хорасана было двинуто дополнительное ополчение под командой Харсамы. В 811 г. около Рея войска Мамуна нанесли поражение войскам Амина, и все области к востоку от Тигра перешли в руки Мамуна. В 813 г. Тахир занял Месопотамию и штурмом взял Багдад; Амин был схвачен и убит.

Победа Мамуна над Амином была одержана благодаря поддержке восточных областей халифата, цитадели шиизма и сектантства. Шииты приобрели большое влияние при дворе Мамуна. Везирем был назначен перс-шиит Фадль ибн-Сахль, который роздал все высшие административные должности своим родственникам и приверженцам. В 816 г. по проискам Фадля неожиданно подвергся опале полководец Харсама, оказавший столько услуг халифату. Его бросили в Мервскую тюрьму и казнили. В следующем году Мамун в своих заигрываниях с шиизмом пошел еще далее: наследником престола был провозглашен алид Али-Риза, который был старше самого халифа на два десятка лет.

Но взятый курс на примирение с шиизмом хотя и оказался плодотворным для устранения от власти Амина, не мог, конечно, разрешить основных вопросов, связанных с погашением народного недовольства. В то же время заигрывание Мамуна с шиизмом и казнь популярного полководца Харсамы привели к открытому восстанию в Багдаде, не одобрявшем общего политического курса халифа. Ставленник Фадля ибн-Сахля в 818 г. был изгнан, и багдадцы попытались противопоставить Мамуну одного из его родственников. Некоторые поблажки шиизму несколько не уменьшили, конечно, недовольства крестьян и закабаленных халифатом народов. Когда Мамун, окруженный шиитами, находился в Мерве, на западе — в Азербайджане и прилегающих к нему районах — началось крупнейшее противохаалифатское движение, возглавляемое Бабеком. Такое крупное восстание, как восстание Бабека, до сих пор еще не было в халифате.

Восстание Бабека

Вождь этого крупного противоаббасидского восстания родился в Азербайджане около 800 г. Отец его был мелким розничным торговцем, ездившим со своим товаром из деревни в дерев-

ню. В одну из таких торговых поездок он был убит. Мать Бабека была крестьянкой и принадлежала, как и отец Бабека, к секте хуррамитов. Для этой секты был весьма характерен свободный взгляд на брак, соединенный с уважительным отношением к женщине. Мать Бабека сошлась в свободном союзе с отцом его. Мусульманские женщины подвергли молодую женщину всяческим издевательствам и в конце концов принудили родителей Бабека совершить обряд бракосочетания по мусульманскому обычаю.

Свое детство Бабек провел в бедности, пас деревенских коз, ездил с караванами в различные места Азербайджана. Знакомство с бытом и культурой развитых торгово-ремесленных городов расширили кругозор юноши. Еще юношей, в 817 г. он выступил в качестве организатора повстанческих крестьянских отрядов. Благодаря его неутомимой энергии, весь Азербайджан вскоре находился во власти этих отрядов. Арабские гарнизоны были изгнаны из крепостей, крупные землевладельцы бежали. Но мелкие землевладельцы, сами страдавшие от арабов, перешли на сторону восстания. Эти мелкие землевладельцы составили впоследствии и силу, и слабость всего движения. Положительной стороной их участия в движении было то, что они лучше, чем крестьяне, знали военное дело и, следовательно, могли принести большую пользу в военных операциях повстанцев. Отрицательной стороной было то, что они, конечно, не могли полностью сочувствовать целям хуррамитов. Они шли с крестьянством, пока крестьянство уничтожало иноземных завоевателей, арабов. Когда же эта задача оказывалась выполненной, эти мелкие землевладельцы сами становились эксплуататорами безземельного крестьянина-издольщика.

В скором времени в руках восставших оказался весь западный Иран. В Азербайджане, центре восстания, Бабек построил цитадель, куда свозились все захваченные у арабов богатства для распределения их среди повстанцев.

Восстание Бабека было на руку Византии, находившейся в то время во враждебных отношениях с халифатом. Византия решила использовать восстание для совместного наступления на халифат. Но вместе с тем византийское правительство боялось социальной программы своих союзников. Желая противопоставить Бабеку своего ставленника, византийское правительство разыскало среди населения Константинополя потомка Сасанидов и пыталось этого константинопольского «Сасанида» сделать правителем восставших против аббасидского господства народов.

Переезд Мамуна в Багдад. Политика союза с крупным землевладением

В связи с восстанием Бабека, наметился резкий поворот во всей политике Мамуна.

Халиф решил, оставив восток, снова переехать в Багдад. Движение Мамуна на пути в Багдад было чревато событиями, одно

перечисление которых иллюстрирует достаточно ярко перемену политической линии.

В 818 г., во время стоянки халифского лагеря у реки Аракса, неожиданно погибает всемогущий до того времени везир Фадль ибн-Сахль. Он был убит в бане собственными рабами. На допросе рабы заявили, что совершили убийство по приказу халифа. «Оскорбленный» Мамун приказал распять рабов. Свита и войско халифа прибывают в Тус. В Тусе также неожиданно «умирает» провозглашенный наследником Али Риза. Умерший наследник-шиит был похоронен возле могилы Харун ар-Рашида. И по настоящее время в современном Мешхеде, одном из шиитских центров Ирана, гробница восьмого шиитского имама, каким стал Али Риза после своей смерти, находится рядом с гробницей пятого аббасидского халифа. Чем ближе находится халифский поезд к Багдаду, тем меньше склонности проявляет Мамун к шиизму.

С 819 г. можно датировать появление той политической линии, которая характеризует вторую половину правления Мамуна и вместе с тем определяет начало распада халифата на ряд наследственных наместничеств. В борьбе с крестьянскими восстаниями и сектантским движением в городах халифат пытается опереться на крупное провинциальное землевладение.

При Мамуне возвышается ряд семей. Таковы, например, Саманиды. Саман был землевладельцем из Балха, принявшим ислам в 819 г. Во время движения Мамуна на Багдад все четыре сына Самана за верность халифу были награждены Мамуном следующим образом: Ахмед получил во владение Фергану, Нух — Самарканд, Яхья — Шаш, Ильяс — Герат. Старший из братьев, Ахмед, наследовавший Нуху, вскоре присоединил к Самарканду еще и Кашгар.

Тахириды в Хорасане

В 821 г. Тахир был назначен наместником Хорасана. Он сделал своей столицей город Нишапур. Год спустя в одну из пятниц, когда в мечети совершалась молитва и по обычаю упоминалось имя правившего халифа, Тахир приказал опустить имя Мамуна. Попытка стать независимым от центрального правительства стоила Тахиру жизни. На следующий день, после отмены упоминания имени Мамуна в молитве, Тахир был найден мертвым в своей резиденции. Наместником Хорасана стал его сын Тальха. Попытка Тахира отделиться от Багдада не удалась, но она характеризует тенденцию подобных наместничеств. Через несколько десятилетий халифат превратился в ряд независимых друг от друга наместничеств.

Тахиридам пришлось с самого начала их правления выдерживать жестокую борьбу с крестьянским восстанием. Особенно сильные крестьянские волнения происходили в Систане; во главе крестьянского восстания там стоял Хамза, прозванный Хариджитом. Тахиридское войско терпело поражения. В 828 г. в восточном Иране наступил жестокий голод. В разгаре борьбы умер

Тальха. Ему наследовал его брат Али, убитый вскоре затем в одном из сражений с хариджитами. Тогда наместником Хорасана был назначен другой сын Тахира — Абдаллах.

Абдаллах (828—844) был один из выдающихся представителей тахиридской династии наместников. Путём удачных военных действий в 831 г. восстание в Систане было ликвидировано. Одновременно были введены новые законы пользования ирригационной системой, которые давали ряд облегчений податному крестьянству.

Время правления Тахиридов (821—873) было началом возрождения иранской культуры. Нишапур стал при Тахиридах большим городом. Он состоял из трех частей: «кухендиз» — старая цитадель, «шахристан» — часть города, где находились правительственные учреждения, дворец эмира и соборная мечеть, и «рабад» — предместье, где сосредоточивались торговля и ремесло. Тахиридский дворец в Нишапуре напоминал по роскоши дворец халифа в Багдаде. При дворе Тахиридов, как и при дворе халифа, проживало много поэтов, философов, ученых, богословов. При Тахиридах зарождается поэзия на новоперсидском языке.

Внешняя политика Мамуна

В 830 г., в самый разгар борьбы халифата с восстанием Бабека, началась война с Византией. Поводов к открытию военных действий было более чем достаточно для той и другой стороны. Если Мамун мог подозревать Византию в поддержке азербайджанского мятежа, то Константинополь не мог не знать о присутствии в войсках мятежника Фоки осаждавших византийскую столицу в 820—821 гг. арабских отрядов.

Военные действия начались удачно для халифата. Часть капдокийских крепостей перешла в руки Мамуна. Но в 831 г. император Феофил, одержав победу над арабами в Малой Азии, едва не захватил Тарс. Положение арабского войска осложнилось еще тем обстоятельством, что, одновременно с наступлением Византии, в Египте началось восстание. Для усмирения этого восстания был послан с частью войск Мутасим, брат Мамуна, а в начале 833 г. в Египет пришлось отправиться и самому халифу. Словив восстание, Мамун вернулся на северную границу, где и начал деятельно готовиться к наступлению на Византию. Было решено построить к северу от Тарса новую крепость, Тиану. Мамун лично руководил этой постройкой.

Среди этих мероприятий 7 августа 833 г. Мамун умер, оставив своим наследником Мутасима.

Поражение и гибель Бабека

Положение для халифата было весьма угрожающим. Неудачная война с Византией содействовала расширению территории, занятой азербайджанскими повстанцами. Используя раздоры в Византии, Мутасим поспешил заключить мир; для обмена плен-

ными в Багдад прибыло посольство из Константинополя во главе с Иоанном Грамматиком.

Мир с Византией дал возможность Мутасиму сосредоточить все силы в борьбе с Бабеком. Четыре ближайших года после смерти Мамуна были периодом тщательно подготавливаемых и щедро снабжаемых средствами военных экспедиций против Бабека. Во главе действовавшей в Азербайджане армии, усиленной отрядами так называемых «борцов за веру» (газиев), был поставлен владетель подчиненной при Харун ар-Рашиде Осрушны. Между халифом и действовавшими войсками была установлена постоянная связь через скороходов. Наконец, после долгих усилий и подкупа, сопротивление Бабека было сломлено. Осажденный в своей последней цитадели, он бежал с горстью преданных людей в Армению, где был впоследствии выдан местным князьком, привезён в Месопотамию и предан мучительной казни. Вместе с Бабеком было казнено множество хуррамитов (837).

Военная реформа Мутасима

Длительная борьба аббасидского халифата с народными движениями уже в правление Харун ар-Рашида привела правящие круги к необходимости организации преданных войск. Так как в задачу этих войск входила борьба не только с внешними врагами, но и, главным образом, усмирение народных восстаний, было ясно, что войско, состоявшее в массе из крестьянского и ремесленного населения, стало мало надежным инструментом для подобных целей. Трудная и грозная борьба с Бабеком воочию убеждала в необходимости коренной военной реформы. Начиная с правления Мутасима (833—842) избранной, так сказать, гвардейской, частью армии халифата становится войско, составленное из купленных или приобретенных на войне рабов (гулямы).

Положение этого гвардейского войска халифата определялось воспитанием и службой. Обычно такой раб-гвардеец начинал свою военную карьеру еще мальчиком. Оторванный от семьи и своего племени, он проходил при дворце халифа длительный период выучки, основной целью которой было создание воина, беспрекословно преданного халифу и не имеющего связей с населением. Все, что было нужно для существования такого воина, доставлялось из халифского казначейства. Воины не имели права непосредственного сношения с населением иначе, как по приказу халифа.

Кочевое, в частности тюркское население давало особенно крепких и ловких в физическом отношении воинов. Новый вид халифского войска состоял преимущественно из тюркской молодежи, покупаемой на среднеазиатских невольничьих рынках.

Но, являясь по происхождению рабом, такой воин находился по существу дела в более чем привилегированном положении. Из числа таких рабов рекрутировалась теперь свита халифа; они же назначались халифом в качестве наиболее преданных командующих другими войсковыми отрядами. В скором времени дол-

жность коменданта дворца была узурпирована исключительно представителями такого рабского войска. Надо ли говорить, что главное командование этого войска, эмиры, приобрели исключительно важное значение во всей жизни госудаства. Командующий таким войском, эмир ал-умара (эмир эмиров), начал пользоваться не меньшим влиянием, чем везир.

Окруженный рабской гвардией, Мутасим все же чувствовал себя в Багдаде небезопасно. Он перенес свою резиденцию в выстроенный в трех днях пути к северу от Багдада новый город, названный Самарра.

Война с Византией

После казни Бабека снова начались военные действия между халифатом и Византией. В 837 г. император Феофил, совершив удачный поход под Запетру, праздновал триумф в Константинополе, полагая, что усмирение азербайджанского восстания занимает все силы халифата. Но подавление восстания разрушило эти надежды Византии. Успешный поход Мутасима передал в руки арабов Аморию. Византия вынуждена была пойти на унизительный мир с халифатом.

Борьба за единоверие

Мутасим умер в 842 г. Со смертью последнего из выдающихся Аббасидов в политике багдадского халифата исчезает всякий проблеск веротерпимости. Единственной правильной политической линией Багдад признает борьбу за единоверие.

Бесцветное правление наследника Мутасима, халифа Васи́ка (842—847), ознаменовалось таким явлением, как захват города Мекки арабами-бедуинами, наложившими на священный город тяжелый налог. При Мутеваккиле (847—861) борьба за установление единоверия по всему халифату принимает самые резкие формы. Халифом был выпущен ряд эдиктов, запрещавших христианам и евреям появляться на улицах в одеждах, одинаковых с одеждами мусульман. Было предписано не принимать христиан и евреев на государственную службу. Христианским и еврейским детям запрещалось учиться в мусульманских школах.

Одновременно с борьбой против иноверцев в мусульманских районах халифат делает попытку насильно ввести мусульманство в чисто христианских областях. В 859 г. рядом террористических мероприятий Мутеваккиль пытается заставить армянскую знать принять мусульманство. По всему Кавказу поднимается большое противохалифатское движение; к восстанию присоединяются грузины и другие народы. Халифат был вынужден послать для усмирения этого движения свою отборную гвардию, которая огнем и мечом подавила армянское восстание и осадила Тбилиси. Тбилиси в то время был окружен деревянными стенами; в городе было много деревянных зданий. В результате применения огнеметательных снарядов город сгорел до тла. Заложники из числа армянской и грузинской знати были отправлены в столицу халифа-

та, где часть пленников была казнена, а другая часть насильно обращена в ислам.

Не менее решительные меры были приняты против Алидов и шиизма. Мутеваккиль приказал уничтожить могилу Хусейна, сына Али, внука Мухаммеда. Место, где был убит и похоронен Хусейн, считалось у шиитов святыней. Теперь шиитам под страхом смерти запрещалось паломничество к этой святыне. Гонения против шиитов сопровождались многочисленными казнями. В результате подобных мероприятий шиизм все более и более превращался в тайную организацию.

Гвардия и халиф

Организацией гвардии рабов халиф Мутасим пытался создать силу, которая была бы страшна всякому противобабасидскому движению. Но, став самым решительным орудием карательной политики Аббасидов, эта гвардия в скором времени из оплота режима превратилась в один из опаснейших элементов разложения государственной власти.

«Избрание» халифа Мутеваккиля было, кажется, дебютом командования гвардии в установлении своего влияния на аббасидское престолонаследие. Когда после смерти халифа Васи́ка придворные собрались во дворце, чтобы, как было завещано Васи́ком, принести присягу его малолетнему сыну, начальники гвардии во главе с эмиром эмиров своей властью возвели на престол не малолетнего сына покойного халифа, а его брата — Мутеваккиля. Мутеваккиль пытался освободиться от гвардейского влияния; часть гулямов из Самарры он перевел в Багдад и предполагал далее перенести резиденцию в Сирию. Этот план, который уже начали приводить в исполнение, вызвал неудовольствие гвардейских начальников. Халиф возвратился в Самарру, ограничившись пустяшным мероприятием: неподалеку от Самарры он построил себе новую резиденцию — Джафарию, где и поселился под охраной той же гвардии.

В 861 г. Мутеваккиль был убит своим сыном Мунтасиром, явившимся орудием заговора гвардейцев. Но и Мунтасиру не пришлось долго править. Год спустя он умер при обстоятельствах, которые позволяют предполагать, что он был отравлен. После его смерти на собрании военачальников совершенно неожиданно для всей правящей верхушки было решено возвести на престол не законного наследника Мунтасира, а его внука — Мустаина. В Багдаде это бесцеремонное вмешательство гвардии в дела престолонаследия возбудило тревогу. Начался мятеж, но гвардейцы сумели достаточно быстро подавить недовольство. Избранный гвардией халиф был признан и в Багдаде. Три года спустя после своего избрания Мустаин, желая освободить себя от гвардии, решился на отчаянную меру — тайком бежать из Самарры в Багдад и там опереться на местное войско для борьбы со своей же собственной столицей Самаррой. Сопровождаемый немногими придворными, халиф доплыл на лодке почти до

самого Багдада, когда эта лодка была настигнута погоней из Самарры. В происшедших «переговорах» раздавались такие выражения, само наличие которых свидетельствует о всякой потере уважения к представителю верховной власти. «Горячий» разговор окончился безрезультатно. Но не успел Мустаин прибыть в Багдад, как в Самарре был провозглашен новый халиф Мутааз, находившийся до этого времени в темнице. Гвардейцы вытащили его из тюремной ямы и посадили на престол. Захватив с собой этого нового халифа, гулямы двинулись из Самарры на Багдад. Столица халифата была осаждена (865). В Багдаде свирепствовал голод. Большая часть сторонников Мустаина перешла на сторону Мутаазы. Мустаин подписал акт об отречении и вскоре был убит. Одним из его убийц был гулям Ахмед ибн-Тулун, основатель династии Тулунидов в Египте. В 869 г. Мутааз также был убит гвардейцами. Источники рисуют картину убийства халифа следующим образом: халиф сидел в приёмном зале, беседуя со своим врачом, когда вбежало несколько гвардейцев. Повинуясь команде своего начальника, гвардейцы стащили «повелителя правоверных» с трона, избили и бросили в помещение, где он, не получая воды и пищи, через несколько дней умер, оставленный всеми. Следующего халифа, возведенного на престол волею гвардии, постигла та же участь.

Династия Тулунидов в Египте (868—905 гг.)

Господство гулямов в государстве приводило к тому, что гвардейские эмиры захватывали высшие и наиболее доходные места. Они становились наместниками, а став наместниками, проявляли всяческие намерения отделиться от центрального правительства.

В этом отношении весьма характерна биография основателя египетской династии наместников. Упомянутый выше Ахмед ибн-Тулун происходил из племени тогуз-огузов (Средняя Азия). Его отец в качестве мальчика-раба был подарен бухарским правителем халифу Мамуну. Впоследствии он достиг высоких должностей. Таким образом, его сын Ахмед уже с детства принадлежал к верхушке гвардейской знати и получил блестящее по тому времени образование, занимаясь у богословов и правоведов Багдада и Тарса. Благодаря связям он быстро повышался в чинах. Мать его, овдовев, вышла замуж за эмира эмиров. В 867 г. Ахмед ибн-Тулун был назначен правителем Египта. Используя влияние своего вотчина, он добился от халифа права быть несменяемым правителем Египта. Все его мероприятия в наместничестве доказывают, что это право не являлось фикцией.

В районе современного Каира им была построена резиденция, названная Катаи. До наших дней сохранились остатки величественной мечети, построенной Ахмедом ибн-Тулун. Резиденция Катаи поражала своей роскошью даже приезжавших из Багдада. В садах дворца были устроены ртутные пруды, остатки которых были обнаружены при раскопках в Каире.

С этого времени Сирия и Палестина подчиняются Египту. Захваченные Ахмедом ибн-Тулун, эти области во второй половине IX в. походят более на египетские, чем на аббасидские провинции.

Халифом в это время был Мутамид (870—892), так же как и его предшественник, волею гвардии прямо из тюрьмы попавший на халифский престол. Слабый и безвольный, он с первых же дней своего правления очутился в гуще серьезнейших событий, требовавших большого государственного ума и находчивости. Лицом, обладавшим этими качествами и игравшим роль регента при слабом халифе, был его брат Муваффах, наместник священных городов Аравии.

В регентство Муваффаха отношения между Багдадом и Катаи были весьма враждебными. Ахмед ибн-Тулун стал чеканить монету без указания имени халифа Аббасида. Муваффах начал готовиться к борьбе с непокорным наместником. Эта подготовка к борьбе не очень тревожила Ахмеда ибн-Тулун, ибо в то время самому Багдаду грозила непосредственная опасность со стороны восставших негров.

Борьба Ахмеда с Муваффахом закончилась довольно оригинально, в стиле того времени. Ахмед ибн-Тулун завел тайные переговоры с Мутамидом, предложив ему помочь освободиться от брата и гвардии, перенеся резиденцию из Багдада в Катаи. Халиф согласился на предложение наместника и пытался бежать, но по дороге был настигнут отрядами Муваффаха и водворен на прежнее место — факт, прекрасно иллюстрирующий соотношение между центральной властью и наместничеством. Глава некогда могущественного халифата бежит под покровительство раба и сына раба.

Якуб ибн-Лейс Саффар

В это время на востоке халифата, в области Систан, находившейся под управлением Тахиридов, возвысился Якуб ибн-Лейс, получивший прозвище Саффара, что значит «медник». Происхождение Якуба ибн-Лейс мало известно; некоторые хроники доводят его генеалогию до представителей сасанидской династии. Свое прозвание он получил, якобы, за то, что некоторое время работал вместе со своими братьями в качестве ремесленника. В конце 60-х годов Якуб находился уже во главе значительного отряда, который успешно действовал против Тахиридов. В 868 г. он захватил Герат и приказал в пятничной молитве в мечети упоминать свое имя в качестве государя. Удачный поход на Керман передал в его руки и эту область, столь известную своим ткацким производством. В 871 г. власть Тахиридов была сломлена, и халифат назначил Якуба правителем Балха и Тохаристана.

Повидимому, Якуб имел какое-то отношение к шиизму; некоторые утверждали даже, что Якуб боролся вообще против мусульманства. «На месте Каабы, — якобы заявлял Якуб, — мы установим культ солнца». Несомненно, что возвышению «медника» в

восточном Иране значительную поддержку оказали сектанты. Еще в начале X в. области Кабула и Герата находятся в руках секты хуррамитов, имевшей опору среди крестьянства и ремесленников.

Поддержанный довольно широкими массами населения, Якуб проявил талант необычайно смелого и ловкого полководца.

Восстание зинджей (869—883 гг.)

Установление власти Якуба ибн-Лейса в бывшем тахиридском наместничестве совпало с началом восстания в нижней Месопотамии черных рабов с острова Занзибара — зинджей. Зинджи заняты были на чрезвычайно тяжелых работах по ирригации, добычи соли и т. д. Многие из негров работали на плантациях сахарного тростника, которым славились Хузистан и юг Месопотамии.

Восстание зинджей возглавлял некий Али ибн-Мухаммед Буркан, что значит «закрытый завесой». Глава зинджей появлялся перед своими приверженцами с закрытым лицом, как и Мукайна. Он выдавал себя за потомка Али. На своем знамени Али ибн-Мухаммед поместил стих из 9-й суры Корана: «Бог купил у верующих жизнь их и имущество их, платя им за них раем». Этот стих из Корана толковался Буркан, как стих, которым якобы пророк Мухаммед раз навсегда запретил рабство. Вряд ли подобное толкование было достоверно. В Коране, как и в средневековом мусульманском праве, мы нигде не встречаем прямого запрещения рабства. Но так или иначе, трактовка коранической надписи Буркан сыграла положительную роль в привлечении негров к шиитскому, по существу дела, восстанию.

В руках повстанцев довольно быстро очутился не только Хузистан; но и южная часть Месопотамии. Тщетно халифские войска во главе с Муваффаком пытались разбить зинджей. Те построили укрепленные крепости, защищенные болотистой местностью, в которой и укрывались после своих опустошительных набегов. Поддержанные крестьянством, а также отдельными племенами бедуинов, они чувствовали себя вне досягаемости Багдада.

Поход Якуба Саффара на Багдад; поражение Якуба и разгром восстания зинджей

В 876 г. Якуб ибн-Лейс после долгих приготовлений двинулся на Багдад. Столица халифата, окруженная владениями, где единственной силой были зинджи, теперь подвергалась двойной опасности. Между Якубом и зинджами начались переговоры о совместных действиях. Эти переговоры не привели к союзу между неграми-шиитами и Якубом. Если зинджи защищали интересы наиболее угнетенных слоев общества — рабов, крестьянства, а отчасти и кочевников-скотоводов, то Якуб, поднявшись на волне народного движения, сумел, как и многие из его предшественников, стать из полководца народа государем, использовавшим

противоаббасидское движение в целях господства мелкого и среднего землевладения.

В 876 г. под Багдадом произошла битва между саффаридами войсками и войсками халифата; последними командовал Муваффака. Результаты сражения были неопределенные, но Якуб все-таки вынужден был отступить в один из городов западного Ирана, где начал собирать подкрепления для нового похода на Багдад. В 879 г. он неожиданно умер, повидимому отравленный. Главенство над государством Саффаридов принял на себя его брат Амр ибн-Лейс. Отказавшись от наступления на Багдад, Амр увел свои войска обратно в Систан.

Четыре года спустя Муваффаку удалось, наконец, усмирить восстание зинджей. В руки халифата попал и сам глава восставших, Али ибн-Мухаммед.

Таким образом, халифату удалось справиться с большими трудностями. Но по существу дела в конце IX в. аббасидский халифат как мощное государство перестал существовать. В Африке и Испании правили Аглабиды (см. о них дальше) и Омейяды; Египет, Сирия и Палестина находились под управлением Тулунидов; весь восточный Иран принадлежал Саффаридам; Армения и Азербайджан также имели свои независимые династии; Аравия почти целиком отошла от аббасидского халифата.

Карматы и их государство в Бахрейне

Преследование шиизма, как было указано выше, привело к организации части шиитов в тайные общества. Особенно в этом отношении искусство и энергию проявили шииты-исмаилиты. Во второй половине IX в. во главе шиитов-исмаилитов стоял некий Абу-Абдаллах по прозванию Каддах (что значит глазной врач). Абу-Абдаллах обладал незаурядными организаторскими способностями. Благодаря его неутомимой деятельности шииты-исмаилиты, получившие наименование «карматов», были объединены, и их деятельности был придан закрытый, потайной характер. Последователи карматизма вели религиозную пропаганду в Северной Африке, Сирии, Иране, Средней Азии. Руководителями этой пропаганды в каждой области были так называемые «даи» (миссионеры); эти даи были подчинены главному даи, каковым до своей смерти (874 или 875 г.) был сам Абу-Абдаллах.

При ближайших наследниках первого организатора карматизма возникают карматские государства на побережье Бахрейна и в Северной Африке.

В 898—99 гг. в качестве миссионера карматской пропаганды на побережье Персидского залива был послан Абу-Саид Хасан Даккак. К 900 г. значительная часть Бахрейна признала духовное и государственное руководство Абу-Саида. Карматизм стал государственной религией. Из Багдада против Абу-Саида было выслано войско; это войско было разбито, причём в плен попал и командующий карательным отрядом. Столицей карматского государства был сделан город Ляхса. Из Ляхсы-бахрейнские кар-

маты начали совершать грабительские набеги на нижнюю Месопотамию. Действия карматов прервали морское сообщение по Персидскому заливу и лишили халифат сухопутных путей в Мекку и Медину.

В 913 г. Абу-Саид был убит своими рабами.

Наследовавший ему Абу-Тахир (913—943) распространил свои владения до Куфы и Басры. В 930 году Абу-Тахир, пройдя через Аравию, напал на Мекку, перебил находившихся там паломников и увез с собой знаменитый «чёрный камень» Каабы. Нападение Абу-Тахира на Мекку взволновало весь мусульманский мир, но лишь много лет спустя, и то лишь при содействии североафриканских карматов, «чёрный камень» удалось водворить на прежнее место.

Государство бахрейнских карматов в социальном отношении не представляло чего-либо нового. Превратившись из сектантов в правителей, карматы жестоко эксплуатировали подвластное им население. Во второй половине X в. опасность для Багдада со стороны бахрейнских карматов начинает ослабевать. Бахрейнское государство терпит поражения от кочевых бедуинских племён, которых до этого оно нещадно эксплуатировало.

Саманиды (900—998)

Как было указано выше, потомки принявшего ислам Самана стали во времена халифа Мамуна властителями ряда городов Средней Азии и восточного Ирана. В конце IX в. саманиды выступили в качестве защитников ортодоксального ислама против «еретиков» Саффаридов. Исмаил ибн-Ахмед (882—907), основатель независимого саманидского государства, в 900 г. разбил брата Якуба Саффара, Амра ибн-Лейса, Амр был пленен, отослан Исмаилом в Багдад, где и погиб год спустя. Поражение Саффаридов передало в руки Исмаила весь восточный Иран. Еще до этого, в 893—894 гг. Исмаил распространил свои владения на север до реки Талас. Во время завоевания города Таласа Исмаил нашел там христианскую колонию; христианская церковь была переделана в мечеть. Исмаилом были захвачены также южнокаспийские области, где до этого правила алидская династия, не признававшая власти халифа.

Саманиды с самого начала своего существования были крупными землевладельцами. Массив своих частных земель они продолжали увеличивать и стали полновластными эмирами. Столицей Саманидов был город Бухара, до настоящего времени сохранивший некоторые памятники саманидской архитектуры.

Государство Саманидов во многом напоминало багдадский халифат. Как и при Аббасидах после халифа Мутасима, главнейшим орудием господства Саманидов была гвардия рабов. Близость к тюркским кочевьям доставляла Саманидам резервы рабской воинской силы. В конце X в. Саманидское государство стало жертвой нападения кочевников.

При саманидском дворе в Бухаре продолжилась работа по

созданию литературного персидского языка, которая начата была еще при Тахиридах. Многочисленная и талантливая плеяда поэтов, окружавшая двор бухарского эмира, писала на новоперсидском языке, но арабской графикой. Прекрасная придворная библиотека привлекала разнообразных учёных; в бухарской библиотеке работали и гениальный врач, философ, поэт Авиценна (ибн-Сина), оставивший неизгладимый след в средневековой медицине, и знаменитый астроном и историк Индии Бируни, и многие другие.

Уничтожение светской власти халифов Аббасидов (945)

К половине X в. среди горцев южного побережья Каспийского моря выделяется знатный род Бовейхидов. Используя слабость халифата, Бовейхиды захватили западную половину иранских земель. В 945 г. ими был взят Багдад. Бессильный халиф Мустаффи возвел захватившего Багдад Муизз ад-Дауля в достоинство главного эмира. Багдад сделался резиденцией Бовейхидов. Происходя из областей, где издавна был распространен шиизм, Бовейхиды, по выражению одного из исследователей, содержали халифа «в роли инославного патриарха». Вся светская государственная власть была узурпирована Бовейхидами (945—1055).

Вот, например, как рисуют источники распорядок дня одного из выдающихся правителей Бовейхидского происхождения: Адуд ад-Дауля (949—983) вставал рано утром, шел в баню, одевался и, совершив молитву, открывал приём. На приёме он подробно расспрашивал о выполнении везиром данных ему приказов, о текущих делах; после везира в приёмной появлялся казначей. Затем прибывала государственная почта от наместников. Специальный секретарь распечатывал донесения и записывал соответствующие резолюции. После обеда Адуд ад-Дауля снова был занят государственными делами.

Рядом с таким властным и могущественным наместником халиф, погружённый в гаремные удовольствия и мелкие дворцовые интриги, представлял жалкую фигуру, мало напоминавшую великих аббасидских халифов, как Харун ар-Рашид, Мамун или Мутасим.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИСПАНИЯ С VIII ПО XI вв.

Омейядский эмират в Испании

Аббасидский переворот 750 г., уничтоживший династию дамасских халифов, привел, как было указано, к отделению Испании от халифата. Абд ар-Рахман, внук десятого Омейядского халифа, спасся от резни, учинённой Аббасидами, и бежал в Северную Африку. После пятилетнего странствования, воспользовавшись раздорами среди испанских арабов и берберов, он высадился в Андалусии. В следующем году его власть была признана почти во всех мусульманских владениях в Испании. Абд ар-Рах-

ман I (756—788) был основателем Кордовского государства Омейядов, просуществовавшего до 1031 г.

Положение первого Омейяда в Испании было весьма трудным. Не говоря уже об опасности, которая угрожала со стороны Аббасидов, кордовский эмират должен был на себе испытать всю силу возросшего могущества северного Франкского государства. В 778 г. Карл Великий вторгся во владения Омейядов и дошел до Сарагоссы. К счастью для Абд ар-Рахмана Карл должен был прекратить дальнейшее наступление ввиду полученных им известий о восстании саксов. Последствием двух других походов Карла было учреждение испанской марки со столицей в Барселоне (801).

Завоевание арабами Испании, совершенное в значительной мере силами берберского населения Африки, встретило поддержку в первое время со стороны широких масс романизированного иберского населения. Вестготское арханческое крупное землевладение ложилось всей тяжестью на плечи крестьян, положение которых было едва ли не хуже, чем в других европейских государствах. Беспощадные законы вестготского католического государства по отношению к еврейскому торгово-ремесленному населению были причиной тех симпатий, которые выказывали евреи к арабскому завоеванию.

Завоевание арабами Испании, как и всюду, сопровождалось переделом земельной собственности. Пятая часть всех земель, конфискованных арабами у вестготской знати и у церкви, составила фонд государственных земель; остальные четыре пятых попали в руки частных собственников арабского или даже не арабского происхождения. Арабское завоевание раздробило крупные вестготские поместья. Отношения между новыми собственниками земли и крестьянами теперь начали складываться на общих для всех мусульманских земель основаниях. Крестьяне должны были уплачивать в пользу собственника или государства от одной-пятой до половины своего урожая. Все земли были равно обложены хараджем, который уплачивался сообразно сельскохозяйственной культуре и свойствам почвы.

Получило облегчение при арабах и городское население. Как и в остальных странах, подчиненных мусульманскому господству, все немусульманское население обязано было платить подушную подать (джизия). Христианские и другие культовые учреждения в первое время арабского завоевания также не подвергались угрозе со стороны завоевателей.

Переселяясь более или менее значительными массами в Испанию, арабы принесли с собою древний опыт народов восточного Средиземноморья в отношении искусственного орошения. Многие уэрты (оазисы) Андалусии ведут свое происхождение от мусульманского времени. Включение Испании в обширный круг мусульманских земель не могло не содействовать развитию ремесла и торговли. Но, кроме положительных сторон, мусульманское завоевание имело, конечно, и отрицательные.

Веротерпимость, свойственная арабам в начале их завоевания,

скоро исчезла. Население Иберийского полуострова с его старинной, исторически выросшей культурой должно было подчиняться требованиям искусственно насаждаемой иноземной религии. Обращение в ислам всячески поощрялось завоевателями. Для того чтобы стать мусульманином, достаточно было вступить на землю, принадлежавшую мусульманину, и произнести формулу: «Нет бога, кроме бога, а Мухаммед — посланник божий». Если переход в мусульманство был легок, то измена мусульманству каралась смертью. В Испании образовалось большое число лиц, перешедших в ислам, так называемых «усыновленных». Среди них было немало людей, исповедовавших ислам лишь для виду и мечтавших об изгнании арабов. Близость могущественных европейских христианских государств была также причиной постоянных брожений и волнений среди ренегатов.

Среди самих завоевателей, обладавших земельной собственностью и мечтавших о создании мелких, независимых от Кордовы княжеств, шла постоянная борьба. Нечего и говорить, что «усыновленные», так же как и христианское население, принимали деятельное участие в этих раздорах и усобицах.

Ряд восстаний против кордовского эмирата происходит с самого начала IX в. На севере полуострова окрепшие христианские королевства — Астурия, Леон, Наварра — поддерживали эти восстания в целях ослабления реальной мощи Кордовы. Эта мощь главным образом базировалась на берберском племенном ополчении, ввозившемся постоянно из Африки.

К последней четверти IX в. под властью Омейядов, кроме Кордовы, остались лишь часть Андалусии и Валенсия. Все остальные области были захвачены мелкими князьками и правителями.

Особенно опасным для омейядского владычества было восстание на юге ренегата Омара ибн-Хафсуна, происходившего из знатного вестготского рода. Укрепившись в замке Бобастро (Андалусия), Омар, поддержанный южными горцами, стал самым опасным врагом кордовских эмиров. Его войска доходили до омейядской столицы.

Абд ар-Рахман III (912—961)

Вступивший на кордовский престол в 912 г. во время мятежа Омара ибн-Хафсуна, Абд ар-Рахман III в дополнение к внутренним трудностям встретился с достаточно серьезной внешней опасностью. Укрепившиеся с начала X в. в Северной Африке Фатимиды заключили союз с Омаром, направленный против омейядского господства. В этих условиях Абд ар-Рахман III, самый замечательный из кордовских государей, начал организовывать силу, которая только одна могла противопоставить себя сложным и разнообразным интригам врагов эмирата. Этой силой была гвардия рабов, именовавшихся в Испании «саклаб» (от позднелатинского *servus* — раб). В отличие от аббасидских гулямов гвардия рабов Абд ар-Рахмана III состояла из представителей многих народов: здесь были и славяне, и германцы, и итальян-

цы, и даже литовцы. Как и у Аббасидов, эти войска были тщательно воспитаны и дисциплинированы; их содержание целиком обеспечивалось казной эмира. При помощи этой силы, изолированной от испанского населения, Абд ар-Рахману удалось в короткий срок сломить мятежи и сопротивление. Ибн-Хафсун умер, не дождавшись захвата своего неприступного замка Бобастро. Возникшие в центре страны и по побережью отдельные княжества подчинились кордовскому эмиру. Ряд «священных» войн против северных христианских королевств держал в страхе Леон, Кастилию и Наварру. Более того, теснимые кордовскими войсками феодально раздробленные государства северной Испании нередко ищут союза с Абд ар-Рахманом в борьбе друг с другом. 16 января 929 г. Абд ар-Рахман III был торжественно провозглашен в кордовских мечетях халифом с титулом «халиф — защитник веры Аллаха». Кордовский эмират превратился в халифат.

Кордовский халифат в период его расцвета

Государственное устройство кордовского халифата так, как оно сложилось к X в., не отличалось особенно от устройства аббасидского халифата. Власть кордовского эмира, а после Абд ар-Рахмана III халифа, считалась наследственной в роде Омейядов. Халифат был главою духовной и светской власти. Следующим после халифа лицом в государстве был везир, ведавший податями, финансами и всей хозяйственной жизнью. После организации гвардии саклабов на первое место, как и в восточном халифате, выдвинулся хаджиб, начальник гвардии и вместе с тем комендант дворца. Провинции, числом шесть, не включая сюда Кордову, управлялись чиновниками, именовавшимися «вали». Крупные города имели также своих вали. Суд находился в руках кадиев, подчинённых главному кадию Кордовы. Отдельное ведомство составляла полиция и надзор за деятельностью базаров и торговли.

Уничтожение Абд ар-Рахманом III феодальной усабицы содействовало расцвету торговли и промышленности. Мусульманская Испания насчитывала несколько сот торгово-ремесленных городов. Особенно развиты были в мусульманской Испании ткацкое производство, выделка оружия, производство бумаги, изделий из стекла и железа. По свидетельству путешественников Кордова насчитывала до 13 тысяч ткачей.

Многочисленные купцы вели торговлю с соседними европейскими странами, куда вывозили в большом количестве пряности, вино, фрукты, шелк, оливки и другие товары. Благодаря организации Абд ар-Рахманом III значительного военного флота, господствовавшего в Средиземном море, портовые города Испании в течение X в. были центром торговых сношений с восточным Средиземноморьем.

О том, насколько развиты были международные культурные связи Кордовы того времени, свидетельствует хотя бы факт переписки приближённого к Абд ар-Рахману человека, еврея Хас-

дая ибн-Шапрут, с хазарским каганом на нижнем Поволжье. Кордова в X в. стала центром просвещения не только для мусульманского мира, но и для европейского; сюда приезжали учиться из Франции и Италии, Германии и Англии. Библиотека кордовских халифов славилась по всему свету; каталог её состоял из 44 томов. Сам город поражал воображение приезжих. Кордова в X в. насчитывала 113 тысяч домов, 21 пригород, 70 библиотек и множество книжных лавок. Улицы, не в пример европейским городам, были вымощены. В городе действовали водопроводы и даже вечернее освещение. Кордовская соборная мечеть, начатая постройкой ещё при Абд ар-Рахмане I, отличалась красотой своей колоннады, своими водоёмами и садами.

Подобно халифам Аббасидам начала IX в. Абд ар-Рахман III, организовав гвардию рабов, пожелал жить не в самом городе, а изолированно от населения. Новая резиденция, аз-Захра, находилась в кордовском предместье. Она считалась одним из самых замечательных архитектурных сооружений Европы и Азии.

Распадение кордовского халифата. Альмансор

Существование гвардии рабов, временно усиливая власть, не уничтожало, конечно, свойственных феодальному миру децентрализаторских тенденций. Как бы ни изолирована была сама эта гвардия от населения, внутренние противоречия общества сказывались неизменно в бесконечных гвардейских интригах и дворцовых переворотах. Гвардия из опоры верховной власти превращалась в орудие анархии.

Биография Мухаммеда ибн-Аби-Амира, известного под прозвищем ал-Мансур, или по-испански — Альмансор, всемогущего начальника омейядской гвардии, может служить отличной иллюстрацией тех сил, которые действовали в Омейядском государстве даже в период его расцвета. Начав свою карьеру с должности небольшого чиновника, Альмансор ловко использовал дворцовые интриги, чтобы стать во главе государства, держа в дворцовом плену настоящего наследника омейядского престола.

Многочисленные его походы против христианских государств носили грабительский характер. Создавая Альмансору ореол «борца за веру», они отвлекали внимание гвардии от внутренней борьбы.

Но едва Альмансор умер (1002), как анархия и усабицы разрушили в мусульманской Испании все основы большой государственной жизни. В 1031 г. последний Омейяд был лишен престола. Наступило время правления многочисленных мелких династий, так называемых «мулюк ат таваиф» (удельных правителей).

Северная Африка в IX—X вв.

Наследники римско-византийской культуры — города побережья Северной Африки соседнили на юге с берберскими племенами. Первая из возникших при исламе шиитских династий была династия, захватившая власть в Марокко (Магрибе). Основателем ее был бежавший после восстания в Медине в 785 г. приверженец Алидов, Идрис. Используя исконную вражду берберского населения к халифату, Идрис стал править Магрибом, как независимый от Аббасидов властитель. Своей столицей он сделал город Фес. Соседство с государством кордовских омейядов, обладавшим превосходным морским флотом, способным транспортировать значительные сухопутные силы, постоянно держало государство Идрисидов в зависимости от Испании. Во второй половине X в. Магриб был фактически и формально подчинен Кордове.

Более устойчивым оказалось возникшее в 800 г. государство Аглабидов. Основатель его Ибрахим ибн-Аглаб был первоначально наместником Харуна ар-Рашида. Получив поддержку от кордовских Омейядов, он вскоре превратился в самостоятельного правителя и перестал чеканить имя халифа Аббасида на своих монетах. Торгово-ремесленные города побережья во главе со столицей Аглабидов Кайравином (ныне Кайруан) были известны с древних времен как центры судостроительства. При Аглабидах (800—909) эта мореходно-строительная деятельность североафриканских городов получила дальнейшее развитие. Пользуясь превосходным флотом, Аглабиды совершали нападения на берега Сицилии, Италии и Франции, привлекавшие морских пиратов своими богатствами. Аглабиды в IX в. были подлинными хозяевами Средиземного моря.

В конце IX в. центр карматской пропаганды в Сирии направил своих миссионеров в Северную Африку, крайний запад которой (Магриб) находился уже ранее, как было указано, во власти шиитской династии Идрисидов. Одним из самых энергичных проповедников и организаторов карматизма в Северной Африке был Абу-Абдаллах, прозванный Шинитом. Абу-Абдаллах в короткое время сумел сплотить около себя значительную массу последователей, главным образом из среды берберов. Вслед за Абу-Абдаллахом из той же Сирии в Северную Африку был направлен карматами некто Обейдаллах, утверждавший, что он является потомком Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Генеалогия основателя династии Фатимидов возбуждала споры уже в начале X в. В начале XI в. халиф Аббасид объявил в официальном указе генеалогию Фатимидов ложной. Некоторые утверждали, что Обейдаллах вел свое происхождение от организатора карматской пропаганды в Сирии Абу-Абдаллаха.

В 901 г. первый Фатимид, Обейдаллах (909—934), появился в Африке, принял титул «махди» («мессии»), халифа и «повелите-

ля» правоверных. Таким образом, в первой половине X в. мусульманский мир насчитывал трех халифов — Багдадского, Фатимидского и Кордовского.

Изменически убив своего предшественника, эмиссара карматов, Шинита, Обейдаллах махди решил вмешаться в испанские дела и заключил союз с главным противником кордовских эмиров, вождем повстанцев юга Испании — Омаром ибн-Хафсуном. Этот союз обеспечил Обейдаллаху тыл, и в 914 г. он мог захватить провинцию Барку. В этом же году фатимидские войска, состоявшие главным образом из берберов и обладавшие прекрасным флотом, унаследованным от Аглабидов, напали на Александрию и дошли до Фаюма, разграбив оба города. В 919 г. Египет снова подвергся фатимидскому нападению.

Первая половина X в. была весьма неблагоприятна для расширения и укрепления власти Фатимидов. В 928—929 гг. вся Северная Африка была охвачена голодом и эпидемией. На западе Абд ар-Рахман III одновременно с расширением своих владений на Пиренейском полуострове начал захват и североафриканских земель, возбуждая берберов к восстанию против фатимидского господства.

Беспощадная эксплуатация Фатимидами как городского населения, так и кочевников вызвала ряд восстаний. Карматизм, из лона которого вышли Фатимиды, быстро превратился, как и в Бахрейне, из сектантской противоаббасидской программы действий в удобную для объединения светского и духовного господства формулу.

По всей Северной Африке в 940—946 гг. происходят сильные берберские движения, направленные против Фатимидов и их столицы Махдии, основанной неподалеку от Туниса. Во власти Фатимидов оставалась лишь небольшая прибрежная полоса. Лишь при четвертом фатимидском халифе Муъиззе (953—975) создаются условия для захвата Египта.

Завоевание Фатимидами Египта

Кратковременное управление Египтом потомков Ахмеда ибн-Тулуна (868—905) закончилось в 905 г. Несмотря на смену различных наместников, из которых правление ферганцев-ихшидидов (ихшид — титул правителя Ферганы) было самым продолжительным (935—969), Египет стал совершенно самостоятельным от Аббасидов государством и подчинил себе Сирию.

В шестидесятых годах X в. для Фатимидов миновала опасность с запада ввиду смерти Абд ар-Рахмана III и последовавшего ослабления омейядского халифата. Одновременно с этим мятежи и неурядицы в ихшидидском Египте достигли высшего предела. Смирив недовольство подвластного населения, Фатимиды организовали из берберов хорошо обученные войска. В 969 г. эти войска под командой знаменитого фатимидского полководца Джавхара двинулись на Египет. Параллельно сухопутным войскам по Средиземноморскому побережью двигался

флот. Египтяне были разгромлены. Джавхар, назначенный после завоевания наместником Египта, основал новую фатимидскую столицу — Каир (что значит победоносная).

Завоевание Египта встретило энергичное сопротивление со стороны сирийских карматов. Карматы Сирии, составлявшие в то время господствующую верхушку, организовали поход на Египет. В 971 г. сирийские войска осадили Каир. Лишь отчаянное сопротивление и исключительный военный талант полководца фатимидов спасли положение. Карматы были отброшены в Сирию.

В 973 г. по настоянию Джавхара в Каир переселился, оставив африканскую Махдию, сам халиф-фатимид.

Фатимидское государство в Египте

При халифе Муиззе последовало вторичное нападение сирийских карматов на Египет, также окончившееся неудачно. Начавшаяся усобица в Сирии помогла фатимидским войскам справиться с карматской опасностью. В 975 г. была захвачена не только южная, но и северная Сирия. Вскоре к египетскому халифату присоединяется Хиджаз; в Мекке и Медине в пятничных молитвах упоминают имя халифа Фатимида. Государство Фатимидов занимало теперь значительную часть Северной Африки, Египет, Сицилию, Палестину, Сирию, Хиджаз.

При Муиззе производится укрепление центральной власти. Первый фатимидский халиф Египта преобразовал налоговую систему. Получение налогов через откупщиков было строгой запретом; создан был специальный аппарат, который должен был взимать налоги непосредственно с населения. Уплачиваемые населением налоги должны были вноситься монетами, выпущенными Фатимидами, что при неравноценности фатимидских динаров (золотой монеты) с аббасидскими и другими монетами являлось дополнительным налогом на население.

При Фатимидах, как и всюду в это время на мусульманском востоке, была организована гвардия рабов (мамлюки), причём Фатимиды настойчиво проводили в жизнь принцип разноплеменности состава своей гвардии: Негры, берберы, турки, составлявшие отдельные отряды гвардии, были поселены не только изолированно от населения, но и друг от друга. Каждый из отрядов был вооружён привычным ему боевым оружием. Разделение гвардии рабов на разноплеменные отряды и противопоставление одного отряда другому Фатимиды заимствовали у испанских Омейядов.

В условиях нильской долины, когда все благосостояние населения зависит от правильного функционирования ирригационной системы, халифы Фатимиды превратились почти в монопольных собственников. Путешественник первой половины XI в. Насир-и-Хосров так описывает собственность халифа: в Каире по его подсчёту было 20 тысяч лавок; все лавки принадлежали халифу, многие из них он сдавал в наём. Все караван-сарай, бани и дру-

гие общественные здания являлись также собственностью халифа. Фатимидский халиф был главным домовладельцем; ему принадлежало 8 тысяч домов, которые, как и лавки, сдавались в наём. Являясь владельцем почти всей недвижимой собственности в Египте, фатимидский халиф в одинаковой мере эксплуатировал труд земледельческого и ремесленного населения. Ремесленники, как и крестьяне, должны были сдавать свою продукцию специальным чиновникам халифа, определявшим ее доброкачественность; по наложении соответствующего штампа эта продукция шла на склады халифа. Фатимидский халиф был одновременно и самым крупным торговцем. Славившиеся по всему Средиземноморью льняные ткани были монополией фатимидского халифа; он же был главным экспортёром хлеба, которым Египет снабжал Византию, Италию и другие страны. Фатимидский торговый флот в большей части принадлежал халифу.

Такому мощному владению чуть ли не всей собственности египетского населения соответствовала пышность халифской резиденции. За высокими стенами халифских дворцов в Каире жило несколько десятков тысяч рабов и рабынь. Ночной караул состоял из тысячи человек, пеших и конных.

Только в фатимидском Египте и могла появиться одна из тех фигур средневекового Востока, которая и на расстоянии многих столетий кажется каким-то чудовищным пугалом.

Хаким (996—1021)

Воспитатель Хакима прозвал его ящерицей. «Ящерица» имела голубые глаза, пугавшие не только людей, стоявших на низкой ступени социальной лестницы, но и высшую знать халифата. В противоположность всем другим Фатимидам Хаким появлялся перед народом в простой одежде; ни один драгоценный камень не украшал чалму этого халифа. Он ненавидел свет дня и жил только ночью. По воле халифа весь Каир должен был жить ночью. Малейшее нарушение этого правила строгой каралось. Этот ненормальный по существу субъект провёл ряд мероприятий, которые превратили Каир, блестящий город средневековья, в карматско-фатимидский монастырь. Женщинам было запрещено выходить из дому; для того, чтобы это постановление не могло нарушаться, сапожникам было запрещено выделывать и продавать женскую обувь. Запрещено было продавать вино и даже готовить изюм, из которого делалось вино. Всякие игры и развлечения, кроме религиозных процессий, были запрещены. Подобные мероприятия вызывали недовольство. Следовали многочисленные казни, причём имущество казнённых переходило в казну халифа. Конфискации достигли огромных размеров.

Несмотря на установление в стране господства Фатимидов, большинство египетского населения не относилось с симпатией к шизму с его непривычными для ортодоксального мусульманства положениями о божественных имамах и т. д. Мероприятия

Хакима были направлены к уничтожению суннизма и к введению шиизма в качестве единой религии всего египетского населения.

В 1018 г. последовал приказ Хакима о воздаянии божеских почестей халифу. Недовольство правоверных мусульман было особенно возбуждено, когда в одной из мечетей обычный возглас, которым начинается мусульманское богослужение, — «во имя бога милостивого и милосердного» — был заменен возгласом: «во имя ал-Хакима, милостивого и милосердного». Начавшееся восстание было усмирено необычайно жестоко.

Каждый вечер жители Каира могли видеть «божественного» халифа, выезжающего на сером осле в простой одежде из ворот дворца. Хаким любил прогуливаться сначала по улицам города, а затем выезжать в пустыню. Выехав однажды таким образом за пределы города, он отпустил бывших с ним слуг и исчез. Несколько суток спустя на одном из холмов нашли изувеченного осла, а рядом одежду халифа. Таинственное исчезновение Хакима явилось поводом для того, чтобы ряд самозванцев-сектантов объявил себя «вернувшимися из пустыни ал-Хакимами махди». До настоящего времени Хаким почитается сирийскими друзьями воплощением божества.

Фатимидское государство в XI—XII вв.

Господство гвардии рабов привело Фатимидское государство к тем же результатам, что и другие мусульманские государства, пытавшиеся сделать из этого войска главное орудие своего господства. Гвардейские мятежи быстро ослабили власть халифов. Недовольство берберов и крестьянско-ремесленные восстания содействовали распадению государства. В 1046 г. Северная Африка окончательно отделилась от Фатимидов; в 1071 г. Сицилия была завоевана норманнами, морской флот которых разрушил обширную фатимидскую торговлю с европейскими странами. Оставаясь все еще сильной страной, Египет в XI—XII вв. выдержал натиск крестоносных ополчений, а в 1171 г. стал базой наступления мусульман на образовавшиеся в Сирии и Палестине крестоносные княжества. 1171 г. — дата падения Фатимидской династии; в этом году власть верховного повелителя Египта перешла от халифов-фатимидов к курду Салах ад-Дину.

Мусульманская Сицилия и Южная Италия

Первые грабительские нападения с моря на Сицилию были произведены арабами десятилетие спустя после захвата Египта. Но превращение Сицилии в мусульманское владение состоялось лишь в начале IX в., когда войска североафриканских Аглабидов, вмешавшись в 827 г. в борьбу Сиракуз против византийского правителя, начали систематически завоевание острова. В 831 г. был захвачен Палермо; в 843 г. пала Мессина, а в 878 г. — Сиракузы.

За завоеванием Сицилии последовала попытка захватить Юж-

ную Италию. Вскоре после падения Палермо аглабидские войска появились в Калабрии. Из Сицилии и Южной Италии арабы производили отдельные набеги вплоть до Рима. В 846—849 гг. аглабидский флот находился у Остии. Папа Иоанн VIII (872—882) в течение двух лет уплачивал дань арабам. Владычество арабов в Южной Италии было непродолжительным; в конце того же IX в. византийские войска принудили мусульман покинуть южноитальянские области.

Прочнее было владычество арабов в Сицилии. При Аглабидах Сицилия управлялась наместником (эмиром); когда Аглабиды были уничтожены растущей силой Фатимидов, эмир Сицилии подчинился последним. Из Сицилии фатимидский военный флот совершал грабительские набеги вплоть до Генуи, подвергшейся двоекратному разграблению в 934—935 гг. Во второй половине X в. в Сицилии образовалась местная наследственная династия, ведшая свое происхождение от фатимидского наместника Кальби. Столицей сицилийского эмирата был город Палермо. Путешественники, посещавшие Палермо в конце X в., рассказывают о роскоши и благоустройстве города, напоминающих городской быт Кордовы.

Как и в Испании, мусульманское господство в Сицилии было плодотворным для развития сельского хозяйства и ремесла. Арабами были введены в сицилийское хозяйство культуры сахарного тростника, оливы и египетского папируса. Обширная торговля была сосредоточена в руках мусульманского купечества.

Связанная равно с Италией, Византией и арабами, Сицилия представляла собою сложный и интересный синтез европейско-восточных культур. Не редкость были люди, говорившие по-гречески, по-арабски и по-итальянски. Многоязычность населения способствовала переводческой деятельности, развитию чрезвычайно широкой по тому времени образованности. И после захвата Сицилии в 1071 г. норманнами мусульманская культура являлась здесь преобладающей. Норманнские короли любили окружать себя арабскими учеными, философами, географами. Рожер II (1130—1154) одевался как мусульманин. В XII в. христианки-сицилианки носили мусульманские костюмы. Капелла, отстроенная Рожером II в Палермо, была орнаментирована медальонами с арабскими надписями. При Рожере II работал знаменитый географ, родившийся в Сеуте, ал-Идриси, составивший всеобщую географию, в которой он не только суммировал все книжные знания своего времени, но и использовал многочисленные показания путешественников. Идриси построил для своего покровителя небесный глобус и дискообразное изображение Земли; и то и другое были сделаны из серебра.

Даже германские императоры не избегли мусульманского влияния. Происходивший от норманнской принцессы, Фридрих II Гогенштауфен (1212—1250) знал арабский язык и окружал себя арабскими учеными. Свой научный труд об охоте, посвященный

в значительной мере анатомии животных, Фридрих II написал под влиянием соответствующих арабских трудов.

Переводы с греческого на арабский язык, сделанные в Сицилии, повлияли на усвоение итальянцами забытых подлинников, многих сочинений античности.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР В IX—XI вв. ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО, КУЛЬТУРА И БЫТ.

1. ХОЗЯЙСТВО

Сельское хозяйство

В IX—XI вв. население употребляло в пищу преимущественно пшеницу и ячмень; употребление риса было распространено главным образом в северо-восточной части халифата. Основными центрами культуры пшеницы являлись Месопотамия и Хузистан. Центрами культуры оливы были Сирия, Испания и Месопотамия. Наилучшие сорта оливы шли из Сирии. Тунис снабжал оливою почти всю Италию. Большим распространением пользовалась культура финиковой пальмы. Финиковая пальма до настоящего времени в ряде областей Востока является не только средством питания, но строительным материалом и материалом для одежды. Интересно, что еще в VII—VIII вв. финик был мало известен в Средней Азии. Историк Нершахи сохранил нам следующий рассказ: при взятии Пейкенда арабскими войсками, заболел один из арабских военачальников. Царица Пейкенда пришла в палатку к больному и принесла с собой финик. «Один финик, — сказала она, — я даю тебе, а другой оставляю себе на случай болезни». Этот рассказ показывает, что в VII в. финик был большой редкостью. В IX—X вв. ежегодный вывоз фиников из Кермана в Среднюю Азию и на Кавказ составлял груз, навьюченный на 100 тысяч верблюдов. Главными центрами финиковой культуры были Аравия и Северная Африка. Ввиду высокой ценности сахарного тростника его культивировали повсюду, где это было возможно, даже в Галилее и Тире. Главными центрами культуры сахарного тростника являлись Испания, Сицилия, южная Месопотамия и южный Иран. Особенно ценился сахар, производимый в южной Аравии. Сахар, вывозимый из Йемена, высоко ценили в Испании: для перевозки йеменского сахара употребляли ивовые плетеньки, которые после наполнения их заливались гипсом.

По производству сельскохозяйственных технических культур халифат довольно резко делился на две части. Восток был районом преимущественно производства хлопка; запад, включая Египет, Аравию и юго-западный Иран, был преимущественно районом культуры льна. В Египет, теперь центр хлопковой культуры, еще не так давно хлопок ввозился преимущественно из Сирии. В средние века знаменитый египетский лён экспортировался далеко за пределы страны.

Аравия славилась кунжутом. Чрезвычайно широко была развита культура винограда. По поводу множества сортов винограда один из географов-арабов начала X в. говорит, что узнать все сорта винограда невозможно, ибо на это нехватит человеческой жизни. Превосходный таифский виноград из-под Мекки получил после арабского завоевания повсеместное распространение.

Прогрессом в области сельского хозяйства и садоводства явилось введение культуры таких фруктов, которые потом прославились на всю Европу, а именно цитрусовых — апельсина и лимона. По словам арабского историка X в. Масуди, апельсиновые и лимонные деревья были вывезены из Индии после 912 г. и впервые появились в Йемене. Отсюда культура цитрусовых распространилась по Месопотамии, Сирии, Египту. Еще в первой половине X в. лимон и апельсин были предметами роскоши, но в конце этого столетия мы уже встречаем рощи этих индийских деревьев в различных областях халифата.

Значительный прогресс наблюдался и в области техники сельского хозяйства.

Особенного развития в мусульманское время достигла техника ирригационных сооружений. В долинах рек ирригационные сооружения представляли собою систему плотин, шлюзов, запруд и гидравлических колес. Для поддержания этой системы существовал штат рабочих и специалистов по ирригации. Управление ирригационной системы было одним из важнейших ведомств. Земли, лежащие далеко от рек, снабжались водой посредством подземных (кяризы) или наземных (арыки) каналов. Строительство ирригационных сооружений было одной из важнейших задач государственной власти. Распределение воды среди населения производилось по строгим правилам.

В IX—X вв. всюду в халифате уже отказались от употребления ручных мельниц. Вода была использована в качестве двигателя. Большие водяные мельницы находились в Багдаде; самая большая мельница Багдада имела сто жерновов. На востоке халифата вошли в употребление ветряные мельницы. Ветряные мельницы Систана имели специальные люки, которые могли открываться и закрываться; таким образом можно было управлять работой мельничных крыльев и предохранять жернова от накала.

В это же время наблюдалось два типа тягловой упряжки при сельскохозяйственных работах. В то время как в большинстве районов халифата был в ходу тяжелый плуг, в который впрягали до 8 пар волов, на востоке распространен был легкий плуг.

На полях применялись удобрения. Удобрения были предметом экспорта. Например, Месопотамия вывозила голубиный помет в соседние области.

Скотоводство

В халифате, как и раньше, славился одногорбый арабский верблюд. Двугорбый верблюд разводился преимущественно на

востоке. Особенно ценился верблюд иноходец, помесь двугорбого верблюда с верблюдом из Синда.

В период господства арабов происходят изменения в скотоводческом хозяйстве в смысле соотношения между распространением овцеводства и крупного рогатого скота. Корова почти всюду уступает место овце. Разведение крупного рогатого скота ввиду замещается разведением мелкого скота, даже в таких областях, народы которых носили в древности прозвище «пастухи коров» (арамейцы).

Наибольшим распространением пользовались лошади египетские и арабские. Индийская лошадь с IX в. начала также попадаться на рынках халифата. Следует отметить повсеместное увлечение скачками и играми, близкими к европейской игре на бегах и скачках.

Новинкой в мусульманском мире явились буйволы. Они были завезены арабами из Индии и постепенно с заболачиванием Месопотамии заменили там быков. В Италии и Испании буйволы появились из Сирии.

Рыболовство и добыча жемчуга

У берегов Испании и Северной Африки происходил массовый лов тунца. В искусственных водоемах занимались разведением карпа.

Бахрейн был, как и в наше время, центром добычи жемчуга. Большинство жемчугоголов были арабы. Ловля жемчуга сопряжена была с большой опасностью для жизни: жемчуголовам приходилось нырять на большую глубину, оставаться длительное время без воздуха. Даже самые выносливые из ловцов через несколько лет работы становились больными. Окружающие воды кишели акулами. Нередко жемчуголовы погибали от этих морских хищников.

Птицеводство

Центром птицеводства был Египет. В Египте был изобретен способ искусственного выведения цыплят — прототип нашего инкубатора. Голуби разводились повсюду ради ценного помёта, шедшего на удобрение полей.

Разработка недр и добыча ископаемых

Железо весьма ценилось. Иран, Сирия, Кабул, Фергана были районами, которые особенно славились добычей железа, а также обработкой железных изделий. Насколько ценилось железо в то время, показывают следующие факты: бахрейнские карматы посылали за железом в Тивериаду и везли железо через всю пустыню; на южных берегах Чёрного моря железо добывалось из выбрасываемого морем песка, содержавшего железную руду.

Наиболее богатые серебряные рудники находились на востоке халифата. Золотым Клондайком для мусульман был верхний Египет.

Самыми крупными медными рудниками были рудники возле Исфагана. Лучшая бирюза на Востоке добывалась в Хорасане, рубины — в Африке.

Обрабатывающая промышленность

Из всех видов обрабатывающей промышленности наибольшего развития на мусульманском Востоке достигло текстильное производство. Сообразно распространению технических культур западная часть халифата славилась льняными изделиями, восточная — хлопчатобумажными. Широко известными тканями египетского производства были ткани «дабики» и «касаб»; они стоили очень дорого. Роскошная ткань содержала сплошную золотую или серебряную нитку и лишь немного льна. О необычайной тонкости и крепости египетских тканей можно судить хотя бы по тому, что на египетских материях чертились географические карты. Иран славился коврами.

В качестве красителей употреблялись: индиго — синяя краска, шафран — жёлтая краска (особенно ценился шафран аравийского происхождения), кирмиз — красная, иначе армянская краска (эта краска шла преимущественно с восточного Кавказа, так же как и марена).

Большого развития достигло оружейное производство. Прекрасные клинки выделялись в Испании, Сирии, Иране, а также на Кавказе. Дерево для изготовления луков и колчанов доставлялось с южного побережья Чёрного моря. Оружейные мастерские обычно принадлежали государству, и их продукция составляла государственную собственность.

Тряпичная бумага явилась усовершенствованием китайской бамбуковой бумаги; с VIII в. она вошла в обиход по всему халифату, вытесняя папирус и пергамент. Замечательно, что именно Восток дал Европе не только бумагу, но и форму книги. В Северной Африке впервые начали изготавливать кожаные переплеты. Переплеты из берберской кожи в VIII—X вв. ценились на Востоке очень дорого.

Древнее керамическое производство Востока получило дальнейшее усовершенствование. В IX—XI вв. повсюду была распространена многоцветная керамика.

Из специфических производств, которые возникли впервые, повидимому, при арабах, следует отметить производство цветочных и фруктовых масел и вод. Добывались экстракты из сосны, розы, цветов пальмы, шафрана. Розовая вода Фарса славились в Европе.

Торговля

Образование огромного арабского государства содействовало расширению товарооборота. Меновая торговля сохранилась лишь на границах халифата — в центральной Азии и в Африке. Преобладала денежная форма торговли. Расширение товарооборота содействовало расширению местной торговли в городах и дерев-

нях. Мусульманские ярмарки и базары обычно возникали, как и в Европе, около мест культа. Иноземная торговля, как правило, была сосредоточена в городах.

В X в. для восточной торговли открылся северный путь — не через Среднюю Азию, а по восточному побережью Кавказа. Мусульманские купцы ездили за пушниной далеко на север, вплоть до Камы и Вятки. Мусульманские купцы вместе с тем торговали в Европе, в Китае и в Индии.

В IX—X вв. намечаются два типа устройства торговой части города. Первый тип характерен для восточных областей халифата. Здесь торговля происходит в крытой галерее; по бокам этой галереи находятся лавки и мастерские. Пересечения галерей образуют площадь, где происходят собрания ремесленников и купцов. Второй тип торговой части города характерен для западных областей халифата. Торговля здесь происходит в отдельных зданиях, называемых по-арабски «фундук». Фундук имел несколько этажей: первый этаж — для склада товаров, второй — для контор купцов, третий — для жилища.

К специфическим чертам восточной торговли следует отнести широко развитую работоторговлю.

Транспорт

В области сухопутного транспорта халифат не дал ничего нового. Попрежнему первенствующее положение занимал караван. Большого прогресса достигло судоходство, речное и морское. Арабы показали себя прекрасными лоцманами и моряками. Многие арабские термины из области судоходства перешли в европейские языки, в частности в испанский.

Деньги и кредит

Существует предание, будто бы между Византией и Сасанидами был подписан договор, по которому Византия обязалась чеканить только золотую монету, а Сасаниды — серебряную. Предание это вряд ли достоверно. Но все же оно отмечает неоспоримый факт преобладания в мусульманское время золотой денежной системы на западе и серебряной — на востоке.

Золотой единицей считался динар; серебряной единицей — дирхем. В начале X в. один динар равнялся приблизительно четырнадцати дирхемам. После отделения западных частей халифата от восточных цена золота на востоке халифата чрезвычайно возросла. Бывали периоды, когда один динар стоил сорок и даже пятьдесят дирхемов.

1 дирхем = 6 даников = 12 киратов = 24 тассуджей = 48 хабба.

Расширение товарооборота, обширные торговые связи, необходимость совершать сделки в различных частях халифата, — все это привело в IX—X вв. к развитию кредитного дела. Развитие кредита определялось также и опасностью передвижения: всюду

купцов подстерегали шайки грабителей. Кредит давал возможность избегать материальных потерь. Значительная часть купцов оперировала чеками, а не наличными деньгами.

Большое значение для торговли имел обмен денег. Каждая область имела свои собственные денежные единицы. Благодаря обилию этих единиц и порче денег операция обмена была очень сложна. Обменом денег занимались специалисты — менялы (саррафы).

II. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Виды земельной собственности

Земельная собственность в рассматриваемый период была главным видом собственности. В IX—X вв. насчитывалось, примерно, шесть категорий земельной собственности.

Первая категория — государственные земли. Они образовались путем захвата арабами земель, принадлежавших сверженным династиям и крупным землевладельцам. Они составили с самого начала существования халифата весьма значительный земельный фонд. Согласно уже упомянутому нами положению Корана о добыче одна пятая всей добычи, в том числе и отнятой у неприятеля земли, должна была поступать в распоряжение главы ислама, Мухаммеда, а после его смерти — преемников-халифов. Омейядский и Аббасидский халифаты были обладателями огромного поместья, превосходившего все остальные земли.

Вторая категория — земельная собственность, принадлежавшая на правах частного владения представителям правивших династий. Этот вид собственности носит название «султанского имения». Доходы с этих земель поступали в личное распоряжение их владельцев.

Третья категория — земли, принадлежавшие мусульманской церкви («вакуф», или «вакф»). Доходы с этих земель шли не только на содержание церковной организации непосредственно, но также и на содержание разного рода гостиниц, стоянок на караванных дорогах и т. п. Отряды так называемых «борцов за веру» (газиев) также содержались нередко за счет вакуфных земель.

Четвертая категория — частновладельческие земли. Эти земли принадлежали частным лицам, составляя их полную собственность, которую они имели право передавать по наследству. Налог с этих имений уплачивался в казну самим владельцем без посредства чиновника фиска. Развитие товарно-денежных отношений довольно рано коснулось землевладения. Повидимому, Абу-Юсуф Якубу, автору «Книги о харадже», посвященной халифу Харуну ар-Рашиду, принадлежит первая в мусульманской экономической литературе средневековья формулировка положения: «земля имеет то же значение, что и имущество», т. е. подлежит продаже и покупке. Источники аббасидского времени дают возможность установить колебания цен на землю в различных районах халифата. Таким образом, наряду с наслед-

ственными частновладельческими землями, в халифате возникает массив земель, принадлежавший купцу-ростовщику.

Пятая категория — земли, принадлежавшие свободному крестьянству. К XI в. таких мелких наделов свободного крестьянства становится все меньше и меньше. Период правления Омейядов и Аббасидов характеризуется поглощением этой мелкой крестьянской собственности. Тем не менее, в отдельных районах мы еще в XI в. наблюдаем наличие собственности на землю у некоторой части свободного, крестьянского населения.

Шестая категория — земли, принадлежавшие крестьянской общине, как-то: пастбища, земли под кладбищами и т. д.

Из перечисленных видов земельной собственности первые три формы в IX—XI вв. занимали главенствующее положение. Государству, халифу, эмирам и духовенству принадлежала подавляющая часть всего земельного фонда, пригодного для сельского хозяйства.

Крестьянство

Реформы Хосрова I Ануширвана, о которых шла речь в первом разделе нашей книги, — были первой попыткой в странах Ближнего Востока ограничить свободного крестьянина путём наложения на него обязательного налога в виде хараджа. В период халифата наблюдается продолжение этой тенденции. К XIII в. свободное крестьянство, владеющее мелкой частной собственностью, совершенно исчезает в мусульманском мире. Этот процесс не фиксируется мусульманской догмой. Ни в Коране, ни в сборниках мусульманского права нет указаний на возможность крепостного режима. И тем не менее к XI в. мы наблюдаем в мусульманском мире фактически если не крепостное, то полукрепостное положение крестьянства. Основой отношений между эксплуатирующим и эксплуатируемым земледельческим классом была «...собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить» (История Всесоюзной коммунистической партии (б), Краткий курс, IV, 2). Источники X—XI вв. весьма богаты сообщениями о дарении и продаже целых деревень.

Наиболее распространенной формой эксплуатации безземельного крепостного и полукрепостного крестьянства была издольная аренда, или испольтчина. «Издольщина, вернее испольтчина, известна в Ираке и других переднеазиатских областях халифата под арабскими именами «мунасиф», «аккар», «шарик», «амир», «амиль»; в Иране и Средней Азии — под именем «чар-и-кар» и т. д. У нас есть все основания считать, что земельные собственники как дехкане, так и другие их группы (крупные, средние и мелкие) дробили свои земли на небольшие участки и сдавали их возделывателям на начале испольтной аренды из половины, одной трети, одной четвертой, одной пятой, одной шестой, одной седьмой доли урожая в зависимости от того, получал ли непосредственный производитель, кроме земли, семена,

орудия, скот, с учётом качества и количества всех входящих в процесс обработки земли хозяйственных моментов» (А. Ю. Якубовский, Махмуд Газневи).

Кроме уплаты помещику или государству определённой части своего урожая, крестьяне еще облагались рядом обязанностей: несли барщину, обязаны были за свой счёт содержать проезжих купцов, «помогать» мусульманской церкви и т. д. Любопытные формы принимала крестьянская барщина в военных делах. Нередко эмир вёл с собою в поход целые крестьянские общины. По дороге крестьяне должны были заниматься вырубкой деревьев, сельскохозяйственными работами и т. д.

Мусульманские феодальные источники естественно не балуют нас сообщениями о жизни крестьянства. О быте крестьянина-издольщика мы располагаем лишь случайными рассказами. Сохранился рассказ о посещении халифом землянки крестьянина; единственное угощение, которое хозяин мог предложить высокому гостю, состояло в пригоршне ячменя и чаше кислого молока.

Ремесленники и «рабочие люди»

В IX—XI вв. большая часть ремесленного производства перешла в город. Рост товарно-денежных отношений способствовал дифференциации ремесленного производства. Арабская географическая литература (подорожники) перечисляет ряд городов и местностей, специализировавшихся на каком-либо одном производстве.

И все же, несмотря на столь высокое развитие ремесла, само производство не вышло за пределы первоначально-феодальных производственных отношений. Центральной фигурой ремесленного производства был ремесленник, всецело зависимый от феодального землевладельца. Продукция ремесленника, как правило, не составляла его личной собственности, а принадлежала владельцу той или иной местности, того или иного города. В Хузистане, например, наместник города, славившегося производством льняных материй, имел целый штат доверенных лиц, задачей которых было контролировать производство льняных материй и удостоверить доброкачественность продукции путём постановки своего штампа. Материи с таким штампом продавались далеко от места выделки без дополнительного просмотра. То же самое явление было уже отмечено нами при характеристике ремесленного производства Египта. Таким образом, положение большинства ремесленников вряд ли существенно отличалось от положения крестьян-издольщиков. Как и последние, ремесленники обязаны были нести по отношению к владельцу ряд повинностей.

Правда, к XI в., наряду с такими феодально зависимыми ремесленниками, мы наблюдаем в городах возникновение слоя свободных ремесленников. Но весьма характерно, что эти свободные ремесленники не образуют сколько-нибудь влиятельной группы городского населения; мы не встречаем в источниках

этого времени ни малейшего упоминания о зарождении хотя бы самых примитивных форм ремесленных цеховых организаций.

Частый на Востоке в средние века недостаток земли, удобной для сельского хозяйства, предоставлял торгово-ростовщическому капиталу и землевладельцу возможность пользоваться почти даровыми рабочими руками, не находившими применения ни в сельском хозяйстве, ни в ремесле. Наряду с рабами, труд которых применялся на тяжёлых ирригационных работах, мы встречаем и труд крестьянина. Условия этого труда таковы, что нередко могут быть сравнены с условиями рабского труда. На горных разработках; при добыче жемчуга и т. д. мы встречаем в большом количестве таких «рабочих людей».

Организация государственной власти при Аббасидах

Аббасидская система управления является классической формой для раннего мусульманского средневековья. Долгое время после фактического прекращения выполнения халифом функций светского правителя эта система лежала в основе управления возникших при распаде халифата государств.

Во главе государства находился халиф, сосредоточивавший в своих руках светскую и духовную власть. С самого начала существования халифата халифы выступают как владельцы огромного фонда земель.

Сообразно с этим обстоятельством и строился государственный аппарат.

В отличие от омейядского времени государство Аббасидов характеризуется большей централизованностью и разветвленностью отдельных его ведомств. Во многих своих деталях Аббасидское государство напоминает «благоустроенную империю Сасанидов» (выражение Ф. Энгельса). Как при Сасанидах, так и при Аббасидах на первое место выдвигается фигура чиновника, ведавшего взиманием налогов, в первую очередь с земель, принадлежавших государству и лично халифу. Этот чиновник получает наименование «везир».

Значение везира в государстве достаточно ясно определяется той формулой, которую обязан был провозглашать халиф при назначении на должность везира: «Во имя аллаха милостивого! Такой-то есть наш наместник в областях и среди рабов наших. Кто повинуется ему, тот повинуется нам, а кто повинуется нам, повинуется самому богу; кто же повинуется богу, того бог вводит в рай. Кто возмущается против нашего наместника, все равно, что восстает против нас, а восстающий против нас восстает против бога; кто же восстает против бога, того бог ввергает в адский огонь».

Везиру было подчинено семь диванов, или управлений: 1) диван государственной печати — канцелярия, откуда шли бумаги на высочайшее утверждение; 2) диван документов — управление, ведавшее пожалованиями, а также дипломатической перепиской; 3) диван гвардии — управление, ведавшее хозяйственным и фи-

нансовым обслуживанием войск, несших дворцовый караул и находившихся непосредственно при особе халифа; 4) диван прочего войска — управление, ведавшее хозяйственной частью всех остальных военных сил халифата; 5) диван государственных доходов — одно из важнейших управлений везирата, в функции которого входили в первую очередь сбор налогов через посредство особых чиновников (амилей) и учет собранных сумм через посредство секретарей-счетоводов и казначеев; 6) диван расходов; 7) диван необходимых припасов — управление, ведавшее снабжением дворца халифа. Везиру же как наместнику халифа было подчинено дело осведомительной службы и государственная инспекция.

Весь подведомственный везиру обширный штат чиновников, так же как и сам везир, состояли на содержании халифатского казначейства; если везир, равно как и другие высшие чиновники в IX в., довольствовались незначительными суммами, то уже в X в. жалованье везира составляло громадную по тому времени сумму — около 7000 динаров (35,000 золотых рублей) в месяц. В дополнение к денежному довольствию везир и другие чиновники получали от халифа натуральное вознаграждение. Нечего и говорить, конечно, о взятках, откупках, начавших широко практиковаться в IX в., и других «неправедных», как любили называть их правоучительные сочинения, доходах.

Организация в халифате со времен Мутасима гвардии рабов и первенствующее значение, которое получила должность начальника этой гвардии — «эмир ал-умара», изменили положение везира в сторону уменьшения его влияния на государственные дела.

Как в исполнении светской власти халиф имел наместника в лице везира, так и в духовных делах представителем халифа являлся главный кади. Этому духовному чиновнику был подчинен в первую очередь суд, который при Аббасидах, как и раньше при Сасанидах, был сосредоточен в руках духовенства. На значительность должности кади указывает получаемое им содержание: в Египте кади получал на золотые деньги около 800 рублей в месяц, в Багдаде — 2500 рублей. Мечетями и другими культовыми учреждениями ведали имамы, хатибы (проповедники) и др. Церковными землями и другой собственностью ведали специальные управляющие, подчиненные халифу или назначаемым им лицам.

Провинциальное, управление строилось при Аббасидах по религиозному признаку; за отдельную административную единицу принимался город или селение, располагавшее соборной мечетью, в которой только и могло совершаться торжественное богослужение по пятницам (почему и сама такая мечеть иногда носит название «пятничной»). В каждой такой отдельной административной единице обычно находились в более или менее полном составе следующие представители центральной правительственной власти: 1) начальник гарнизона, 2) кади, т. е. судья, 3) амил — т. е. сборщик налогов, 4) начальник почты, в обязанности которого входила подробная информация о всех событиях в подве-

домственной ему территории; донесения начальника такой почты отправлялись в столицу специальными курьерами-сороходами, 5) правитель «султанского имения», в случае, если в том или ином районе находились земли, принадлежавшие лично халифу.

Кочевники; вассалитет и заложники

Как явствует из приведенного выше описания, Аббасидское государство представляло собою в основном организацию господствующего землевладельческого класса. Но кроме оседлого населения, халифату были подчинены значительные массы кочевого скотоводческого населения. Отношения между этим населением и Аббасидским государством складывались на началах вассалитета. Глава племени признавал себя вассалом халифа или эмира и обязывался перед своим сюзереном верностью и обязательством уплачивать определенную дань и поставлять в войско сюзерена вооруженные племенные отряды. Для сбора дани в место расположения вассального племени приезжали специальные посланцы центральной администрации. Гарантией же верности со стороны племенных вождей являлся институт заложников, широко практиковавшийся в халифате. Заложниками обычно были представители знатных родов. Они проживали при дворе центрального правительства определенное время, по истечении которого заменялись другими.

Город и местные органы самоуправления. Зимми

Широкое развитие товарно-денежных отношений в мусульманском мире довольно рано обусловило близкую связь между землевладением, ремеслом и торговлей. К XI в. в городах становилось все больше и больше людей, которые объединяли в своих руках землевладение, торговлю и ремесло. Этот влиятельный городской патрициат, имевший большие интересы в самых разнообразных отраслях хозяйственной деятельности, объединялся в органы самоуправления. В Испании, Северной Африке и других районах, находившихся в прошлом в сфере римско-византийской культуры, были еще живы традиции доарабской городской жизни; первое время после завоевания арабы довольствовались заключением договора с той или иной существовавшей ранее городской общиной, не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь. Такие органы самоуправления нередко содержали собственные военные отряды, назначением которых было поддерживать порядок среди эксплуатируемого населения. С усилением центральной власти халифата во главе таких городских самоуправлений обычно ставилось лицо, удобное центральной власти, с тем, однако, ограничением, что центральная власть не имела права избирать его иначе, как из среды патрициата данного города.

Христиане, евреи и другие иноверцы, именовавшиеся зимми, также пользовались в халифате правами самоуправления на ос-

нове заключенных с ними договоров. Они обязаны были, кроме общих государственных налогов, уплачивать, подобно иноверцам в сасанидско-зороастрийский период, подушную подать (джизия).

III. КУЛЬТУРА И БЫТ

Арабский язык и письменность

Принятие арабского языка в качестве не только официально-государственного, но и бытового, разговорного языка многочисленными иноязычными народами, составившими население халифата, — факт поразительный, если иметь в виду низкую культурность завоевателей по отношению к культуре многих завоеванных народов. Объяснение этому факту следует искать, по нашему мнению, в словесной культуре арабов, с древности глубокими узами связанных с культурами семитических и несемитических народов Передней Азии, а также в том обстоятельстве, что с самого же начала установления арабского господства именно на этом языке, в силу государственного принуждения, была совершена столь значительная работа письменного характера, при наличии которой знание арабского языка для образованного человека становилось не менее обязательным, чем греческого или латинского.

Уже при Омейядах в Дамаске началась та большая работа по переводу на арабский язык сочинений греков и других народов, которая затем продолжилась в Багдаде, Кордове, Палермо и прочих культурных центрах ислама. Написанный в X в. ученым, багдадским библиографом уникальный для того времени труд под названием «Фихрист» («Каталог») содержит описание великого множества переводных работ, из которых только незначительная часть дошла до нас.

Любовь к письменности, к написанному слову, освященная самим Кораном, возбуждалась и религиозными чувствами людей, принявших ислам, и древним магическим отношением на Востоке к «слову-букве». Переписать хоть часть Корана означало для правоверного мусульманина совершить праведное дело, дававшее преимущества в «будущей жизни». Вера в «слово-букву» из тех же коранических надписей создавала амулеты и талисманы.

С самого образования Арабского государства началась разработка письменности как важного элемента мусульманской культуры. Заимствовав от доисламской древности основы своей графики, арабы на самых первых порах существования халифата преобразовали эту графику в угловатый алфавит, получивший наименование «куфического» (от названия города Куфа), и почерк «несхи», нашедший широкое применение в письменности вплоть до настоящего времени. В X в. в Багдаде создаются шесть почерков, канонических и по настоящее время для арабской письменности. Многочисленные трактаты IX—X вв. рассказывают о законах и технике начертания слов.

Халифату, а еще точнее Самарканду, принадлежит честь введения в первый же век ислама в переднеазиатский обиход бумаги как главного писчего материала. Мусульманская форма рукописи в виде переплетенной книги заменила, как указывалось, пергаминный свиток.

Собирание рукописей, устройство библиотек как частных, так и общественных характеризуют мусульманскую культуру раннего средневековья не в меньшей мере, чем широкое распространение грамотности.

Ислам, быт и культура

Одновременность и взаимосвязанность возникновения Арабского государства и религии ислама наложили специфический отпечаток на быт и культуру народов, входивших в халифат. Можно с определенностью утверждать, что в X—XI вв. подавляющее большинство населения, находившегося под властью того или иного мусульманского государства, приняло ислам. Переход из христианства, иудейства, зороастризма в ислам кардинально менял привычные устои жизни. Правда, сама длительность процесса мусульманизации делала эти изменения довольно незаметными. Тем не менее, не прошло и двух-трех столетий, как даже люди, принимавшие близкое участие в деятельности сект, сложившихся в значительной мере под влиянием доисламских религиозных представлений, совершенно забыли источники этих представлений. Быт и культура всех народов, составлявших халифат, уже в XI в. являют черты такого органического культурного единства, что мы можем и имеем достаточно оснований именовать их «мусульманскими» без различия к специфике каждого народа в отдельности. Лишь значительно позднее эти отдельные отличия выступают снова с необычайной силой.

Как отмечалось неоднократно выше, говоря о мусульманстве и исламе, мы разумеем не бедную примитивную религию, возникшую в Хиджазе, а тот сложный синтез, который получился в результате взаимодействия этой арабской стадии развития мусульманства с иудаизмом, христианством и зороастризмом.

Образовавшись именно как синтез религиозных воззрений ряда народов Передней Азии, ислам в отличие от христианства не имел нужды бороться против высокой культуры античного мира. Античная философия и наука с самого начала существования халифата стали элементами ранней мусульманской культуры. Отсюда наряду с провозглашением положения о «священной войне» с неверными — необычайная по тому времени веротерпимость арабов, отмечаемая как источниками, так и европейскими исследователями. Первые признаки нетерпимости и религиозного фанатизма появились лишь после того, как ислам уже выполнил свою задачу синтеза и усвоения культурного наследия народов Передней Азии.

Положительная роль раннего мусульманства в сохранении и передаче европейским народам погасшего при варварском германском завоевании факела общечеловеческой культуры несом-

ненна. Но также очевидны те кардинальные пороки, которые нес ислам с самого своего зарождения. Проникнутая еще с мекканомедийского периода единым стремлением образовать не одно вероучение, а вероучение и государство в тесной взаимосвязи, мусульманская догма стала с начала своего существования законченным сводом правил не только для выработки религиозных воззрений, но и для повседневной практической деятельности человека. Даже самые интимные и вряд ли нуждавшиеся в освящении религиозным авторитетом стороны человеческого существования получили подробную регламентацию. От первого до последнего вздоха правоверный мусульманин был подчинен мелочным и тщательно разработанным нормам.

Но всячески ограничивая сферу свободной деятельности человека, нормируя его поведение, ислам в то же время освящал такие архаические пережитки исторического прошлого человечества, которые и при возникновении мусульманства стали или становились чуждыми большинству народов. Возникнув в период крушения античного рабовладельческого хозяйства, ислам считал рабство непреложным законом существования общества. Появившись в период преобладания моногамии над другими видами брака, ислам тщательно регламентировал многоженство, указав, сколько «законных» жён может иметь мусульманин. И когда культурная роль мусульманства была закончена, как раз эти тщательно разработанные этико-религиозные нормы стали одним из существенных препятствий для прогресса и развития мусульманского общества.

Школа и образование

Распространение ислама среди населения халифата было теснейшим образом связано с изучением арабского языка. Коран как ниспосланное от бога через архангела Гавриила откровение должен был изучаться на том языке, на котором он был ниспослан. Поскольку «учение» и изучение Корана стали синонимами, арабский язык оказался первым, что должен был знать мусульманин. Естественно, что и первыми учителями могли быть только люди, хорошо знавшие «священное писание», т. е. богословы.

Отсюда — то, что сам процесс обучения в мусульманском мире стал считаться богоугодным делом; люди, совершавшие обучение, не должны были требовать оплаты. Методом обучения Корану было чтение вслух, методом обучения арабскому языку — диктовка какого-нибудь одного, заученного учителем раз на всю жизнь текста. Мечеть являлась самым подходящим местом для подобных занятий.

При общем культурном росте, знаменующем первые шаги Арабского государства, при постоянном столкновении с людьми разных культур, естественно, что наряду с мусульманским учителем-богословом в Дамаске, Багдаде и других больших городах, можно было с самого начала существования халифата встретить учителя-иноземца, преподававшего языки и светские науки. Из этих иноверческих источников уже в омейядское время было ус-

воено аристотелевское деление наук на тривиум и квадриум. Такие учителя несомненно оплачивались. В конце концов оплата постепенно вошла в обычай и при занятиях Кораном.

Вместе с тем, развитие мусульманской догматики и борьба с многочисленными сектантскими и еретическими учениями потребовали и от основного в мусульманском обществе учителя-богослова не только механической диктовки, но и комментирования текстов. Подобное комментирование уже само по себе допускало возможность споров. Поэтому мечеть становилась мало подходящим местом для занятий. В конце X и в начале XI в. нарождается первый тип мусульманской школы — медресе, помещавшейся вне мечети.

Тесную связь между первоначальным обучением и религией делало само образование, во всяком случае в части изучения арабского языка, достоянием весьма широких масс. Число учителей-богословов, действовавших в различных городах халифата, было грандиозно. Обучение Корану и арабскому языку производилось не только в городах, но и в деревнях. Занимались не только мальчики, но и девочки.

Наука

Говоря об античном наследии, легшем в основу раннемусульманской культуры, мы разумею, конечно, в первую очередь греческое наследие. Но вместе с тем не следует забывать, что индийская, иранская, еврейская древность немало привнесла в арабскую образованность своего, притом весьма важного, содействовавшего развитию самых разнообразных наук — математики и астрономии, химии и медицины, географии и естествознания, филологии и права. Во всех этих областях знания арабы, как обычно называют в европейских пособиях самый разнообразный в этническом отношении круг учёных халифата, не только оказались прекрасными учениками, но и содействовали европейскому научному развитию. В течение ряда столетий трактаты на арабском языке по математике, астрономии, химии и медицине были главными источниками знаний для средневековых европейских учёных. Следы этого арабского влияния заметны в названиях отдельных наук (алгебра, химия), в научной терминологии (звезда Альдебаран и др.), в начертании цифр, которые мы до сих пор называем арабскими.

Не в меньшей мере, чем античные культура и наука, арабское интеллектуальное творчество может быть представлено, как единое целое, характеризующее общими, только ему присущими чертами. Одновременно следует отметить, что это общее не покрывает хронологически понятия расцвета халифата. Еще долгое время после того, как мусульманский мир, подвергшись двойному удару со стороны европейских крестоносцев и центрально-азиатских монголов, потерял в экономическом и политическом отношении прежнее значение, арабская наука и образованность продолжала давать образцы глубокой эрудиции и остроты мысли.

Любовь к слову, устному и письменному, столь характерная для всего развития мусульманской культуры, отмечает в высокой степени деятельность многочисленных арабских учёных. Такой филологизм присущ представителям не только дисциплин, близких к гуманитарным, но и представителям так называемых точных наук. Не редкость в арабской учёной литературе встретить серьёзный трактат по математике, написанный стихами. Стихи, филологические реминисценции являются неотъемлемой частью арабских сочинений на весьма отвлечённые темы.

С другой стороны, не только историки, географы, юристы, но и творцы изящной литературы, даже поэты, как правило, показывают примеры своих познаний в самых разнообразных учёных дисциплинах. Этот универсализм является второй характерной чертой арабского интеллектуального творчества.

Третьей и пожалуй наиболее характерной чертой этого творчества является его целеустремленность, нередко переходящая в чрезмерный практицизм. Арабский учёный, равно, как писатель и поэт, преследуют, как правило, определенные, реальные, непосредственные цели. Ярким примером такой целеустремленности является, например, развитие арабской географической науки.

Появление в IX—X вв. многочисленных географических сочинений в основном обязано было административным и торговым интересам. Арабская географическая литература этого периода, да и позднейших времен — своеобразные подорожники.

Сочинение по географии мира обычно разделялось на семь отделов по числу так называемых «климатов» — деление, усвоенное арабскими географами от греков. В состав каждого отдела входило описание дороги с сообщением всех остановок, начиная с колодцев и кончая крупными городскими центрами. Каждый округ подвергался подробному описанию во всевозможных отношениях: каковы мечети, базары, что в этот округ или город привозят, что из него вывозят, каково управление, кто является правителем. Арабские географические сочинения служат прекрасным источником для изучения средневековой экономической жизни.

Не менее показательным примером является развитие прославленной арабской астрономии, столь повлиявшей на развитие европейских астрономических знаний. Изучение небесной сферы было тесно связано у арабов с практическими задачами; по средневековым арабским воззрениям движение светил определяло погоду и судьбу человека. Арабская астрономия занималась метеорологией и гаданием о судьбе человека по звездам (астрология).

Образование государства, занимавшего значительную часть территории Римской империи и всю территорию древнего Ирана — двух государств, признаваемых в мусульманской средневековой историографии равными по значению, не могло не отразиться на стремлении создать не местную, только арабскую или только иранскую историю, а всеобщую историю человечества. Если самое раннее историческое произведение на арабском языке

ке имеет целью описание жизни пророка Мухаммеда («житие пророка» Ибн-Исхака, ум. в 767 г.), то уже в IX—X вв. возникают обширные летописные своды Масуди и Табари, излагающие историю человеческого рода от мифических пророков до времени жизни самих авторов.

Быть может, все эти свойственные арабской науке черты и позволили в XIII—XIV вв., в период разрушения всех тех традиций, на которых был основан халифат, появиться нескольким научным феноменам, поразительным не только для Востока, но и для всего культурного человечества.

Первый из этих феноменов — везир ряда монгольских ханов, казненный в 1318 г., еврей по происхождению, — Рашид ад-Дин. По его инициативе была составлена история, носившая название «Свод исторических сведений по всеобщей истории». К составлению этого свода были привлечены монголы и индусы, арабы и иранцы, европейцы и китайцы. В. В. Бартольд, характеризуя «Всеобщую историю» Рашид ад-Дина, замечает: «Как свод исторического материала труд Рашид ад-Дина — единственное в своем роде явление в мировой литературе. Ни раньше, ни позже не было попыток составить свод исторических сведений обо всех народах от Атлантического до Великого океана при сотрудничестве отдельных народов».

Второй феномен — североафриканский историк Ибн-Халдун, прозванный европейскими учёными «первым социологом». Ибн-Халдун, живший в конце XIV и начале XV в., впервые попытался установить зависимость расцвета и упадка общества и государства от их материального бытия. Во введении к своему историческому труду Ибн-Халдун начертал три таких системы материального бытия людей, которые, по его мнению, определяют ход развития и всю изменчивость исторических форм: кочевой быт, земледелие, городская жизнь.

Быть может, эти же, присущие арабской науке черты и позволили в более ранний период, задолго до появления Ибн-Халдуна, проявиться скептицизму в отношении неизбежности мусульманской, да и всякой иной религиозной догмы. Девять столетий тому назад гениальный анатом и врач, геолог, философ и поэт Ибн-Сина, обычно именуемый Авиценна (980—1037), в ответ на обращённые к нему упреки в «неверии» отвечал словами, которые могут служить предметом гордости всякого мыслящего человека: «Неверие такое, как мое, — нелегкая и не простая вещь».

Поэзия и искусство

Филологизм, универсализм и целеустремленность знаний не в меньшей мере могут характеризовать средневековую арабскую поэзию, чем науку, философию и прозаическую литературу. Являясь и преобладающим и любимым видом литературного творчества, арабская поэзия обладала на всем протяжении ее средневекового развития устойчивостью видов и форм. «В первой половине VIII в. арабская поэзия отлилась уже в строго закончен-

ные формы, которые с развитием словесных наук быстро были закреплены каноном как классические. Являясь по существу «лирико-описательной», как принято ее характеризовать, она была очень проста по форме. Всякое произведение какого бы то ни было объёма могло строиться только в одном из 16 стихотворных размеров, из которых не более половины были общепотребительными. Каждый стих, делившийся обязательно на два полустишия, имел рифму, проходившую обязательно через все произведение, независимо от его величины.

Наряду с такой, сравнительно простой, метрической структурой композиционные формы говорят о длительной предшествовавшей им истории стихосложения. Собственно говоря, арабская поэзия знает только две основных формы: большое произведение, так называемую касиду (буквально «целевая» пьеса) и малое — кыта, или мукатта (буквально «отрывок»); последние в зависимости от темы носят часто различные названия. Если в них поэт пользуется известной свободой построения и хода мыслей, то в касиде он связан строгим каноном, закрепленным еще традицией в доисламскую эпоху (акад. И. Ю. Крачковский — «Арабская поэзия в Испании», в сборнике «Культура Испании», 1940).

Подобная же устойчивость наблюдается в изобразительных искусствах и других видах художественного творчества.

С самого начала существования халифата одним из излюбленных видов изобразительных искусств стали буквенный орнамент и вообще письменная графика. До настоящего времени в ряде мусульманских стран выполненный художественно графический орнамент предпочитается всем другим видам изобразительных искусств. Художник и каллиграф — синонимы в средневековой эстетике. Основой для средневекового графического орнамента послужили уже упомянутые почерка — «куфический», шесть почерков, канонизированные в Багдаде в X в., и, наконец, почерк «насталик», ставший излюбленным в восточномусульманских областях при Тимуридах. Орнаменты из букв или элементов букв украшали стены мечетей, дворцов, базаров; они же находятся на керамических произведениях, тканях, а то и просто в виде графического эскиза на бумаге.

Предпочтение, оказываемое графическому орнаменту, отнюдь не означало отсутствие в мусульманском средневековом искусстве живописи в европейском понимании этого слова. Несмотря на недоброжелательное отношение некоторых богословов к изображению живых существ, в частности человека, в халифате существовали миниатюры и стенная фреска, на которых изображались и портреты, и сцены на религиозные и светские сюжеты.

Арабская музыка, арабские музыканты и певцы были известны в южнороманских странах Европы. Наконец, архитектура достигла столь законченного и гармоничного стиля, что много веков после распада халифата она служила образцом для ряда средневековых европейских сооружений.

Во всех этих отраслях художественной деятельности арабы,

как и в поэзии, создали устойчивые формы, которые с непривычки могут производить впечатление некоторого однообразия. Но достаточно сравнить стихотворные произведения Кордовы и Багдада, мусульманские памятники строительного искусства Испании или Африки и Ирана, как это первое впечатление исчезает без следа. Современная наука, занимающаяся средневековым мусульманским искусством, открывает все новые и новые стили, школы, направления; эти открытия обнаруживают позабытую историю длительной и плодотворной борьбы арабской художественной мысли за идеальные, совершенные формы, борьбы не менее энергичной и страстной, чем в средневековом европейском искусстве.

Как и грамотность, умение наслаждаться и понимать произведения художественного творчества было весьма широким явлением. На это указывает история средневекового мусульманского керамического производства, ткацкого и стекольного дела. Даже предназначенные для широкого потребления произведения ремесленников отмечены большим художественным вкусом.

СЕЛЬДЖУКСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XI в.

Завоевание туркменами земель от Средней Азии до Средиземного моря и создание ими обширного государства открывает новую страницу в истории стран Ближнего Востока. Это завоевание является поворотным моментом в истории мусульманского мира не только потому, что в Иран, Малую Азию, Сирию и Палестину хлынули большие массы кочевого скотоводческого населения, но и потому, что факт образования сельджукского государства является результатом длительной борьбы внутри самого завоеванного общества. Установлением власти сельджуков на Ближнем Востоке открывается также процесс тюркизации восточного Средиземноморья. Для советского историка вопрос о сельджуках особенно интересен и потому, что, выражаясь словами В. В. Бартольда, «...благодаря образованию Сельджукской империи, огузский, или туркменский, народ приобрел для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из турецких народов».

Сельджукское государство в мусульманской традиции и европейской историографии

Нельзя сказать, чтобы как средневековая мусульманская, так и новая европейская историческая литература не уделяла достаточного внимания вопросу о происхождении и значении Сельджукского государства. В мусульманской средневековой литературе мы встречаем многочисленные попытки определить значение сельджуков. Но естественно, что мусульманская средневековая историческая традиция не пошла далее констатации чисто религиозного фактора. Тюрки, в том числе и сельджуки, по мнению мусульманских средневековых источников, являлись носителями

ортодоксии, борцами против сектантства. В этом мусульманская литература видит единственное значение сельджуков.

Интерес к крестовым походам, обозначившийся в европейской исторической науке с начала прошлого века, казалось бы, неминуемо должен был привести к широкой постановке вопроса о значении Сельджукского государства. Но как специфика развития европейской буржуазной историографии, так и слабое знакомство историков крестовых походов с восточными языками были мало благоприятны для постановки этого вопроса, хотя бы в полемическо-христианском направлении. Завоевание сельджуками Передней Азии определяется буржуазными историками крестовых походов как «нашествие диковоинственных толп кочевников», как проявление «извечной» борьбы Востока с Западом.

Недалеко ушла от такого «определения» и буржуазная ориенталистика, характеризующая сельджукский период лишь как время «возрождения ислама».

Но вместе с тем уже с конца прошлого столетия в науке начали высказываться сомнения в правильности традиционного отношения к сельджукам и сельджукскому завоеванию. Первыми в этом деле оказались русские ученые (В. А. Жуковский, В. В. Бартольд).

Газневиды

Государство, образовавшееся в начале 60-х годов X в. на территории современного восточного Афганистана со столицей в городе Газне, вело свое происхождение от начальника гвардии рабов, служившего Саманидам. Один из эмиров-гвардейцев, Алптегин, обидевшись на своего бухарского повелителя, удалился в 962 г. в город Газну, где и создал независимое владение. Из эмиров Газны, именовавших себя с XI в. «султанами», особенно известен Махмуд, получивший прозвище Гази (воитель). Время его правления (998—1030) было ознаменовано грабительскими походами в Индию. Пользуясь раздробленностью Северной Индии, Махмуд совершил несколько десятков походов, грабя богатые города и уводя в рабство множество людей. Незначительный город Газна превратился в пышную резиденцию с великолепными дворцами и мечетями. Государство Газневидов при Махмуде уже занимало территорию всего восточного Ирана (вместе с Хорасаном), Афганистан, часть южного Ирана и западную часть Северной Индии.

Опираясь на гвардию рабов и отряды вассальных племен, скопив после ограбления Индии большие богатства, Махмуд восстановил в своем государстве аббасидские порядки IX в. Частное землевладение в правление этого эмира-султана терпело большие притеснения. За массовыми казнями шла, обычно, конфискация земельной собственности, принадлежавшей казненным. Особенно страдал от Махмуда городской патрициат, в частности купцы столицы Хорасана — Нишапура. Махмуд пытался установить порядок, при котором государство являлось бы единственным собственником на землю.

Период разложения аббасидского халифата и образования более мелких владений был чреват многочисленными войнами и сопровождавшими их голодом и эпидемиями. Связанный в одинаковой мере с землевладением, ремеслом и торговлей (местной и внешней), городской патрициат был заинтересован теперь более, чем когда-либо, и в сохранении земельной собственности и в удержании на этой собственности убывавшего крестьянского населения.

Борьба между газневидским султаном и патрициатом многочисленных торгово-ремесленных городов Хорасана особенно обострилась после смерти султана Махмуда, в правление его сына Масуда (1030—1041). Не имея сил справиться с могущественным султаном, хорасанские землевладельцы и купцы решили опереться на тюркское население Средней Азии, чтобы с его помощью свергнуть ненавистный режим. Посредником и деятельным помощником хорасанской городской знати в этом деле был орден суфиев — дервишей. Эти суфии имели в городах Хорасана странноприимные дома и обители. Здесь они вели пропаганду против Газневидов. Близко связанные со Средней Азией, суфии были посредниками в переговорах между хорасанской знатью и вождями туркмен.

Огузы — туркмены — и их первые завоевания

Огузы, или туркмены (название «туркмен» впервые в арабской литературе встречается в X в.), кочевали к северу от устья реки Гюрген до современного города Чимкента. Посланник багдадского халифата на Поволжье, Ибн-Фадлан, проезжавший страну огузов весной 920 г., оставил нам описание огузов, патриархальный кочевой быт которых поразил араба-багдадца. «Мы прибыли к племени турок, — сообщает Ибн-Фадлан, — известных под именем ал-Гуззия. И вот они кочевники; у них дома волосяные (из кошмы), и они (гуззы) останавливаются или уезжают. Ты видишь их дома то в одном месте, то такие же в другом, как делают кочевники в своих переселениях; и вот они в жалком положении».

Развивавшийся товарообмен с южными культурными областями Средней Азии, особенно интенсивный при Саманидах, вызвал появление среди огузско-туркменских становищ колонии мусульманских купцов. К таким небольшим торговым поселениям принадлежал город Дженд (в 30 километрах от нынешней Кзыл-Орды), откуда и вела свое происхождение династия Сельджуков. Миссионерская деятельность мусульманского духовенства проникала довольно глубоко в кочевую степь. Многие из тюркских племен принимали ислам; среди принявших его была часть огузского племени, кочевавшая около города Дженда.

В той тонкой «византийской» политике, которую бухарские Саманиды вели в степи, сельджуки стали на некоторое время опорой бухарских эмиров против других кочевников. В доказательство дружественных союзных отношений с ними Саманиды

разрешили туркменам переселиться в район селения Нур, около Бухары. Свержение династии Саманидов кочевниками — караханидами — привело к союзу сельджуков с Газневидами. В 1025 г. султан Махмуд разрешил туркменам перейти Аму-Дарью и поселиться в Северном Хорасане. Уже в 1028 г. часть туркмен перекочевала во внутренний Хорасан, а затем двинулась к Фарсу и в Азербайджан. Оставшиеся в Средней Азии и Хорасане туркмены были вовлечены в борьбу феодальных правителей и скоро усилились до того, что начали грозить хорасанским владениям Газневидов.

Во главе туркмен в это время стояли два выдающихся представителя сельджукской династии, носившие титул беков (князей) — братья Тогрул-бек и Чагры-бек. Туркмены 30-х годов XI в. уже не походили на тех «жалких» огузов, о которых рассказывает Ибн-Фадлан. Знатный, род потомков Сельджука обладал теперь своей большой дружиной и значительными отрядами племенной легкой кавалерии. В боях туркмены умели применять классическую мусульманскую тактику деления войска на два крыла, центр, авангард и арьергард. Туркменская знать владела теперь не только стадами и табунами, но и значительными земельными участками с сидевшим на них крестьянством.

Газневидское правительство, обеспокоенное ростом могущества туркмен, решило силой изгнать их из Хорасана. В 1040 г. в битве при Денданекане (ныне Таш-рабат, около Мерва) газневидские войска, находившиеся под командованием самого султана Масуда и имевшие в своем составе многотысячную гвардию гулямов, а также отряды боевых индийских слонов, потерпели поражение. Масуд бежал с поля сражения в сопровождении нескольких оставшихся ему верными гвардейцев. Разгром газневидского войска решил судьбу Хорасана, этой жемчужины газневидских владений. Оба брата, Чагры-бек и Тогрул-бек, были провозглашены в городских мечетях Мерва и Нишапура царями. Мервская и нишапурская знать торжествовала: завоеватели предоставили представителям этой знати высшие должности в своем государстве.

Дальнейшие завоевания сельджуков

Усиленный как прибывавшими из Средней Азии новыми племенами, так и поддержкой хорасанской торгово-землевладельческой знати один из братьев, Тогрул-бек, пошел на запад. В короткое время им были захвачены южнокаспийские области, а также западный и центральный Иран. В 1055 г. властитель Багдада из династии Бовейхидов потерпел поражение, и Тогрул-бек торжественно вступил в «город мира». Вскоре он был провозглашен «султаном, властителем востока и запада», и взял в жены дочь халифа.

Правление султана Тогрул-бека (ум. в 1063 г.), его племянника и наследника Алп-Арслана (1063—1072) и сына последнего, Малик-шаха (1072—1092), было ознаменовано рядом побед, подчинивших сельджукам всю Переднюю Азию. Вскоре после своего

вступления на престол, Алп-Арслан вторгся в Армению и взял столичный город Ани, находившийся тогда в союзных отношениях с Византией. Выступивший против сельджуков византийский император Роман IV Диоген не только потерпел поражение в битве у Манцикарты (к северу от озера Ван в Армении), но и попал сам в плен (1071). Большая часть Малой Азии подчинилась сельджукам; здесь образовался сельджукский эмират, носивший название Румского султаната со столицей сначала в Никее, а потом в Конии, (Икониум), богатейшем и красивейшем городе Малой Азии.

При Малик-шахе завоевания продолжались. В состав Сельджукского государства вошла Средняя Азия и области вплоть до Кашгара, а также значительная часть Сирии и Палестины; северными границами государства стали Грузия и Армения, южными — Аравия. В Мекке и Медине сельджукское влияние вытеснило фатимидские симпатии.

Установление военно-ленной системы землевладения (икта)

Завоевание сельджуками обширной территории не вызвало появления сильной централизованной власти. Сельджукское государство характеризуется дроблением территорий на ряд уделов, захваченных членами сельджукского рода и находившихся по отношению к султану в вассальном положении. Удел, отдаваемый в правление тому или иному лицу взамен обязательства со стороны этого лица платить определенную дань и являться по требованию султана с вооруженным и снабженным за свой счет отрядом, получил в мусульманской литературе наименование «икта», а владелец такого удела — «мукта», или «иктадар».

Икта не являлась новшеством в практике восточного землевладения. Такие военно-ленные надель до сельджуков раздавали узурпировавшие светскую власть халифы Бовейхиды. Но при сельджуках это явление получило такое распространение, какого не имело никогда ранее. Сельджукские завоевания сопровождались захватом огромного фонда земель, принадлежавших ранее государству и различным низвергнутым Сельджуками династиям. Опираясь на племенное ополчение, Сельджуки не нуждались в учреждении гвардии рабов (гулямов); те военные силы, которыми располагали туркмены и другие двинувшиеся с ними на завоевания племена, были вполне достаточны для господства родовой туркменской знати. Вскоре после победы над Масудом при Денданекане все уже завоеванные земли, равно как и те, которые еще предстояло завоевать, были поделены между членами Сельджукского дома: Бост, Герат и Систан отошли к сыну Сельджука — Мусе-Арслан Пейгу, Мерв достался Чагры-беку, Иран — Тогрул-беку; сын Чагры-бека овладел Керманской областью, Якути — Азербайджаном, Абхаром и Зенджаном, Ибрагим ибн-Яналь получил Хамадан, Муса ибн-Кутульмыш — Гурган и Дамган. При дальнейших завоеваниях распределение уделов продолжалось с неменьшей интенсивностью.

Положение крестьянства при сельджуках

Образование военно-ленной системы икта в западной Азии отразилось самым существенным образом на положении крестьянства. Если в предшествующий период эксплуатация крестьянства была жестокой, то все же не следует забывать, что эксплуатация эта отчасти смягчалась тем обстоятельством, что происходила в значительной мере через посредство государственного аппарата. Целый ряд норм обычного и религиозного права определял границы этой эксплуатации, до некоторой степени уничтожая личный произвол эксплуататоров.

Сельджукское государство встретило уже не со свободным членом общины, как то было при Омейядах и в ранний аббасидский период, а с крестьянством, которое, несмотря на формальное отсутствие крепостного права, было фактически закрепощено. При Сельджуках феодальный крестьянин эксплуатировался не через государственный аппарат, а непосредственно владельцем лена — мукта. Крестьянское население при Сельджуках было лишено права покидать свое место жительства.

Непосредственная эксплуатация крестьянства владельцами ленов привела к установлению власти их над личностью крестьянина в значительно большем объеме, чем в предыдущее время.

Рост городов и городская жизнь

Но распространение системы икта на захваченной Сельджуками территории не изменило широко развитых товарно-денежных отношений, существовавших в то время. Образование поместий на мусульманском востоке в XI в. не привело к натуральным формам хозяйства. Более того, прикрепление крестьянства к земле содействовало упорядочению всей хозяйственной жизни. Период правления первых Сельджуков характеризуется общим экономическим подъемом. Размеры городов увеличились. Центр городской жизни окончательно перешел из древних аристократических кварталов (шахристан) в торгово-ремесленные предместья. Купцы и верхушка ремесленников при Сельджуках пользовались значительно большей свободой, чем в прежнее время. Теперь почти совершенно прекратились насильственные переселения мастеров из одного места в другое по прихоти того или иного эмира. В городе значительно возросло число свободных ремесленников. В ремесле начали складываться цеховые отношения с соответствующей цеховой иерархией (ученик, мастер).

«Великие Сельджуки».

Время правления султанов Тогрул-бека, Алп-Арслана и Малик-шаха принято называть периодом «великих Сельджуков». Основанием для этого служит то, что период до 1092 г., т. е. до года смерти Малик-шаха, резко отличается от последующего времени. Первые султаны в силу как своего личного авторитета,

так и продолжавшихся завоеваний, несмотря на дробление государства, представляли собой подлинную власть, воле которой должны были беспрекословно подчиняться владельцы больших и малых икта. Уже при втором султани, Алп-Арслане, прекратился приток кочевого скотоводческого населения. Чувствуя себя больше мусульманскими, чем тюркскими государями, сельджукские султаны совершенно порвали связь с тем народом, который помог им совершить великие завоевания. При Алп-Арслане большинство кочевников, составлявших постоянную угрозу для оседлого земледельческого и городского населения, было направлено на окраины государства, в Малую Азию и на Кавказ. Государство Сельджуков, с самого начала своего подвергавшееся влиянию старинных мусульманских традиций, теперь окончательно принимает привычные для мусульманского мира внешние формы. Султаны окружают себя гвардией рабов.

Происшедшее в 1066 г. провозглашение Алп-Арсланом своим наследником Малик-шаха, хотя и сопровождалось выполнением старинного туркменского обычая — несения перед провозглашенным наследником попоны, заменявшей седло, означало окончательный разрыв с какими-либо воспоминаниями о прошлом Сельджукской династии. Украшенный новоотстроенными дворцами, Исфаган стал любимым местом пребывания третьего сельджукского султана; гарем, свита придворных поэтов, тонкие и запутанные интриги, изредка охота и часто вино — таково было времяпрепровождение Малик-шаха, сына Алп-Арслана и внука Чагры-бека.

Везир Низам ал-Мульк и его сочинение об управлении государством

Настоящим главою государственной власти уже при Алп-Арслане стал везир Хасан ибн-Али, получивший прозвание Низам ал-Мульк («порядок царства») и титул атабек («отец-князь»).

Низам ал-Мульк родился в Хорасане; он происходил из семьи чиновника, служившего при дворе газневидских султанов. Еще молодым человеком Низам ал-Мульк поступил на службу к Алп-Арслану, принимал участие в ряде его походов, руководил в качестве везира всей финансовой и хозяйственной жизнью Сельджукского государства. Значительная личная земельная собственность, поддержка городского патрициата и землевладения, незаурядный государственный ум доставили ему после смерти Алп-Арслана (1072 г.) положение регента. Низам ал-Мульк известен также постройкой в Багдаде высшего мусульманского училища (тип которого распространялся с востока на запад), получившего от его имени прозвание «Низамия». Это высшее мусульманское училище сделалось впоследствии прототипом для многих подобных учреждений в мусульманском мире.

Низам ал-Мульк оставил сочинение, озаглавленное им «Книга об управлении государством». В этом сочинении Низам ал-Мульк дает яркую картину тех противоречий, которые возникли в

Сельджукском государстве. Искренний сторонник системы икта, Низам ал-Мульк не мог не видеть вместе с тем ее отрицательных сторон, состоявших в ослаблении центральной государственной власти, дроблении государства на ряд малозависимых друг от друга владений и в недовольстве происшедшими переменами со стороны крестьянского земледельческого населения. Для излечения этих недугов Сельджукского государства Низам ал-Мульк предлагает вновь создать централизованный бюрократический аппарат, гвардию, организовать широкую осведомительную службу. В качестве идеала государственного устройства он предлагает режим Махмуда Газневида и Аббасидов. Вместе с тем Низам ал-Мульк требует в своем сочинении более человеческого отношения к крестьянству, утверждая, что власть над народом должна принадлежать не мукте, а султану. Некоторые места его сочинения поражают необычайной глубиной и являются пророческими в отношении дальнейшей судьбы Сельджукского государства.

Надо ли говорить, что в условиях установления военно-ленной системы пожелания Низам ал-Мулька были утопией. Система икта разрушала в корне идеализируемые Низам ал-Мульком аббасидско-газневидские традиции строения государственной власти. Сельджукское государство, разделив свои верховные права между владельцами икта, не нуждалось более ни в централизованном бюрократическом аппарате, ни в разветвленной осведомительной службе.

Исмаилиты-ассасины

Ослабление государственной власти привело к усилению деятельности шиитов-исмаилитов.

Основателем ордена исмаилитов-ассасинов (франц. и итальянск. «ассасина» — убийца, произошло от слова «хашиш» — наркотика, нашедшего себе широкое применение в деятельности исмаилитов) был некий Хасан ас-Саббах, который, согласно не вполне достоверному историческому преданию, был школьным другом Низам ал-Мулька. Основатель ордена отправился в Каир, и, получив поддержку со стороны фатимидского халифа, вернулся в 1081 г. в Иран. Здесь он захватил находившуюся к северу от современного города Казвина горную крепость Аламут. Аламут стал центром деятельности ассасинов, завладевших затем рядом крепостей и земель как в Иране, так и в Сирии.

В основе учения ордена ассасинов лежало старое шиитское признание семи божественных имамов. Новым была более суровая дисциплина членов ордена, и уже совершенно новым — тактика ассасинов, состоявшая не только в использовании массовых народных движений, но и в применении террористических мер, индивидуальных убийств, которые стали главенствующим методом деятельности ордена.

Во главе ордена стоял так называемый «Горный старец» (шейх ал-Джебел), иногда именуемый «главным миссионером»; следующую за главою ордена ступень занимали «великие миссионеры»; им были подчинены простые миссионеры, которые и управляли

всей массой членов ордена, связанных клятвами, мистическим церемониалом посвящения и взаимным шпионажем. Особую категорию членов ордена составляли так называемые «фидан» (жертвующие собой), послушные исполнители приказов «Горного старца». Переодетые нищими, дервишами, купцами, фидан проникали в палатки, дворцы, мечети и совершали убийства.

Ассасинские крепости в скором времени обросли значительной земельной собственностью; крестьяне, работавшие на этих землях во славу и преуспеяние ордена, кроме того, что давали ассасинам средства, поставляли и большую часть фидаев.

Убийство Низам ал-Мулька и смерть Малик-шаха

Стремление Низам ал-Мулька создать крепкий бюрократический аппарат и опереться на ортодоксальный ислам (постройка «Низамия» в Багдаде и другие мероприятия по поднятию престижа мусульманского духовенства) встретили яростное сопротивление со стороны исмаилитов-ассасинов, 14 октября 1092 г. при переезде из Исфагана в Багдад всемогущий регент был убит фидаем — посланцем «Горного старца». Месяц спустя умер Малик-шах при обстоятельствах, которые позволяют предполагать, что он также пал жертвой ассасинов.

Смерть султана и регента-везира развязала руки феодальной анархии. Началась беспощадная борьба между крупными и мелкими владетелями ленов. Сельджукское государство молниеносно распалось на множество владений.

РЕКОНКИСТА В ИСПАНИИ И СЕВЕРНАЯ АФРИКА

Мусульманская Испания и христианские государства в XI в.

Описанное выше дробление мусульманской Передней Азии имело параллель на другой окраине мусульманского мира, в Испании, где также распадение Кордовского халифата привело в том же XI в. к господству многочисленных «удельных правителей». Не совсем одинаковы были причины, приведшие к этому дроблению, неодинаковы были и формы образовавшихся мелких государств, но и та, и другая окраина бывшего великого Арабского государства в равной мере испытала в последней четверти XI в. одну и ту же судьбу. Обе они подверглись успешному нападению европейцев и обе должны были уступить европейским рыцарям и купцам часть своих владений, особенно важных в стратегическом и экономическом отношениях. Как бы ни разнились и по существу, и в отдельных частностях Крестовые походы и «обратное отвоевание» христианскими государствами части Пиренейского полуострова — явление, известное под испанским словом «реконкиста», и то, и другое в равной степени означало растущее преобладание христианской Европы над мусульманским востоком. Общим была и самая основа этого преобладания: выросшая мощь Европы в связи с «вторым разделением труда» в XI в., отделением ремесла от сельского хозяйства и расшире-

нием товарно-денежных отношений. Таково общее и громадное для мусульманского востока значение этого периода.

В отличие от Крестовых походов испанская реконкиста обнищает и более длительный, чем Крестовые походы, период (с XI в. по 1492 г., когда было захвачено последнее мусульманское владение в Испании — Гранада), и характеризуется более органическим, чем образование крестоносных государств, процессом формирования в борьбе с «маврами» Испанского государства.

Изложение последнего из Омейядских халифов Хишама III отмечает лишь формальный момент разложения Кордовского государства. Еще до 1031 г. в Малаге, Севилье, Гранаде, Валенсии, Дении с Балеарскими островами и Сарагосе образовались свои собственные династии. Из этих династий малагские Хаммудида вскоре после низвержения Хишама даже приняли титул «халифа» и «повелителя правоверных». В ближайшие десятилетия по уничтожении Кордовского халифата число независимых мусульманских государств возросло до 23. Все эти маленькие государства и города, несмотря на все продолжавшийся рост торговли и ремесла, обнаружили полную неспособность объединиться между собой; свирепствовали непрерывные распри и войны между ними, тормозя их экономическое развитие и лишая их возможности какого-либо совместного выступления.

Между тем на севере Пиренеев произошли события, чреватые большой опасностью для всего этого пестрого, драчливого мирка, — объединение или, вернее, сплочение ряда феодальных христианских владений. Из этих усилившихся северных испанских государств наиболее значительным стала Кастилия с главным городом Бургосом, превратившаяся с 1037 г. в королевство объединенных Кастилии и Леона. Характеризуя эти североиспанские государства XI в., К. Маркс замечает: «...земледелие и война были в то время главным занятием всей испанской нации, как и у римлян. Мир составлял исключение» («Архив Маркса и Энгельса», VI, 93).

Воспользовавшись усобицей среди мусульманских государств, первый король объединенных Кастилии и Леона Фернандо I (1037—1065) овладевает всем бассейном реки Дуэро, разрушая всюду пограничные дозорные крепости арабов. Верным и деятельным его пособником был толедский эмир Яхья Мамун (1037—1075), враждовавший с Севильей. Дружеские отношения между Толедо и Бургосом продолжались и после смерти Фернандо I во время последовавшей смуты в Кастилии. Мир был нарушен в правление второго замечательного короля Кастилии — Альфонса VI (1072—1109). Заклотив союз с давнишним врагом Толедо, Севильей, Альфонс VI пересек с войсками горную цепь Гвадаррамы и появился в центре плоскогорья (месеты). Кроме леоно-кастильских рыцарей, в походе приняли участие рыцари Наварры, Арагона и Франции; вместе с рыцарями в поход отправилось и крестьянство, изнемогавшее под феодальным гнетом. В 1085 г. после систематического разорения всей округи и шестимесячной осады изнуренный голодом Толедо был взят. Захват

Толедо передавал в руки Кастилии ключи к южным и восточным областям Испании — таков был результат этого важнейшего в истории Реконкисты похода, названного К. Марксом «прелюдией первого крестового похода» («Архив Маркса и Энгельса», VI, 93). Находившиеся в опасности и бессильные мусульманские государства Испании обратились за помощью туда, откуда около четырех веков перед тем появились первые мусульмане, высадившиеся в Тарифе и Гибралтаре. Инициатива защиты мусульманской Испании от натиска христианских государств перешла к берберам Магриба, образовавшим в шестидесятых годах XI в. сильное государство.

Алморавиды (1056—1146)

Создание сильного Берберского государства шло по тому же пути, что и организация многих кочевых государств. Основой, на которой происходило сплочение племен, была грабительская война, направленная сначала на более слабые племена, а потом на богатых оседлых соседей. Мало оригинальна была и форма, которая облекала создание государства Алморавидов. Формой, под которой складывалось сильное племенное государство, была проповедь «священной войны» (джихад) с неверными. Марокканский «пророком» оказался некий Абдаллах ибн-Ташфин, близко связанный с руководящими мусульманскими церковными кругами Северной Африки. Призыв Абдаллаха ибн-Ташфина к вооруженной борьбе с христианами был принят рядом берберских племен, в том числе и тем племенем, во главе которого стоял действительный основатель берберского военного могущества — Юсуф ибн-Ташфин, незаурядный полководец и правитель.

Сложившееся под влиянием проповеди Абдаллаха ибн-Ташфина и военных успехов Юсуфа государство, получило название державы Алморавидов (испанская передача арабского слова *альмурабитун*, что значит «борцы с неверными на границах»). Ко времени захвата Толедо Альфонсом VI Алморавиды владели большей частью Магриба; их столицей стал город Марокко (Марракеш), в оазисе у подножия Атласа.

В 1086 г. Юсуф ибн-Ташфин по приглашению Севильи и союзных мусульманских государств высадился в Альхесирасе (неподалеку от Гибралтара) и направился к Бадахосу на Гвадиане. Сражение, происшедшее к северу от Бадахоса близ Зиллики, окончилось полным разгромом христианских войск; сам Альфонс VI едва спасся от плена. Единственной силой мусульманской Испании было теперь фанатическое воинство, составленное из арабов, берберов, негров и кочевников Сахары. Власть этих «борцов за веру» сразу же легла непосильным бременем не только на христианское население, но и на население мусульманских городов. Поддержанные мусульманским духовенством, Алморавиды, начав с борьбы против христиан, кончили захватом мусульманских государств. Кордова, Севилья, Мурсия были взяты штурмом, другие города капитулировали. Буйные погромы сменялись требованиями непосильной дани. Мусульманская Испания медлен-

но, но неуклонно теряла то большое экономическое и культурное значение, которым обладала еще долгое время после распада Кордовского халифата. Торговля и ремесло пришли в застой; вместо былой веротерпимости воцарились фанатизм и изуверство. Этот упадок еще усилился, когда на смену Алморавидам в середине XII в. пришли Алмохады.

Алмохады (1130—1269)

Как и возникновение государства Алморавидов, приход к власти Алмохадов был результатом оживленного религиозного движения, связанного с активной деятельностью мусульманского духовенства в Северной Африке и Испании. Появившийся в начале XII в. среди берберов, населявших Атласский хребет, Мухаммед ибн-Тумарт получил хорошее богословское образование в Кордове и ездил в Багдад. Новый «пророк» начал проповедь, требуя очищения ислама от всяких «излишеств», под которыми разумелись проявления культуры. Он считал недопустимыми для правоверного мусульманина музыку, пение, не говоря уже об употреблении вина. Основным положением, которое особенно выдвигал этот суровый аскет, поселившийся на недоступном плоскогорье Атласа, было признание «единобожия» в противовес распространенному в то время среди мусульман культу святых и сил природы. Признающие это положение назывались *ал-мувахидинами*, откуда испанское искажение Алмохады. Военным руководителем увлеченных этой проповедью берберов стал некий Абд ал-Мумин (1130—1163), отличавшийся смелостью и талантом полководца. В 1146 г., разбив войска Алморавидов, Абд ал-Мумин захватил столичный город Марокко и низложил династию Алморавидов. Одновременно он отправил войска в Испанию и в скором времени завоевал все испанские владения Алморавидов. В следующие годы им были захвачены области Северной Африки вплоть до границ Египта. Образование такого огромного государства сделало Марокко на некоторое время первенствующей державой всего мусульманского Средиземноморья. В знак своего могущества Абд ал-Мумин принял титул «халифа» и «повелителя правоверных». В 1195 г. христианское ополчение рыцарей, вторгнувшееся в Андалусию, потерпело от Алмохадов жесточайшее поражение. «Это было величайшее, — говорит К. Маркс, — поражение со времени появления мавров в Испании» («Архив Маркса и Энгельса», VI, 97).

Время владычества Алмохадов ознаменовалось усилением религиозной нетерпимости. Из блестящего центра средневековой культуры мусульманская Испания превращалась в прибежище фанатичного невежества. Перенесение столицы в Марокко повлекло за собою оскудение Испании не только в культурном, но и в ремесленном отношении. Возвышение торговых городов Италии и Марселя, так много приобретших от крестовых походов, не позволяет даже говорить о каком-либо значении арабо-испанской торговли в это время.

Героический период «обратного отвоевания» христианскими государствами в Испании мусульманских земель, как доказывают новые исторические работы, посвященные этому периоду, был в значительной мере совершён самим испанским народом — его крестьянством и ремесленным населением. Рыцарская знать христианских государств, занятая внутренними распрями, лишь в редких случаях была способна к длительному усилию, требующему времени и настойчивости. Крестьянин, жаждавший освободиться от феодальных тягот у себя на родине, ремесленник, стремившийся найти более широкий круг деятельности, чем феодальный замок, и тянувшийся поэтому к развитым городским центрам юга и юго-востока, — вот те фигуры, усилиями которых в значительной мере совершалась реконкиста XI—XIII вв. Памятником этого героического периода в истории испанского народа являются «Сказания о Сиде» — «вершина испанского эпоса» (А. А. Смирнов, «Испанский народный эпос и «поэма о Сиде», в сборнике «Культура Испании», изд. Академии наук СССР, 1940): Руй Диас, прозванный Сидом, что по-арабски значит «господин» (р. ок. 1043, ум. 1099 г.), принадлежал к высшей кастильской знати, но был неутомимым, смелым и жестоким «бойцом» за дело народа, и нет тех идеальных черт, которыми не наградили бы его народные благодарность и память.

«Величайшее поражение христиан» 1195 г. было последней крупной победой ислама в Испании. В 1212 г. (по арабским источникам в 1234 или 1235 г.) в битве при Лас Навас де Толоса могущество Алмохадов было сломлено; из 600 тысяч воинов-мусульман, по сообщению хроник, спаслась лишь одна тысяча жайких беглецов. В XIII в., вскоре за победой при Лас Навас де Толоса, христианскими государствами Испании были захвачены Кордова, Мурсия, Севилья, Кадикс. К XV в. в руках мусульман оставалась одна Гранада, которая и была завоевана в 1492 г.

Изгнание мавров из Кастилии (1502) и жесточайшая расправа с морисками (как называлось оставшееся в Испании и принявшее христианство арабское население) — акты, к которым, конечно, испанский народ не имел ни малейшего отношения. Испанский народ усвоил многое из того, что было положительного в великом «мавританском» прошлом и что живо и поныне в Испании.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

Малая Азия, Сирия и Палестина в конце XI в.

Малая Азия, Сирия и Палестина, куда главным образом было направлено завоевательное движение крестоносцев, являли уже к началу Крестовых походов пример величайшей дробности и в отношении государственном, и в отношении религии и быта населения.

Сельджукское завоевание Сирии произошло почти одновременно с захватом Малой Азии, в семидесятых годах XI в., когда султан Алп-Арслан поставил арабский эмират Алеппо в вассальные по отношению к нему отношения, а наместник Алп-Арслана захватил у Фатимидов Иерусалим и Дамаск. Вскоре после смерти Малик-шаха и гибели Низам ал-Мулька сирийские земли сделались наследственным владением брата Малик-шаха, Тутуша, сыновья которого Ридван (1095—1113) в Алеппо и Дукак (1095—1104) в Дамаске находились в непрерывной борьбе между собой. Кроме сельджукских эмиратств, в Сирии были и другие княжества; можно без преувеличения сказать, что почти каждый крупный сирийский город имел своего собственного сельджукского или арабского правителя. Из таких маленьких государств выделялись: Триполи, управлявшийся с 1089 г. шиитами из рода Амар, и Шейзар — на Оронте, где правил род арабов-мункызитов.

Малая Азия также находилась в управлении нескольких феодальных династий. На крайнем западе с 1077 г. образовался сельджукский султанат, столицей которого в скором времени, как указывалось, стал город Кония. Сивас, Кесария и Малатия были во владении династии Данишмендидов (1097—1165), ведшей свое происхождение от тюркского военачальника. Киликия находилась в руках армянской династии.

Не только различия захватнических интересов разделяли весь этот пестрый феодальный мирок, но и разность религиозных воззрений населения, которым управляли местные династии. Последователи правоверного мусульманства и исповедники христианства едва ли составляли по численности больше половины населения. Значительная часть населения исповедовала всевозможные сектантско-еретические учения; таковы были друзья в южном Ливане, «нусаирия» на северных склонах этого же хребта, исмаилиты-ассасины, христиане-марониты и т. д.

Развитая ремесленная жизнь, обширные торговые и ростовщические связи, простиравшиеся далеко на запад (Италия, Испания, Франция) и на восток (Индия, Китай), придавали всему побережью восточного Средиземноморья особое значение. Вряд ли будет преувеличением сказать, что различные гавани и прибрежные города Сирии и Палестины были не только средоточием весьма деятельного товарообмена между феодальной Европой и Азией, но и центрами грандиозных ростовщических операций, в которых равно принимали участие как рыцари Франции, так и раджи западной Индии.

Характер и значение Крестовых походов

Какими бы причинами ни вызывалось то огромное, всемирно-исторической важности явление, которое носит название Крестовых походов, несомненно, что в основе его лежали интересы эксплуатирующей верхушки европейского общества XI в., сумевшей направить недовольство широких слоев европейского крестьянства, ремесленников и т. д. в русло внешних завоеваний и гра-

бежей и организовать это грандиозное военно-колонизаторское движение. Массовость этого движения оказала существенное влияние на исход столкновения между востоком и западом, между христианством и мусульманством. Эта массовость, особенно характеризующая Первый Крестовый поход, и стала роковой для разрозненных феодальных владений Ближнего Востока, оказавшихся неспособными даже в самые критические моменты своего существования объединиться для отпора крестоносцам. В результате значительная часть побережья восточного Средиземноморья оказалась на исходе XI в. в руках «освободителей гроба Господня». Западноевропейская историография склонна, определяя значение Крестовых походов, отмечать первенствующую роль как в походе, так и в организации крестоносных государств рыцарского элемента. Но все же не следует забывать участия в этих походах и купеческо-ростовщических слоев европейских городов. «Рядом с большими армиями, которые двигались по по суше, — замечает исследователь левантийской торговли В. Хейд, — одновременно отправлялись в Сирию более или менее значительные флотилии, экипированные в итальянских портах; эти флотилии подвозили крестоносцам войска, состоявшие из горожан, действовавших за собственный страх и риск под командой своих собственных предводителей. Эти флотилии везли вспомогательные средства, весьма нужные, если не совершенно необходимые. Сами по себе сухопутные войска были бы неспособны взять укрепленные гавани, находившиеся в распоряжении сирийских сарацин. Вся храбрость, все знание рыцарями военного искусства не могли бы ничего поделать; нужен был флот, чтобы блокировать эти гавани; боевые моряки должны были протянуть руку помощи сражающимся на суше. Вот в какой форме буржуазия приняла значительное участие в военных действиях, вот чем она заслужила право пожинать плоды рук своих соразмерно оказанным услугам. В особенности три города — три республики: Венеция, Генуя и Пиза были представлены в течение всего крестового похода буржуазными элементами».

Как известно, результатом I Крестового похода было образование в прибрежных областях восточного Средиземноморья четырех крупных крестоносных государств: Иерусалимского королевства и находившихся с ним в вассальных отношениях графства Триполи, Эдессы и княжества Антиохии. Крестоносные государства образовались из владений, принадлежавших ранее мусульманским эмирам. Мусульманский мир потерял не только территорию, но и, что самое важное, главные опорные пункты своей торговли с западом. Великие торговые магистрали, ведущие с Дальнего Востока через Центральную Азию и из Индии, теперь лишились выхода к Средиземному морю. Это было самым существенным для Востока следствием захвата крестоносцами Сирии и Палестины. Результаты этого европейского удара по мусульманской торговле, ремеслу, мореходству обнаружились не сразу, но когда они обнаружились, то оказалось, что подлинными хозяевами морских торговых связей с Европой стали не купцы — ара-

бы, евреи или персы, а горожане из Венеции, Генуи или Марселя. Преемниками этих потерянных мусульманами торговых связей стали не только европейские купцы, но и сами рыцари — «освободители гроба Господня». Духовно-рыцарские ордена, образовавшиеся на территории Сирии и Палестины в XII в., превратились в могущественные церковно-военные и ростовщическо-землевладельческие организации, что в свою очередь вызвало такое специфическое явление, как обратное экономическое влияние европейских колоний на Востоке на свои же европейские метрополии. Из укрепленных орденских замков совершались не только отважные набеги на мусульманские владения, но также и значительные ростовщические сделки с Европой.

Мусульманское наступление на государства крестоносцев. Салах ад-Дин (Саладин)

История существования христианских государств в Сирии и Палестине, история развития духовно-рыцарских орденов — тамплиеров, госпитальеров-иоаннитов и тевтонского ордена — есть вместе с тем история тягчайшего закабаления и эксплуатации трудового населения этих государств. Но сколь бы резко и глубоко ни было недовольство сирийско-палестинского крестьянства и ремесленников, не оно, конечно, могло сломить неприступные твердыни рыцарских замков, выросших на голых горных склонах Средиземноморского побережья, не оно могло разрушить ту военно-феодальную систему, которую образовали на востоке христианская церковь и рыцари. Реальными силами для подобного действия могли обладать только крупные мусульманские государства.

Имад ад-Дин Зенги, сын гвардейца-раба Малик-шаха, был первым из мусульманских государей, которому удалось нанести весьма значительный ущерб крестоносцам. Назначенный наместником Ирака в 1127 г. Имад ад-Дин Зенги вскоре оказался независимым владельцем ряда областей (Алеппо, Мосул), близких или соседивших с землями крестоносцев. Захват города-крепости ар-Руха (1144), находившегося на пути из Месопотамии к побережью Средиземного моря, передал в руки Имад ад-Дина господствующую в стратегическом отношении область. Это первое наступление мусульман на крестоносные владения привело ко Второму крестовому походу (1147—1149), возглавленному германским императором Конрадом III и французским королем Людовиком VII. После смерти Имад ад-Дина (1146) его сын Нур ад-Дин, избравший своей резиденцией Алеппо, продолжал дело отца, как в смысле расширения своих владений, так и борьбы с крестоносцами. В 1154 г. он захватил Дамаск, затем присоединил к своим владениям всю область ар-Руха, пленив крестоносного владельца этой области. Успешны были его действия и против антиохийских владений крестоносцев. В плен к Нур ад-Дину попали Боэмунд Антиохийский и Раймунд III Триполийский.

Еще более роковым для судеб крестоносных государств на

востоке было военное движение, начавшееся во второй половине XII в. в Египте.

Несмотря на неурядицы, связанные с самоуправством рабской гвардии, Египет в отличие от других мусульманских владений Ближнего Востока представлял собой еще при последних Фатимидах весьма сильное государство, владевшее почти монопольно основным средством производства — ирригацией. Крестоносцы много раз пытались вторгнуться в Египет, но попытки эти были неудачны. Взятие в 1153 г. сопротивлявшегося более чем полвека Аскалона открыло наконец крестоносцам путь в Нильскую долину. В этот критический для Египта момент в Каире произошёл переворот, положивший конец фатимидскому халифату.

Салах ад-Дин Юсуф (Саладин) был родом из города Такрита на Тигре. Его отец Эйюб, курд по происхождению, состоял на военной службе у Зенгидов. В 1164 г. Салах ад-Дин прибыл в Египет в свите своего дяди Ширкуха, который в 1169 г. был назначен везиром. После смерти Ширкуха Салах ад-Дин унаследовал эту должность в египетском государственном управлении. Став везиром, Салах ад-Дин в 1171 г. совершил дворцовый переворот, использовав давнишнюю антипатию египетского населения к шиизму; по приказу захватившего верховную власть везира, во всех мечетях было отменено упоминание во время пятничной молитвы имени халифа Фатимида; в качестве духовного главы мусульманского мира предписано было упоминать имя аббасидского халифа. Конец двухвекового существования фатимидского халифата был бесславлен. Последний халиф Фатимид, чуть ли не со дня появления курдов в Каире заключенный во дворец, умер несколько дней спустя после переворота, так и не узнав о своем низложении. Один из хронистов, описывая конец Фатимидской династии, характеризует следующими словами впечатление, произведенное этим событием: в защиту низложенной династии, по его словам, «...даже две козы не сшиблись рогами».

В результате переворота Салах ад-Дин оказался суверенным государем. Опираясь на богатые экономические ресурсы Нильской долины, Салах ад-Дин объявил себя вождем мусульманского мира в борьбе с захватчиками-крестоносцами. Он сумел создать большое дисциплинированное войско, состоявшее как из гвардии рабов, так и из многочисленных добровольцев — «борцов за веру». Ряд побед над крестоносцами прославил его имя.

Особенно ощутительна для судеб христианских государств была победа Салах ад-Дина при Хиттине в октябре 1187 г. После этого сражения, в котором погиб цвет крестоносного воинства, Иерусалим снова перешёл во власть мусульман вместе со всей почти территорией крестоносного государства.

Захват Салах ад-Дином Иерусалима послужил поводом для III Крестового похода (1189—1192). Император и король Германии Фридрих I Барбаросса, король Англии Ричард Львиное Сердце и король Франции Филипп Август приняли крест. Но III

Крестовый поход окончился безрезультатно: Иерусалим остался во власти мусульман. Лишь смерть Салах ад-Дина (1193) и последовавшее за нею дробление государства Эйюбидов (так называют потомков Салах ад-Дина, сына Эйюба) дало возможность некоторым незначительным крестоносным владениям просуществовать вплоть до монгольского нашествия.

Европа и мусульманская Передняя Азия в XII—XIII вв.

Мусульмане, таким образом, в конечном итоге оказались победителями. Крестоносцы лишились своих сиро-палестинских владений. Но эта победа была только территориальной. В XII—XIII вв. ясно обнаруживаются очень существенные перемены, происшедшие в отношениях между Европой и мусульманской Передней Азией. Нельзя сказать, чтобы все эти перемены зависели целиком от успехов крестовых походов. Они явились результатом длительных внутренних процессов как в европейском, так и в мусульманском обществе. Но крестовые походы подытожили эти длительные изменения, сделали их очевидными — в этом заключается их историческое значение.

Средиземное море перестало в какой-либо мере принадлежать мусульманскому торговому и военному флоту. Еще в половине XI в. генуэзцы захватили Корсику и Сардинию. В 1071 г. норманны овладели Сицилией; после чего норманнский флот стал грозой всего Средиземноморья. Крестовые походы окончательно передали морское первенство в руки европейцев. Между Италией и Южной Францией, с одной стороны, и крестоносными государствами, с другой, — были теперь налажены регулярные морские сообщения. Каждую весну и летом из гаваней Венеции, Генуи, Пизы и Марселя отправлялись на восток караваны судов, перевозившие паломников и товары. Прежнее монопольное положение мусульманского флота, которое существовало при Аглабидах и Фатимидах, было утрачено.

Вместе с тем, в Европе обнаружились значительные успехи во всех областях ремесленного производства и торговли. Рост товарно-денежных отношений уничтожал прежнюю замкнутость производства. Европейские ремесленники, купец и даже феодал-рыцарь обнаружили полную готовность к усвоению всего нового, что могло притти из чужих стран. XI—XIII вв., столь богатые враждебными столкновениями мусульманского мира с христианским, оказались тем не менее чрезвычайно плодотворными для Европы в смысле усвоения всего того положительного, что она нашла на мусульманском востоке. Поездки в Святую землю обогащали европейца не только новыми впечатлениями, не только давали ему возможность видеть жизнь богатых торгово-ремесленных городов, но и способствовали заносу в Европу новых видов ремесла. Ни реконкиста, ни крестовые походы не мешали христианам-феодалам черпать полной пригоршней из обильного источника арабской культуры. Как показывают новейшие исследования, поэзия провансальских трубадуров возникла

в значительной степени под арабским влиянием. Исторические труды кастильского короля Альфонса X, прозванного «учёным» (1252—1284), как и обширная переводческая деятельность в Испании и Сицилии, доказывают внимание, которое уделяли лучшие европейские умы средневековой Европы арабской науке и культуре в период реконкисты и крестовых походов.

Несколько иное положение мы находим в этот же период на мусульманском востоке. Нельзя сказать, чтобы бившая ключом торгово-ремесленная жизнь в восточных странах иссякла и замерла. Большие города в Испании и Передней Азии продолжали и торговать, и производить. Попрежнему, как и в предшествующие столетия, мусульманская культура давала замечательные образцы умственного творчества. Достаточно назвать Ибн-Рушда или, как именовали его европейцы, Аверроэса, знаменитого кордовского философа (1126—1196), комментатора Аристотеля, одного из мыслителей, высоко ценимых Данте и Петраркой. По-прежнему мусульманский восток являлся главным поставщиком для Европы произведений ткацкого, оружейного, парфюмерного и многих других видов производства. Но во всей этой обширной экономической и культурной жизни уже явственно проглядывали и черты упадка, застоя. Успехи крестоносцев подытожили то, что и до появления рыцарей-христиан намечалось внутри мусульманского общества.

Дробление всего мусульманского востока на множество уделов на первых порах, как указывалось, даже способствовало развитию городской жизни. Но вскоре обнаружились и отрицательные стороны военно-ленной системы. Они заключались в том, что городское торгово-ремесленное население так и не смогло, несмотря на успехи городской жизни, выйти из-под всеобъемлющей опеки ленщика-феодала. Не торгово-ремесленный город, а земельное владение, удел, икта оказались решающими силами в решающий период жизни мусульманского востока. Раздробленное, а потому бессильное, мусульманское землевладение было неспособно оградить ни себя, ни опекаемый город от реконкисты, от нашествия варваров, от крестовых походов. В результате поражений, которые претерпело в XI—XIII вв. мусульманское феодальное владение от европейского натиска, центр всей экономической жизни Средиземноморья уже к концу этого периода переместился с востока на запад. Все хозяйство на востоке имело тенденцию приобрести более натуральный характер.

В XII—XIII вв. наблюдается появление на востоке поместья, замкнутое хозяйство и быт которого весьма напоминают европейское поместье раннего средневековья. Мало исследованные в этом отношении замечательные мемуары сирийского владельца древней Цезареи на Оронте, Усамы ибн-Мункыза, современника Салах ад-Дина, дают богатейший материал для характеристики хозяйственной жизни такого поместья.

Дворец или крепость маленького властелина маленькой округи становится центром всех политических и экономических интересов. Горизонт сужается, жизнь приобретает провинциальный

характер даже в самых блестящих центрах мусульманского востока.

Потеря мусульманским востоком первенства в ремесле и торговле вызвала рост оппозиционных и пессимистических настроений. XII—XIII вв. характеризуются появлением на мусульманском востоке многочисленных ремесленных «братств», исповедовавших всякие сектантско-еретические учения. Усилилась тяга к пустынножитию и аскетизму. Мусульманская литература этого периода на арабском и персидском языках пронизана пессимизмом и мистицизмом.

В этих условиях раздробленному, потерявшему экономическое превосходство мусульманскому миру Передней Азии предстояло выдержать еще более грозное, чем крестовые походы, испытание.

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Монголы накануне западного похода. Чингиз-хан

В 1220 г., т. е. накануне нападения многочисленной монгольской орды на Среднюю Азию и Иран, государство, образованное Чингиз-ханом, достигло огромного могущества и силы. За четырнадцать лет до этого на курултае (съезде) монгольской знати на реке Онон в Монголии пятидесятилетний нойон (князь), прославившийся боевыми подвигами Темучин был провозглашен повелителем всего монгольского народа и принял титул Чингиз-каган. На этом же курултае были окончательно утверждены основы монгольской военной организации. Монголы и подчинившиеся им народы были разбиты на десятки, сотни и тысячи; каждое деление охватывало лиц одного племени или рода. Во главе десятков, сотен и тысяч были поставлены наследственные начальники. За четырнадцать лет, истекшие со времени этого курултая, монгольское войско, сильное своей родовой дисциплиной и необычайным военным дарованием своего вождя, покорило ряд народов, соседивших или находившихся поблизости от Монголии. В числе областей, завоеванных Чингиз-ханом, была и северо-восточная часть Китая. Завоевание культурных областей передало теперь в распоряжение монголов большие материальные ресурсы и передовую военную технику. Китайские катапультчики, оружейники, строители стенобитных сооружений вошли в состав монгольского войска. Такое-то войско осенью 1219 г. двинулось из Монголии на запад, к пределам мусульманских владений в Средней Азии.

Иран, Кавказ, Средняя Азия накануне монгольского завоевания

Последним из Сельджуков, пытавшимся укрепить государственную власть, был султан Санджар (1118—1157). Но борьба его с исмаилитами-ассасинами и другими крупными и мелкими владельцами уделов была прервана необходимостью выступить на защиту восточных границ, которые подвергались угрозе со

стороны кочевников, известных под названием хатаи, кидане, или кара-китаи. Эти кочевники в начале X в. образовали в северном Китае государство с династией, которая получила название Ляо. В 1125 г. государство Ляо было завоевано выходцами из Манчжурии — чжурчженями. Часть китаев вместе с остатками династии двинулась на запад и образовала там государство, получившее у китайцев название «западное Ляо», а в мусульманской литературе «государство гурханов». От слова «кидане», или китаи, и происходит название «Китай», которое употребляется в русском и монгольском языках. В мусульманской литературе собственно Китай носит название «Син», или «Чин».

В 1141 г. Санджар был разбит китаями к северу от Самарканды, после чего Средняя Азия ушла из-под сельджукского владычества. Государство китаев привлекло к себе многих кочевников Центральной Азии и явилось предшественником образования Монгольской империи. В отличие от соседивших с этим государством мусульманских владений в государстве китаев мы не наблюдаем никаких признаков военно-ленной системы. Государство гурханов довольствовалось тем, что взимало дань с завоеванных племен и областей, оставляя им самоуправление.

Неудачная попытка султана Санджара ограничить власть ленщиков привела к еще большему дроблению всей территории Сельджукского государства. Наряду с мусульманскими княжествами начали образовываться и христианские государства. Грузия вернула себе самостоятельность. Царь Давид Строитель (1089—1125) отвоевал древнюю столицу Тбилиси и захватил часть южнокавказских областей, в том числе и крупное армянское княжество с городом Ани. Освобождение христианского Кавказа продолжалось и при его преемниках, в том числе при знаменитой царице Тамаре (1184—1213). Однако, несмотря на усилия грузинских царей, направленные к созданию сильного христианского государства, в Грузии также находила себе место значительная дробность владений. Внутри Грузинского царства существовал, как и в мусульманских государствах, ряд княжеств, полувисимых или совсем независимых от центральной власти.

Из среды мусульманских мелких государств к концу XII в. выдвинулся Хорезм. Окруженный труднопроходимыми пустынями, Хорезм занимал очень выгодное стратегическое положение. Соседство с крупными кочевыми племенами — на западе с кипчаками, а на востоке с туркменами — давало возможность хорезмской знати пользоваться военными ресурсами кочевого населения. Хорезм-шахи — таков был титул правителей Хорезма — к началу XIII в. поставили в вассальную зависимость от себя ряд областей северного и восточного Ирана. В 1210 г. хорезм-шах Мухаммед (1200—1220) на берегу реки Талас, в современном Киргизстане, нанес поражение войскам китаев и оттеснил их в пределы Баласагуна, Иссык-Куля и Кашгара. Хорезмское государство присоединило таким образом к своим владениям почти всю Среднюю Азию.

Этому хорезм-шаху Мухаммеду и пришлось выдержать пер-

вый удар 250-тысячного монгольского войска, двигавшегося на Среднюю Азию в сопровождении многочисленных стад, отар, табунов и обоза.

Западный поход Чингиз-хана

К началу 1220 г. монгольские войска находились уже в пределах Средней Азии. Первой подверглась осаде крепостца Отрар (около нынешней железнодорожной станции Тимур недалеко от Ташкента), оказавшая упорное сопротивление. Оставив часть войска осаждать Отрар, Чингиз-хан послал значительные отряды вверх и вниз по течению Сыр-Дарьи, а сам с главными силами двинулся на Бухару. После двенадцатидневной осады город был взят и разграблен, население частью перебито, частью обращено в рабов и отправлено в Монголию. Самарканд и сдавшийся к тому времени Отрар подверглись той же участи. Осенью был захвачен Термез, а зимою монголы были в Хорезме.

Попытка хорезм-шаха Мухаммеда оказать сопротивление окончилась полным разгромом хорезмийского войска, составленного из разных вассальных отрядов, каждый из которых действовал за собственный страх и риск. Некоторые из этих отрядов были перебиты, другие потоплены монголами в Аму-Дарье. Сам Мухаммед и его старший сын Джелаль ад-Дин бежали в сопровождении небольшой свиты. Мухаммед бежал в североиранские прикаспийские провинции, а Джелаль ад-Дин — в пределы восточного Афганистана, в Газну. В погоню за беглецами были направлены монгольские авангардные части.

Во главе войска, преследовавших хорезм-шаха, находились два монгольских полководца — Субедэ и Джебэ. Не найдя хорезм-шаха, который, спасаясь от монголов, переправился на один из островов Каспия, где и умер, Субедэ и Джебэ прошли через северный Иран на Кавказ и вторглись в южнорусские степи, где и встретились на Калке с полками русских князей.

Другая часть монгольских войска была отправлена в погоню за Джелаль ад-Дином. Вслед за авангардом двинулся и сам Чингиз-хан. Встреча между беглецом и погоней произошла на берегу реки Инда. Небольшое войско Джелаль ад-Дина потерпело поражение. В руках монгол остался весь обоз, а сам Джелаль ад-Дин чудом спасся, прыгнув на коне с утеса в реку.

В этом походе Чингиз-хана на юг были покорены Мерв, Нишапур, Герат и другие области восточного Ирана и Средней Азии.

Зимою Чингиз-хан был в Самарканде, а в марте 1223 г. на Сыр-Дарье, откуда и возвратился обратно в Монголию.

В покоренных мусульманских областях остались отряды завоевателей вместе с семьями и многочисленным скотом. Недавно еще богатые цветущие оазисы были превращены в пастбища.

Джелаль ад-Дин

Весть о чудовищном истреблении монгольскими завоевателями городского и крестьянского населения, о разрушении горо-

дов, о превращении сельскохозяйственных округ в пустыню, где один лишь скот мог найти пропитание, привели в ужас весь мусульманский восток. Казалось бы, монголы должны были сплотить все разрозненные, беспрерывно враждовавшие между собой маленькие феодальные княжества Ближнего Востока. После разгрома Хорезма в мусульманском мире оставались две силы, которые могли быть центром этого сплочения: во-первых, халифат, во-вторых, орден исмаилитов, превратившийся к XIII в. в крупнейшего землевладельца. Но из этих сил и та и другая не оказалась способной к какому-либо действию, выходящему за пределы мелких эгоистических интересов.

Аббасидский халифат, используя, как и другие феодальные княжества, распадение Сельджукского государства, пытался округлить свои владения. Особенно успешно действовал в этом направлении халиф Насир (1180—1225), при котором почти вся Месопотамия вновь вошла в состав владений халифа. Исмаилиты, подвергавшиеся более, чем кто-либо, угрозе со стороны монголов, были первыми из мусульманских властителей, которые добровольно предложили свои услуги завоевателям.

Объединение сил и руководство борьбой против монголов взял на себя Джелаль ад-Дин.

Вскоре после ухода Чингиз-хана на север, Джелаль ад-Дин вернулся из Индии в Иран, а оттуда пришёл на Кавказ. Небольшая дружина, составленная из преданных Хорезмской династии воинов, сопровождала прославленного витязя. Эта дружина так до конца и осталась единственным ресурсом, которым мог располагать Джелаль ад-Дин. Ни в Иране, ни в Хорезме, куда были направлены посланцы, призыв к сопротивлению монголам не нашел ответа. Причиной такой инертности пред лицом общей опасности было не только отсутствие сознания единства, но и поведение последнего хорезм-шаха и его хорезмских воинов.

Кажется, ни один воин того времени не был более подходящим для роли главы сопротивления монголам. Безукоризненный стрелок из лука, прекрасный наездник и воин, не знавший страха и усталости, Джелаль ад-Дин поистине мог быть назван идеалом тюркского рыцаря. И вместе с тем трудно представить себе более неудачного противника монголов, чем Джелаль ад-Дин.

Выросший в обстановке ленного землевладения Джелаль ад-Дин не видел другого пути к усилению своей военной мощи, как военно-ленную систему. После утверждения своего в той или иной области, он незамедлительно раздавал своим дружинникам подвластные города и деревни в ленное владение. Те, в условиях монгольского нашествия чувствуя себя временными владельцами этих наделов, стремились как можно быстрее и полнее ограбить подвластное им население. В результате всяческих насилий и грабежей в областях, занятых хорезмцами, поднимались восстания. Крестьянское население, несмотря на ужасы монгольского завоевания, не пошло за Джелаль ад-Дином.

Джелаль ад-Дин не встретил поддержки и со стороны господствующего класса. Продолжая политику своего отца, притя-

завшего на обладание западными областями Ирана и Месопотамии, Джелаль ад-Дин вступил в войну с багдадским халифом. Пребывание его на Кавказе ознаменовалось ограблением грузинских городов и селений. Тбилиси, взятый штурмом, подвергся беспощадному разгрому. В результате грузины, армяне, лезгины, авары объединились, чтобы изгнать Джелаль ад-Дина.

Между тем в 1229 г. в пределы бывших владений хорезм-шаха вступило 30-тысячное монгольское войско под начальством нойона Чормагуна. Пройдя Хорасан, монголы направились на Рей. Находившийся в то время в Азербайджане Джелаль ад-Дин принялся собирать войска, но вел себя настолько опрометчиво, что был окружён и в конце концов едва не попал в плен. Прорвавшись сквозь неприятельские отряды, он совершил замечательный по смелости прыжок на коне с утеса в Аракс и бежал из Азербайджана. Монголы с неумолимой последовательностью шли по его пятам. Около Амида последние остатки хорезмского войска были разбиты. Джелаль ад-Дин укрылся в одном из курдских становищ, где и был убит (1231).

Так окончил свою жизнь человек, которому судьба назначила быть противником Чингиз-хана.

Монгольские владения в Передней Азии

В 1233 г. великий хан Угедей разделил все владения, которые были у монголов в Передней Азии, на два наместничества: западноиранское, в состав которого вошла и значительная часть Кавказа, и восточноиранское. Владения монголов в то время не представляли единого земельного массива, а чередовались с рядом других феодальных владений. В Кирмане и Афганистане, например, две династии эмиров встали в вассальные отношения к монголам и получили право самостоятельного существования. По северному побережью Каспийского моря земли, завоеванные монголами, чередовались с землями исмаилитов. На юго-западе находились уже совершенно независимые от монголов государства.

Поход Хулагу-хана

В 1251 г. на курултае, где великим ханом был избран Менке, решено было завоевать все оставшиеся незахваченными земли как на Дальнем, так и на Ближнем Востоке. Для завоевания решено было организовать два похода — один в Китай, другой — в Иран. Командование войсками, которым надлежало действовать на западе, было поручено Хулагу-хану. Для Хулагу-хана был намечен определённый план действий. Он состоял в следующем: покорение исмаилитов и разрушение всех их крепостей. Хулагу-хан должен был также заставить халифа в Багдаде признать власть великого хана. По выполнении этих задач, монгольскому войску было велено вернуться в Центральную Азию.

В 1252 г. начались сборы в поход. Из Китая было вывезено до тысячи мастеров, умевших обращаться с огнемётательными

снарядами. Территория, где предполагалось движение войска Хулагу-хана, была очищена от кочевавших орд. Для перехода громадной армии через реки и ущелья строились мосты; всюду шла заготовка фуража.

Весною 1253 г. Хулагу-хан покинул ханскую ставку в Монголии. Но он двигался медленно и только три года спустя перешел Аму-Дарью.

Первые удары хулагидских войск обрушились на исмаилитов. Главная твердыня исмаилитов была осаждена. Исмаилиты пытались пустить в ход свой обычный метод: в ставку Хулагу-хана были подсланы фидан-убийцы. Монголы быстро их признали и перебили. Следующим этапом были переговоры. «Горный старец» соглашался сдаться, но на условиях оставления за ним исмаилитских владений. На дальнейшую оттяжку капитуляции монголы ответили штурмом. Первые крепости были разрушены; дошла очередь и до Аламута. Вышедший после недолгой осады из своего убежища «Горный старец» был казнен вместе со всеми даи. Исмаилитские крепости были разрушены до основания.

Год спустя Хулагу двинулся на Багдад. Небольшое халифское войско, пытавшееся на пути задержать монголов, было разбито. 22 января 1258 г. монголы оказались под стенами столицы халифата. В течение недели они готовились к штурму. С горных хребтов доставлялись камни для катапульта, лес для сооружения стенобитных башен. 30 января начался штурм. В восточных воротах города была пробита брешь, но башня, возвышавшаяся над воротами, служила прекрасным местом сопротивления для остатков гвардии халифа. Монголы должны были потратить около суток для того, чтобы выбить последние аббасидские войска из этой башни. 1 февраля монголам удалось проникнуть в город. Центр средневековой мусульманской культуры, «город мира» был разграблен. Население было вырезано без различия пола и возраста, библиотеки, произведения искусства и культуры уничтожены. Двадцать дней продолжался этот страшный погром. 21 февраля Хулагу-хан оставил побережье Тигра.

Последний халиф, захваченный в плен, так же как и все найденные в Багдаде Аббасиды, был казнен.

Египет и монголы

Захватив Багдад, Хулагу-хан пошел дальше на запад. Значительная часть Сирии подчинилась монголам. Алеппо был взят и разграблен. Но затем движение хулагидских войск неожиданно приостановилось из-за получения известия о смерти великого хана Менке. Хулагу-хан поспешил возвратиться в Азербайджан.

Временная остановка монгольского наступления была использована Египтом для организации сопротивления.

В Египте с 1252 г. во главе правления стояли мамлюки, раб-гвардейцы, составлявшие ранее войско Салах ад-Дина и его наследников. Управлявший в то время страной мамлюк Кутуз решил использовать уход Хулагу-хана и самому напасть на остав-

шиеся монгольские войска в Сирии. Для успеха похода Кутуз конфисковал у частных лиц все драгоценности, какие только мог найти, и на полученные средства увеличил египетское войско. Вместе с египтянами сражались также и крестоносные рыцари, в небольшом числе еще оставшиеся в Палестине.

Сражение между монголами и египтянами окончилось полной победой эмира Кутуза. В бою погиб начальник монгольского войска. Это было первым серьезным поражением монголов на Ближнем Востоке. Монголы были не только разбиты, но и вынуждены покинуть Сирию.

В 1260 г. в Каире был торжественно восстановлен аббасидский халифат. Оказалось, что один из Аббасидов, дядя последнего халифа, уцелел от монгольской резни: он и был провозглашен халифом.

Государство иль-ханов

Вернувшись из сирийского похода в Азербайджан, Хулагу-хан решил остаться в Иране и основать собственное государство. Связь между этим государством и Каракорумом, резиденцией великого хана в Монголии, определялась лишь признанием старшинства великого хана и посылкой даров. В 1363 г. великий хан Хубилай дал Хулагу титул иль-хана, что значит «повелитель народа». Династия хулагидов, ставшая после этого совершенно самостоятельной, нередко называется династией иль-ханов.

Столицами вновь основанного государства были избраны: в качестве летней стоянки — сравнительно небольшой и в то время городок Тавриз, а в качестве зимней стоянки — Багдад. Отныне властитель Передней Азии не жил в определенном месте, а перекочевывал с севера на юг или с юга на север, сообразно временам года. Вся территория, захваченная монголами, была поделена между членами семьи самого иль-хана и вождями важнейших племен. Земли, отданные в управление, не считались собственностью правителей. В теории все завоеванные земли были собственностью народа-завоевателя, его улусом. Практически же довольно быстро отдельные правители почувствовали себя совершенно самостоятельными. Несмотря на постоянную смену правителей, в государстве иль-ханов скоро начались внутренние усобицы, попытки отдельных нойонов освободиться от контроля центрального правительства.

Монгольское завоевание было подлинной катастрофой для Средней Азии, Ирана и других областей мусульманского востока. Каковы были результаты первого периода монгольского господства, показывают следующие факты. Цветущий Герат был до такой степени разорен, что когда в 1236 г. монгольские правители решили его восстановить, то поселенные там земледельцы должны были из-за отсутствия тягловой силы сами впрягаться в плуги. Город Тус имел в то время всего лишь 50 населенных домов.

Установление в Иране, на Кавказе и в Месопотамии независимого государства иль-ханов мало изменило общее безотрадное

положение населения. Подорванная нашествием скотоводов-кочевников, сельскохозяйственная жизнь не получила и при первых иль-ханах стимула к возрождению. Положение оседлого земледельческого населения продолжало оставаться крайне тяжелым. Везир Рашид ад-Дин в своей летописи, составленной, как было указано, в начале XIV в., приводит рассказ, который как нельзя лучше иллюстрирует бесправное и отчаянное положение крестьянства. Одно лицо получило «берат» (приказ на право взимания доходов с деревни). Прибыв в сопровождении вооруженного отряда, это лицо нашло деревню пустой. Лишь на одной площади были люди. Приблизившись, обладатель берата увидел такую картину: на табурете сидел человек, получивший такой же берат на ту же деревню, который получил и упомянувшееся выше лицо. Вокруг него стояли вооруженные монголы, а перед ним висели головой вниз три крестьянина, которых нещадно били палками, чтобы вырвать у них признание, куда девалось население деревни, с которого надлежало взимать налог.

Наряду с беспощадным взиманием доходов с деревни чиновниками фиска или обладателями бератов бичом крестьянства были так называемые «ильчи». Под этим термином разумелись представители знати или чиновники, которые направлялись в те или другие области с поручением от центральной власти. Ильчи, снабженный особой дощечкой, так называемой «пайдзе», имел право на взимание с населения местностей, где проезжал, средств на прокорм как себя, так и своей свиты. Надо ли говорить, что поездка такого ильчи походила на прямой разбой. Едва крестьянство получало известие о приближении ильчи, как целой деревней разбегалось. Иногда случалось так, что крестьянское население выставляло сторожей, которые должны были наблюдать за дорогой и успеть во-время сообщить в деревню о приближении ильчи.

В результате таких поборов и вымогательства крестьяне уходили из деревень, покидая дома и пашни. В городах образовались многочисленные разбойничьи шайки. Эти шайки прерывали почти всякое сообщение по дорогам. Никто не рисковал путешествовать без сопровождения вооруженного отряда.

Торгово-ремесленная жизнь, столь развитая в домонгольское время, теперь совершенно заглохла. Мало осталось людей, которым можно было продать что-либо; а обычно и продавать-то было нечего. Тысячи ремесленников, раньше работавшие на местный рынок, были насильно собраны в ставках монгольских правителей; внутренняя торговля в стране замерла.

В несколько ином положении оказалась внешняя торговля. Монгольская знать поощряла внешнюю торговлю из-за товаров, которые могли увеличить роскошь отдельных монгольских резиденций. Город Тавриз при монголах значительно вырос. На базарах Тавриза и в его обширных караван-сараях можно было встретить купцов разных наций — итальянцев, китайцев, индусов, русских.

В связи с возросшими потребностями монгольской знати и

невозможностью получить большой доход с разоренной деревни монгольская знать начала прибегать к помощи ростовщиков. Многие ханы, владельцы уделов, были связаны с крупными ростовщиками.

Внешняя политика Хулагидов и религиозный вопрос

Монголы в период завоевания Передней Азии продолжали еще исповедовать шаманизм. Шаманизм оставался религией и первых двух иль-ханов. Когда Хулагу-хан умер (1265), на его похоронах совершили шаманские обряды, а потом по старинному монгольскому обычаю зарыли в могилу рабынь, лошадей и съестные припасы для счастливой жизни «на том свете». При восшествии на престол наследника Хулагу-хана, Абаки, монгольские князья совершили жертвоприношения, какие они привыкли совершать в Монголии.

Борьба с Египтом была причиной стремления первых иль-ханов войти в близкие отношения с христианскими государствами. В Византию, Францию, к римскому папе отправлялись посольства с предложением заключить союз на предмет «освобождения гроба Господня» — курьезный эпилог крестоносного движения. Бесплодность переговоров с христианскими государями, а также целый ряд других внутренних и внешних обстоятельств, вынудили уже третьего иль-хана признать мусульманство господствующей религией своего государства.

Из ханов двух улусов, соседивших с государством иль-ханов, Джучи (Поволжье, Кипчак и Хорезм) и Чагатай (Средняя Азия), хан первого улуса Берке, брат Бату, принял мусульманство и находился в близких отношениях с Египтом. Когда Хулагу-хан взял Багдад и убил халифа, Берке, стремившийся распространить свои владения дальше на юг, решил воспользоваться возмущением всего мусульманского мира и под предлогом защиты ислама в 1261 г. отправил, под начальством хана Ногая, тридцатитысячное войско на Кавказ. Ногай дошел до Дербенда, но не смог нанести поражения хулагидским войскам.

Войны с улусом Джучи, продолжавшиеся и после этого, были тем опаснее, что они сопровождались борьбой с Египтом, причём эта борьба носила не только военный характер, но и была сопряжена с прямым влиянием Египта на внутренние дела Хулагидского государства. Подавляющее большинство подданных иль-хана были и остались мусульманами. Мусульманская церковь и при монголах продолжала быть мощной организацией. Восстановление аббасидского халифата в Каире превратило Каир в религиозный центр для всех мусульман, в том числе и для тех, кто находился под властью «неверных» иль-ханов. Хулагиды должны были вести непрерывную борьбу внутри страны с многочисленными «шпионами», как называли тогда сторонников египетской ориентации.

В 1282 г. при хане, принявшем мусульманское имя Ахмед, ислам был признан государственной религией. С Египтом был за-

ключён мир на следующих условиях: иль-ханы обязывались признавать ислам единственной государственной религией, поддерживать материально все культовые учреждения, амнистировать «шпионов» и разрешить свободное караванное сообщение с Египтом.

Мусульманская церковь была теперь поставлена в привилегированное положение и наделена земельными угодьями. В городах началось строительство мечетей.

Реформы Кейхату и Газана

Правление ханов Кейхату (1291—1295) и Газана (1296—1304) было временем, когда монгольская знать осознала необходимость упорядочить взимание налогов и управление государством.

Для пополнения пустой казны при хане Кейхату была сделана попытка выпустить по китайскому образцу бумажные деньги (чао). Эта попытка, несмотря на учреждение в стране финансовых контор, напоминающих по кругу их деятельности кредитно-банковые европейские конторы, не имела успеха.

Правление хана Газана ознаменовалось более существенными реформами, имевшими целью уничтожить вопиющие недостатки в государственной и хозяйственной жизни.

Прежде всего было запрещено употребление пайдзы, или права ильчи обирать население по пути следования. Вместо случайных поездок чиновников хана была организована государственная почта. По дорогам были устроены «ямы» (почтовые станции), где можно было получить сменных лошадей, — при монголах всюду начало входить на восток употребление колесного транспорта. В «ямах» были размещены отряды войска, задачей которых было следить за безопасностью дорог. В городах для посланцев были построены постоянные дворы, — население было освобождено от постоя.

Особенно важное значение имел указ Газана о налоговом кадастре и о правилах взимания налогов. Этот указ был выпущен в 1303 г. Во введении к нему говорилось: «Желая обеспечить наше войско благами и желая, чтобы все наши подданные хорошо жили и чтили память о нас за то, что мы установили порядок и справедливость, мы приказываем, чтобы начальники туманов (тысяч), сотен, десятков и всякий, кто состоит в нашем войске, относились к своим подчинённым справедливо, не подвергая их притеснениям и беспокойствам, дабы они могли жить так, как жили прежде». Этим указом запрещались своевольные поборы и грабёж населения; все земли отдавались в наследственное владение предводителем войска, причём подробно определялась сумма, которая могла быть взята с той или иной местности.

Для упорядочения сельскохозяйственной жизни дополнительно к этому указу был выпущен ряд распоряжений, в числе которых был приказ о принудительном возвращении на прежние места жительства бежавших крестьян.

Распадение государства иль-ханов

Реформы хана Газана могли упорядочить эксплуатацию населения, но они не могли предотвратить усобицы между самими вождями племён, владевшими большими уделами, они не могли предотвратить постоянное стремление монгольских ленников стать независимыми от центральной власти. Не прошло и трех десятков лет после осуществления указанных реформ, как государство иль-ханов прекратило существование в качестве единого целого. На развалинах хулагидского государства возникли мелкие государства, из которых важнейшими были: султанат Джелайридов (1336—1411), в Азербайджане и Ираке, со столицей в Тавризе и эмират Музаффаридов (1313—1393) со столицей в Исфагане. При дворе Музаффаридов мы находим немало выдающихся персидских поэтов, в том числе знаменитого Саади. На востоке, в Афганистане, правили горцами Курты, или Керты, сумевшие еще задолго до распада Монгольского государства приобрести самостоятельность, пользуясь малой доступностью афганских гор и плоскогорий.

ТИМУР И ТИМУРИДЫ

Послемонгольская структура лена (союргаль)

Характеризуя монгольское нашествие как катастрофу, мы имеем в виду главным образом те огромные разрушения, которые были принесены вторжением значительных масс кочевников-скотоводов в области древнейшего оседлого земледелия и городской жизни. Рассматривая завоевание монголов и образование Монгольского государства или, вернее сказать, монгольских государств на территории Средней Азии и Ирана в социальном отношении, мы не встречаем каких-либо разительных изменений. Феодальные отношения, существовавшие до монголов, остались основой общественного устройства и при них.

Однако в эти феодальные отношения монголы внесли нечто новое.

Не только в Хулагидском государстве, но и всюду на востоке после монголов основой феодального владения стал лен, получивший название «союргаль». Этот союргаль давался тому или иному представителю знати на основе ленной службы, вознаграждением за которую и являлось право эксплуатации населения лена. Ленник обязывался, как и в прежние времена, в случае необходимости являться к своему государю с отрядом воинов, снаряжённых за его счёт. Таким образом, по форме союргаль весьма напоминал образовавшийся в Передней Азии в X—XI вв. удел «икта». Но сходство, пожалуй, только этим и ограничивалось. Союргаль достаточно сильно отличался от икта двумя особенностями: во-первых, союргаль занимал несравненно большую территорию, чем икта, и, во-вторых, под союргалем понималось

владение не только земледельческим округом; но и кочевой степью.

Послемонгольский обладатель сююргалы сосредоточивал, таким образом, в своих руках власть как над оседлым, так и над кочевым населением. Происходя большей частью сам из среды этого кочевого населения, связанный с ним близкими родственными узами, послемонгольский ленщик в качестве военной силы неизменно опирался на кочевое население.

Монгольское завоевание сопровождалось вторжением на территорию стран Передней Азии кочевого населения. Монголы в очень редких случаях оседали в завоеванных областях большими массами. Главную массу оседавших племён составило тюркское население. Послемонгольский владелец лена в Передней Азии — преимущественно тюркского происхождения. Тюркские языки все больше и больше распространяются, как языки значительной части населения, в Иране, в Малой Азии, в восточной части Кавказа.

Образование огромной Монгольской империи, хотя и сопровождавшееся вначале разрушением городской жизни завоеванных стран, не могло не быть достаточно сильным стимулом к развитию ремесленной и торговой жизни. Медленно, но непрерывно шла созидательная работа по отстройке разрушенных городов. Базары Средней Азии и Ирана снова наполнились ремесленниками, а дороги — торговыми караванами.

Послемонгольский обладатель лена был феодальным владельцем торгово-ремесленных городов. Последнее обстоятельство не могло не вовлечь его в круг различных торговых и ремесленных интересов. Нередко значительные купеческие колонии, как, например, армянские, выступают в качестве прямых торговых агентов того или иного хана.

Положение крестьянства, как это явствует из законов хана Газана, в этом новом феодальном обществе мало изменилось: как и при Сельджуках, земледельческое трудовое население находилось фактически в крепостной зависимости. Развитие городской жизни и наличие давних форм самоуправления среди ремесленников и купцов давало наиболее зажиточному слою торгово-ремесленного населения возможность при благоприятных условиях освободиться от всецельной ханской опеки. Следует, однако, отметить, что эти благоприятные условия возникали только при ослаблении власти ленщика в результате войн и усобиц. Военная сила, которою реально располагал хан, была вполне достаточна, чтобы держать в подчинении все городское население.

Тимур

Вышеописанная общественная структура таила в себе как возможность быстрого распада того или иного феодального владения, так при наличии военного таланта у того или иного ленщика и объединения на основе неприкрытого грабежа разбоя ряда феодальных владений в обширное государство.

Распад Хулагидского государства не был единственным явлением в Монгольской империи. Борьба между отдельными ленщиками за независимость своих владений от центральной власти привела к распаду и улус Чагатай в Средней Азии. Усобицы и взаимное истребление сопровождалось усилением эксплуатации населения, что создавало предпосылки для крупных крестьянских восстаний. Городское купечество и ремесленники также страдали от усобиц. Стремление к организации сильной власти было в Передней Азии столь сильно, что еще в 1304 г., как отметил В. В. Бартольд, именно по почину среднеазиатской знати «всем монгольским государям было сделано предложение восстановить единство империи в единственной форме, в которой оно тогда было возможно, — в форме федерации государств». Предложенный среднеазиатской знатью план не был, конечно, осуществлён; в 1305 г. начались смуты среди самих ханов, предлагавших «федерацию государств». Тем не менее, попытки создать сильную власть не были оставлены и в последующее время.

На этом фоне и начал выдвигаться второй великий полководец, которого знала Азия, — Тимур.

Тимур родился в 1336 г. в округе Кеш, называвшийся в то время Шахрисябз. Род Тимура принадлежал к знати отуреченного племени Барлас. Эмир Тарагай, отец Тимура, был правителем шахрисябзской округи. Ввиду слабости центральной власти он пользовался большой независимостью. Как и все знатные молодые люди, Тимур с молодости приобрёл необходимые навыки воина и предводителя, участвуя с детства в многочисленных военно-разбойничьих эксплуатациях и охотах. И позднее, став владельцем огромного государства, Тимур не утратил склонности к военным упражнениям, принимая личное участие в рукопашных схватках; стрельбе из лука и объезде лошадей, великим знатоком которых он слыл.

В 40-х годах XIV в. распад Чагатайского улуса был уже совершившимся фактом; ханы из рода Чагатай признавались, правда, верховными государями, но фактически вся власть находилась в руках отдельных эмиров. После смерти Тарагая во главе знати племени Барлас встал брат, а по другим сведениям дядя Тимура. Не найдя себе достойного места в Шахрисябзе, Тимур занялся разбоем и получил известность в качестве предводителя преданных ему нукеров (дружинников).

Вторым этапом этого периода жизни Тимура была служба у различных ханов в роли главы наёмной дружины. Характеризуя карьеру Тимура, К. Маркс отмечает, что Тимур «...возвысился как начальник кондотьеров на службе у разных князей» («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 184).

Таким «начальником кондотьеров» являлся Тимур и в начале 60-х годов, когда, используя феодальную усобицу эмиров Средней Азии, хан Моголистана захватил в 1361 г. Самарканд и родину Тимура — Кеш. Глава племени Барлас и Тимур бежали в соседний Хорасан. Через некоторое время Тимур снова появился в

Средней Азии. Он поступил на службу к эмиру Хусейну, правившему в Балхе. Военные неудачи вынудили Тимура вместе с Хусейном вторично покинуть Среднюю Азию. В одной из стычек Тимур был ранен: стрела пронзила ему правое бедро и два пальца правой руки. С этого времени Тимур стал хромым и получил прозвище «Тимур-ленг» (т. е. «хромой Тимур», откуда европейская форма его имени — Тамерлан). Лишь в 1364 г. Хусейну и Тимуру удалось вернуть себе свои владения.

В 1365 г. в Самарканде произошло восстание ремесленников, возглавленное чистильщиком хлопка Абу-Бекром Келеви и одним из учеников самаркандского медресе. Хусейн и Тимур, действуя в тесном союзе, подавили это восстание и жестоко расправились с народными вождями.

Но согласие между эмиром Хусейном и честолюбивым «начальником кондотьеров», естественно, не могло быть длительным; в 1370 г. эмир Хусейн был осажден Тимуром в Балхе, взят им в плен и убит. Став полновластным, Тимур, по примеру всех среднеазиатских эмиров, на торжественном курултае провозгласил «законным» государем отдаленного потомка Чагатая. Власть последнего, конечно, была чистой фикцией и характеризовала лишь политические чаяния среднеазиатского ханства, мечтавшего о реставрации империи Чингиз-хана.

Первой жертвой походов Тимура стала область, никогда не входившая в состав улуса Чагатая, — Хорезм. Хорезм в 60-х годах XIV в. выделился из состава бывшего улуса Джучи и стал независимым государством. Тесно связанная в политическом и экономическом отношении с Поволжьем, в частности с городом Сараем, хорезмская знать не могла благожелательно относиться к усилению Тимура. Враждебные действия начались вскоре же после убийства эмира Хусейна. С 1370 по 1380 г. Тимур совершил четыре похода; богатый многолюдный Ургенч, столица Хорезма, был взят и разграблен.

Объединение Средней Азии осуществилось. На месте разрозненных владений эмиров и беков возникло сильное государство Тимура. Но государство это было лишь случайным объединением знати различных племен (преимущественно кочевых) вокруг удачного и талантливого полководца. Естественно, что единственным средством, которое могло спаять это случайное объединение, были грабеж и война. Тридцатипятилетнее правление Тимура — период непрерывных, грандиозных по своему размаху военно-грабительских предприятий.

Подчинив себе Хорезм, Тимур двинулся на юг. В 1380—1383 гг. Тимур захватил восточный Иран и Афганистан, назначив наместником завоеванных областей одного из своих сыновей. В 1386 г. были покорены западные области. Исфаган, Шираз и другие большие торгово-ремесленные города сдались на волю завоевателя; население этих городов было обложено тяжелой данью. Всюду были поставлены гарнизоны для наблюдения за непрерывным поступлением колоссальных контрибуций. Малей-

шее сопротивление каралось самым жестоким образом, вплоть до истребления всего населения.

Из Ирана Тимур устремился на Азербайджан, куда незадолго перед тем вторгся Тохтамыш, соединивший к тому времени в своих руках власть над Белой и Золотой ордой. Тавриз, только что ограбленный Тохтамышем, подвергся вторичному разорению со стороны войск Тимура. Пройдя в Грузию, Тимур опустошил ее и подчинил себе североазербайджанских независимых правителей, так называемых ширван-шахов. Дальнейшие завоевания были прерваны известием о восстании в Хорезме и наступлением на Среднюю Азию вероломного Тохтамыша (в свое время получившего поддержку от Тимура) в союзе с семиреченскими монголами.

Возвратившись в Среднюю Азию, Тимур жестоко расправился с хорезмцами. Ургенч был разрушен до основания, и место, где находился город, по приказу Тимура, было перепаханно и засеяно ячменем (1389). Совершив поход на север против монголов (1390) и на Урал против Тохтамыша (1391), Тимур возвратился в следующем году к продолжению своих завоеваний на западе. В 1393 г. западный Иран, Азербайджан и Месопотамия уже целиком находились в руках завоевателя. Таким образом, начатое объединение Средней Азии привело к образованию огромного государства, включавшего в свои пределы, кроме Средней Азии, Афганистан, Иран, Месопотамию, Азербайджан и Кавказ.

Образование такого государства встретило сопротивление со стороны двух таких же, как Тимур, крупных владетелей того времени: Тохтамыша и османского султана Баязида, прозванного «Молния».

Решительное столкновение с Тохтамышем произошло на Кавказе. Тимур настиг Тохтамыша на Тереке и, разбив, преследовал до русской земли. Елец был захвачен, торговые города Азов и Кафа (Феодосия) разграблены, цветущие поволжские города Сарай и Астрахань сожжены (1395—1396).

В 1398—1399 гг. Тимур предпринял грабительскую экспедицию в Северную Индию. Дели и другие богатые индийские города были безжалостно разгромлены и население их перебито или обращено в рабство.

Возвратившись из Индии, Тимур в 1400 г. устремился в Малую Азию и Сирию. Решающая битва между ним и Баязидом произошла при Анкаре в 1402 г. Османский султан не только потерпел страшное поражение, но и сам попал в плен. В январе 1405 г. Тимур уже семидесятилетним стариком выступил из Самарканда в последний свой поход — на Китай. Но, прибыв в Оттар, он заболел и умер в феврале того же года.

Тимур был выдающийся полководец. Как и во времена Чингиз-хана, монгольское войско при Тимуре состояло из следующих частей: центр, левый фланг, правый фланг и арьергард. В последнем были отборные части. Большинство воинов набиралось из среднеазиатских кочевников. Каждое племя точно знало свою принадлежность к той или иной части. Как и у Чингиз-

хана, при войске Тимура были специальные технические войска.

Как военачальник, Тимур не имел себе равных. Он тщательно готовился к каждому походу и лично осматривал вооружение и съестные припасы каждого воина. Осведомленность Тимура о слабых и сильных сторонах противника вызывала удивление современников. Тимур не знал поражений. Его военная тактика основывалась на старинной монгольской тактике, но в ней было много нового в военном отношении. Впереди основной массы войск шел отряд конных разведчиков, задачей которых являлось, во-первых, выяснение сил противника, во-вторых, оказание противнику первого сопротивления. За этими легкими разведывательными отрядами шли авангардные отряды, а за авангардом двигалась основная часть войска, в центре которого находилась тяжело вооруженная пехота в панцырях, со щитами, мечами и копьями.

Подобно Чингиз-хану, Тимур в широких масштабах применял методы устрашения. Он не знал пощады и проявлял иногда величайшую жестокость. Усмирив восстание в городе Себзеваре, Тимур залил алебастрой и известью 3 тысячи человек живыми. Во время подавления исфаганского мятежа, по приказу Тимура, было убито 70 тысяч человек; из голов убитых была сооружена башня. Подобные башни из человеческих голов украшали и другие места империи.

Тимуриды.

Гегель в своей «Философии истории» образно сравнил государство Тимура с лесным потоком, который все уничтожает на своем пути, а затем исчезает. Действительно, если иметь в виду грандиозную империю Тимура, стоявшую столько человеческих жизней, то трудно точнее выразить впечатление от ее быстрого распада. Не успел еще великий завоеватель умереть, как среди его наследников уже началась ожесточенная борьба за право владеть теми или иными областями. Через короткий промежуток времени от могущественной империи остались лишь мелкие враждовавшие между собою княжества.

На западе османы и другие властители тюркского происхождения немедленно после смерти Тимура вернули свои утраченные владения. В течение XV в. лишь восточный Иран, Средняя Азия и Афганистан еще оставались в руках тимуридов. Но после смерти ближайшего наследника Тимура, Шахроха (1405—1447), они уже более не объединялись под одной властью.

Один из правнуков Тимура, Бабур, до некоторой степени унаследовал его военный талант. Изгнанный узбеками из Средней Азии, он отправился в Индию и в течение 1525—1530 гг. сумел подчинить себе значительное число областей по Инду и Гангу. От султана Бабура ведет свое происхождение индийская династия Великих Моголов, правившая почти всей Индией до начала английского завоевания.

Большинство тимуридов было в одинаковой мере плохими воинами и правителями. Некоторые из них оставили след в

истории восточной культуры как покровители наук и искусств, а один из них, Улугбек, прославил себя как астроном. В Самарканде, где он правил в середине XV в., была основана прекрасная обсерватория. Сам Улугбек был автором ряда астрономических трудов.

Тимуридская архитектура и изобразительное искусство

Грандиозные ресурсы как в смысле ценностей, так и людей, оказавшиеся в руках Тимура в результате его походов, позволили завоевателю превратить излюбленный им город Самарканд в красивейший город Передней Азии. Отстроенные Тимуром мечети и дворцы — лучшие памятники мусульманской архитектуры средневековья. Среди самаркандских построек, сохранившихся до наших дней, особенной известностью пользуется мавзолей «Шахи-зинда» и мечеть Биби-ханым. Мечеть эта была начата постройкой вскоре после индийского похода Тимура и закончена в 1403—1404 гг.; в качестве тягловой силы применялись не только волы и люди, но и захваченные в Индии слоны.

Наследники Тимура унаследовали страсть к постройке великолепных зданий, главным образом, конечно, дворцов и мечетей. Мешхед, Герат и другие города восточного Ирана и Афганистана были украшены рядом выдающихся архитектурных сооружений.

При дворах Тимуридов процветало изобразительное искусство, оставившее значительный след в позднейшей иранской живописи. Среди гератских художников особенно выделяется Бехзад, изумительный рисовальщик, украшавший рукописи небольшими картинками (миниатюрами), современник основоположника узбекского литературного языка, поэта, историка и филолога Алишер Навои (вторая половина XV в.). Искусство украшения рукописей, написанных особым изящным почерком (насталик), достигло при дворах Тимуридов большой тонкости и законченности.

ОСМАНСКАЯ ТУРЦИЯ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Нельзя сколько-нибудь ясно представить возникновение и развитие Османской Турции, превратившейся в XIV—XVI вв. из небольшого малоазийского княжества в широко раскинувшую свои владения империю, если рассматривать это явление, исходя только из предпосылок, заключенных в самом первоначальном тюркском обществе.

К числу таких чрезвычайно существенных моментов относится упадок когда-то могущественной Восточноримской империи, или Византии.

Византия в XIII—XV вв.

В период крестовых походов Византия разделила участь ближневосточных государств, она стала жертвой крестоносцев.

В 1204 г. (IV Крестовый поход) крестоносцами был захвачен Константинополь, который подвергся не меньшему разгрому, чем любой мусульманский город, который завоевывали крестоносцы. Известный русский византолог Ф. И. Успенский так характеризует захват столицы Византии западноевропейскими рыцарями: «Турки в 1453 г. поступили с большей мягкостью и гуманностью, чем крестоносцы, взявшие Константинополь». Когда 57 лет спустя Михаил VIII Палеолог вновь отвоевал столицу империи, он обнаружил, что лучшие, наиболее красивые здания были разрушены. Церкви были лишены драгоценной утвари. Влахернский дворец, со времен Комненов — императорская резиденция, восхищавшая своим богатым убранством и мозаикой работы иностранных мастеров, находился в состоянии разрушения, будучи внутри закопчен, по выражению греческих источников, «...итальянским дымом и чадом».

Восстановленная Михаилом VIII Палеологом Византия представляла собою небольшое государство. Ее владения состояли из северо-западного угла Малой Азии, части Фракии, Македонии, Фессалии и некоторых восточных островов Эгейского моря. Эпир находился в вассальных к ней отношениях. Север Балканского полуострова был занят Сербией и Болгарией. Средняя Греция и Морея находились в подчинении у латинских государств. Венеция захватила большую часть островов. Проходы в Черное море, как и вся торговля по Черному морю, находились в руках генуэзцев. Такова была территория Византии во второй половине XIII в.; к началу же XV в. все ее владения сводились к Константинополю с окрестностями и близлежащими областями Фракии.

Правившая этим небольшим государством династия, находившаяся в родстве с такими знаменитыми в прошлом фамилиями, как Дуки, Ангелы, Комнены, вела жалкое существование. Окруженные со всех сторон врагами, Палеологи с самого начала своего правления вынуждены были принять ряд мер, которые, устанавливая строжайшую экономию в расходовании государственных средств, в то же время нарушали самые существенные государственные интересы. Восточная граница охранялась еще с X в. особым пограничным войском, носившим название «акритов» и имевшим некоторое сходство с нашим старым казачеством. Михаил VIII вынужден был нарушить старинные привилегии этого военного корпуса. Раньше государство предоставляло акритам право пользоваться всеми пограничными землями, не платя никаких налогов, с единственным обязательством охранять границы. Эти привилегии были отменены, и земли акритов были обложены налогом. Результатом этого мероприятия явилось общее недовольство пограничных войск, выразившееся даже в восстании. Восстание это было усмирено, но верных пограничных войск, боровшихся ранее не за страх, а за совесть, с тюркским натиском, больше не стало. Для охраны малоазиатских границ Палеологам приходилось прибегать к экстренным мерам. Так, например, для того, чтобы припугнуть наседавших на восточные византийские границы тюрков, правительство в начале XIV в.

вынуждено было пригласить из Сицилии так называемую «каталонскую компанию». «Компаниями» в то время назывались отряды, составленные из авантюристов разного происхождения, согласных за денежное вознаграждение драться за кого угодно. Эта «каталонская компания» перед приходом ее в Византию действовала в Сицилии против французов-анжуйцев. Она возглавлялась неким Рожером де Флор, по происхождению немцем, так как истинная его фамилия была Блюм. Бесчинства, которые эти каталонцы произвели в Византии, заставили правительство принять соответствующие меры. Преследуемые византийскими войсками, каталонцы бросились на юг Греции и захватили Афинское Фиванское герцогство, до этого принадлежавшее французам.

Положение ухудшалось еще тем, что и в своих владениях Палеологи не чувствовали себя хозяевами. Венецианцы и генуэзцы самовластно хозяйничали в Византии. Особенно ощутительна была для Византии деятельность Генуи. Генуэзская колония, находившаяся в предместье Константинополя Галате (на другой стороне Золотого Рога), была недоступна для византийского правительства; Галата была окружена крепостными стенами и имела полное самоуправление. Крепости, расположенные при выходе в Черное море, находились также в руках генуэзцев, которые взимали пошлины с проходивших торговых судов. Эти пошлины превосходили в семь раз сумму, которую взимало с торговли само византийское правительство.

Вынужденное вести сложную дипломатическую игру, требовавшую денег, государство, лишённое доходов от транзитной торговли, увеличивало налоги на землю и ремесло. Положение эксплоатируемого класса было совершенно невыносимым. Еще в середине XIV в. венецианский посол в одном из своих донесений сообщал о всеобщем недовольстве в Византии. Это недовольство выражалось в форме возникающих в это время еретических сект.

Вместе с тем, рядом с Византией в это время развивались крупные государства, которым и суждено было решить судьбу Византийской империи. Это были православная Сербия и мусульманская Турция.

Сербия в XIV в.

Со второй половины XII в. в Сербии начинает создаваться сильное государство. Своего наивысшего развития это государство достигло при короле Стефане Душане (1331—1355), который, как и Карл Великий, приказывал изображать себя на монетах держащим в руках императорские регалии. Фактически подчинив себе Болгарию, Сербия в это время захватила все западные области Византии и, наконец, овладела городом Сересом, находившимся на пути из Солуни в Константинополь и представлявшем опорный пункт в борьбе за самый Константинополь. В 1346 г. в Скопле, столице Сербии, была собрана скупщина, на которой сам Стефан был помазан «царем Сербии и Румелии» и было провозглашено отделение сербского патриаршества от Византии (до этого времени во главе сербской церкви находился

архиепископ, утверждаемый в Константинополе). Время правления Душана было ознаменовано созданием свода законов, так называемого Кодекса Душана, являющегося прекрасным источником для изучения сербского общества той эпохи.

Сербское общество начала XIV в. по типу производственных отношений, существовавших в нём, было обществом феодальным, хотя и с рядом специфических патриархальных черт. Господствующий класс составляли землевладельцы («властели»); большинство крестьянского населения находилось в крепостной зависимости от властелей, хотя эта крепостная зависимость по сравнению с европейской была значительно мягче. Община (задруга) еще не потеряла своего значения. Феодальная иерархия только еще складывалась. Слабостью сербского общества было постоянное стремление к независимости наиболее знатных «властелей», так называемых жупанов. Завоевание Стефаном Душаном византийских территорий сопровождалось отдачей этих территорий в военно-ленное держание жупанам, что еще более увеличивало их могущество. После смерти Душана воеводы-наместники сделали почти совсем самостоятельными правителями. Это ослабляло Сербию в критический период ее государственной жизни.

Образование государства турок-османов

Одновременно с возвышением на Балканском полуострове Сербии, в Малой Азии происходило возвышение другого сильного государства — Османской Турции.

По сохранившимся преданиям, турки-османы, получившие свое наименование от правившего ими в 1299—1326 гг. султана Османа, пришли в Малую Азию в первой четверти XIII в. с Кавказа, куда они в свою очередь переехали из Средней Азии. Поселившись в Малой Азии, турки встали в вассальные отношения к Румскому, или Конийскому, султанату. Этот румский султанат в XIII в. представлял собою последний осколок Сельджукского государства. Находясь на территории, где каждый город и каждое селение напоминали о римско-византийской культуре, Румский султанат был одним из наиболее цивилизованных государств мусульманского мира того времени. Город Кония, расположенный у подножия Тавра, к югу от большого соленого озера, являлся средоточием мусульманских и византийских влияний. Окруженный крепостными стенами со рвом и прямоугольными башнями, город изобиловал водою и растительностью, представляя резительный контраст с окружающей местностью. Длительная борьба Конийского султаната с крестоносцами и Византией создала из местной тюркской знати прекрасных воинов. Но как и всюду, где были сильны сельджукские традиции, султанат не представлял собою сильного единого государства, а дробился на ряд княжеств. В 1300 г. хулагидские войска покончили с существованием Румского султаната. Последний эмир сельджуков был убит. Султанат распался на 10 уделов, в каждом из которых воцарилась своя династия.

Самым крупным и мощным из этих уделов были земли, принадлежавшие туркам-османам. Владения османов находились на вифинской границе Византии. Это соседство приводило к постоянным военным столкновениям. В 1326 г. османы одержали значительную победу над византийцами. Ими был захвачен город Бруса, ставший с того времени столицей Османского государства, и оттуда они начали совершать все более глубокие вторжения в соседние области. При сыне и наследнике Османа — султана Орхане (1326—1359), османы заняли Никомидию, Никею и расширили свои владения за счет других сельджукских уделов. В 1356—1357 гг. они захватили первый пункт на европейском берегу — Галлиполи, а четыре года спустя, при султанине Мураде I, ими был взят Адрианополь, который с того времени стал европейской столицей Османского государства.

К. Маркс в своих хронологических выписках, описывая государство турок XIV в., дает ему такую характеристику: «Новая империя турок была организована на демократически-деспотических началах. На случай войны у них имелось поголовное вооружение народа, обязательна для всех военная служба, кроме того конница, состоявшая на постоянной службе и получавшая регулярное жалование, наконец, ядро пехоты. В тогдашней Европе эту роль исполняли швейцарцы, т. е. иностранные наёмники, которые тоже находились на постоянной службе и получали жалование. Пехота состояла из ренегатов или из христианских детей, которые с раннего возраста похищались у их родителей и специально воспитывались в духе мусульманского фанатизма. Эти отряды (чери) новой (ени) пехоты еще при Мураде стали грозной силой под именем еничер, или янычар. Они играли такую же роль, как преторианцы при римских императорах или гвардия при Наполеоне. Первое время они пополнялись ежегодно тысячами христианских детей или ренегатов... Наряду с этим регулярным войском, получавшим жалование от одного до семи аспер в день, султаны сохраняли также войска, которые служили ради добычи. Последние приносили с собой сноровку и оружие своих племён. Они, следовательно, с детства подготавливались для самых различных функций. Полководец должен был только уметь использовать их. А первые султаны были приращенными полководцами. Первые турецкие наездники, так называемые акинджи, были, подобно казакам и бедуинам, легкой кавалерией. Они потоком разливались по Азии, но не могли устоять против закованных в латы рыцарей запада. Поэтому была учреждена конная гвардия из четырех особых корпусов с различными наименованиями и функциями. Назывались они обычно сипахи. Кроме того, имелись особого рода рыцари, которым раздавались крупные или мелкие поместья, или лены (тимары и зеаметы), под тем условием, что владельцы их будут во все время войны поставлять всадников и сами на конях отправляться на войну» («Архив Маркса и Энгельса», VI, 177—178).

Турецкое общество в значительной мере сохраняло дофеодальные пережитки. Лен (тимар, зеамет) был еще в самом заро-

дыше. До нас дошёл любопытный список тех натуральных повинностей, которые несли турки до своих завоеваний в Малой Азии по отношению к начальнику одной византийской крепости. Находившиеся в вассальных отношениях турки ежегодно должны были вносить следующую дань: сыр, ковры, кошму, ягнят. Список этот указывает на весьма примитивный и патриархальный строй жизни турок. В начале XIV в. у турок были еще очень крепкими родовые связи. Глава племени являлся абсолютным владыкой над жизнью и имуществом своих соплеменников. Большинство завоеванных территорий владел султан. Знать в процессе эксплуатации не входила еще в тесное соприкосновение с эксплуатируемым крестьянством. Облагая данью тот или другой район, турки предпочитали на первое время получать эту дань из рук местных феодалов. Процесс захвата знатью земельных владений начинает бурно развиваться лишь ко второй половине столетия. Историческое предание приписывает султану Орхану слова: «Будьте мусульманами и воинами в моих войсках или выполняйте свободно свой культ и платите мне налоги».

Но подобная патриархальность совершенно не означала слабости османов в военном отношении. Сосредоточение всех материальных ценностей в руках центральной власти, т. е. султана, давало последнему возможность создать дополнительно к поголовному вооружению народа такие боевые резервы, каких не было ни в одной из соседних стран. При султанах Орхане вместе с племенными отрядами легкой кавалерии (акинджи) и пехотой начинала организовываться знакомая нам по военной истории предшествующих мусульманских государств гвардия рабов, носившая наименование янычар; тогда же возникают и различные виды наемных войск. Длительное пребывание в пределах развитого Конийского султаната и соседство с Византией помогло туркам усвоить передовую военную технику того времени. При осаде Брусы османы уже применяли сложные осадные сооружения в виде башен, установленных против крепостных стен. Пройдет немного времени, и османское войско окажется первым войском в Европе, имеющим регулярный артиллерийский парк, состоящий из бронзовых пушек, мечущих большие камни.

Борьба турок с Сербией и захват владений на Балканском полуострове

Год спустя после захвата Адрианополя османские войска овладели Филиппополем. Затем, недалеко от Адрианополя, османы одержали решительную победу над христианскими войсками, состоявшими частью из рыцарей-крестоносцев, пришедших на Балканский полуостров по призыву папы, частью из сербов, болгар и валахов. «Застигнутые, как дикие животные в их пристанище, — так описывает турецкий историк ночную битву на берегах Марицы, — они (христиане) бросились к реке. Было похоже на пожар, гонимый ветром». Долина, где происходило это сражение (1371), получило от турок название «долины поражения сербов». Победа

при Марице отдала в руки турок Фракию, Болгарию и часть Сербии. В 1386 г. османы захватили Салоники, а в 1389 г. произошла знаменитая битва на Коссовом поле, где встретились сербские и турецкие войска. Первыми командовал король Лазарь, вторыми — Мурад I. Вначале победа склонялась на сторону сербов. В стане турок произошло несчастье. Один из сербов, притворившись перебежчиком, вошёл в шатёр султана и поразил его отравленным кинжалом. Сразу же, на поле сражения, наследником был провозглашён сын Мурада — Баязид I. Сербы потерпели поражение. Лазарь сербский был захвачен в плен и казнён подле трупа Мурада I. Поражение на Коссовом поле было оплакано сербами в их эпических песнях. Говоря словами одной из этих песен: «Ту сю Сербии сгубили царство», — таково было значение этой битвы.

В 1393 г. османы захватили Тырнов, столицу Болгарии. На помощь погибающему под натиском османов восточнохристианскому миру поспешило рыцарское ополчение Европы под начальством венгерского короля Сигизмунда, к которому присоединились валахи, шесть тысяч французов под начальством герцога Бургундского, Иоанна Бесстрашного и рыцари-иоанниты. Рыцари потерпели жесточайший разгром под Никомидией. Лишь возникновение в Азии громадной империи Тимура приостановило немедленный захват Константинополя турками. В 1402 г., в битве при Анкаре, Баязид I, потерпев поражение, попал в плен. Моущество османов временно было подорвано. Только в 1453 г. турки могли приступить к осаде города, именовавшегося «Акрополем вселенной», «вторым Римом».

Захват Константинополя

При восшествии на престол последнего византийского императора Константина XI Палеолога (1449—1453) Константинополь являлся столичным городом лишь для своих предместий. Вся остальная византийская территория была занята турками. Но значение Константинополя заключалось не в размерах его владений, а в той исторической роли, которую играл город на всем Ближнем Востоке. Богатейшее культурное наследие, исключительно важное в стратегическом отношении местоположение, — все это должно было пробуждать османских султанов к завоеванию Константинополя. Немудрено, что султан Мухаммед II (1451—1481), по выражению византийских источников, «...ночью и днём, ложась спать и вставая, в своем дворце и вне его, всю свою заботу полагал на то, путём каких военных действий и средств овладеть городом». Подготовка к захвату Константинополя была проведена самая тщательная. На европейском берегу Босфора, против стен Константинополя, были сооружены каменные укрепления; для штурма турки сосредоточили громадные военные силы; вместе с сухопутными войсками действовал превосходный турецкий флот. Вооруженная по последнему слову техники того времени, турецкая артиллерия производила планомерный обстрел

городских стен. 23 мая начался штурм. Защитники города дрались до последней капли крови. Но их было лишь несколько тысяч человек. Вместе с византийскими войсками в боях принимали участие венецианцы и генуэзцы. 29 мая город пал. Последний византийский император погиб в сражении. Султан Мухаммед II на коне въехал в главную святыню Константинополя — церковь святой Софии.

Захват Константинополя турками нашёл широчайший отклик во всей Европе. Печаль и ужас, охватившие феодальное христианское общество, отразились и в русской литературе. О взятии Константинополя рассказывает известная древнерусская «Повесть о взятии Царьграда турками», написанная Нестором Искандером (Искандер — отуреченное имя Александр). «И сбыся речённое, Константином создася и Константином паки скончаша», — говорится в этой повести.

Влахернский дворец, бывшая резиденция императоров, превратился в резиденцию султана. Облик Мухаммеда II, покончившего с остатками Восточноримской империи и получившего прозвище «Победитель» (Фатых), запечатлен в портрете этого султана, написанном известным венецианским художником Джентиле Беллини, который жил некоторое время в Константинополе.

Дальнейшие завоевания османов

В период захвата Мухаммедом II Константинополя собственно османские владения в Малой Азии и на Балканском полуострове были окружены рядом государств, находившихся или в вассальных отношениях к османской Турции или чувствовавших себя совершенно независимыми. Несмотря на поражение на Косовом поле, сербский король, хотя и считался вассалом султана, все же стремился всеми возможными способами освободиться от этой вассальной зависимости. Босния и Албания не были связаны даже и такими вассальными узами. Князья Валахии и Молдавии также сохраняли полную независимость. Морея продолжала управляться братьями последнего византийского императора. Некоторые области Балканского полуострова, так же как и часть Архипелага, принадлежали венецианцам. Другие острова находились во власти генуэзцев. Родос был занят рыцарями ордена иоаннитов. На севере Анатолии существовала независимая Трапезундская империя, управляемая династией Комненов. Наконец, на востоке Малой Азии, в Карамане, турецкие эмиры пытались освободиться от подчинения османам.

Борьба против османского господства нашла яркое выражение в неутомимой деятельности человека, известного под турецким именем Скандер-бей, или Искандер-бей, в христианстве Георгий. Искандер-бей был сыном властителя Эпира, но с малых лет находился в качестве заложника в Адрианополе у султана Мурада. Используя благоприятные обстоятельства, Искандер-бей добился для себя назначения начальником маленькой крепости в Албании и поднял восстание против османов. Ряд областей

Албании и Эпира присоединились к смельчаку. Искандер-бей стал ярким и непримиримым врагом османских султанов. Османские войска неоднократно терпели жесточайший разгром в битвах с повстанцами, владевшими в совершенстве приемами горной партизанской войны. В 1461 г. завоеватель Константинополя Мухаммед II тщетно предлагал Искандер-бею заключить договор, по которому он соглашался признать его власть над Албанией и Эпиром. Лишь смерть Искандер-бея избавила турок от грозного, не шедшего на компромиссы врага.

Но как бы героически и упорно ни сопротивлялись турецкому господству отдельные балканские народы, дальнейшее расширение Османского государства было неизбежно. Оно диктовалось в равной мере как большой военной мощью турок, так и раздробленностью народов, населявших соседние с ними территории.

Вскоре после захвата Константинополя турки продолжили подчинение Балканского полуострова. Неоднократные походы в Сербию и Болгарию привели после варварского истребления больших масс населения к окончательному подчинению этих славянских государств туркам. На юге покорилась Морея. В 1461 г. турками была завоевана Трапезундская империя. Последний трапезундский император Давид Комнен был привезён в Константинополь и там обезглавлен по обвинению в государственной измене. В начале 80-х годов туркам подчинились Валахия и Босния. После длительной борьбы малоазиатская Карамания также вошла в состав Турецкой империи. Еще раньше, в 1464 г., турки привели в вассальную зависимость к себе Крым и значительную часть Черноморского побережья, захватив у генуэзцев принадлежавшие им крепости. Точно так же в вассальную независимость была приведена и Герцеговина.

XVI в. ознаменовался дальнейшим расширением турецкого господства. В 1514 г. после ожесточенной и кровопролитной борьбы с иранским шахом Исмаилом турки получили ряд областей как на северо-западе, так и на юго-западе от Ирана. В 1516 г. поход султана Селима в Сирию, Палестину и Египет закончился разгромом Мамлюкского государства, столь успешно в свое время сопротивлявшегося монголам. Захват Багдада на востоке и Венгрии на западе — отдельные этапы расширения турецкого государства. Северная Африка, за исключением Марокко, начиная со второй половины XVI в., также входит в состав Турции. Турецкая империя завладела почти всеми провинциями Средиземноморья, некогда принадлежавшими арабскому халифату, и присоединила к этому еще многие другие области, которые некогда раньше не были под мусульманским господством.

II. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО в XV—XVII вв.

Землевладение и господствующий класс

Завоевание множества различных стран и народов привело в подчинение османскому султанату обществ, отличавшихся и от

османов, и друг от друга рядом особенностей, но в большинстве превосходивших своих завоевателей зрелостью установившихся в них феодальных отношений. Как ни патриархально было строение турецкого общества накануне образования Османской империи, но и оно находилось в стадии перехода к развернутым феодальным отношениям. Таким образом, при военном захвате турками многих земель, у них не мог не развиваться институт, который к этому времени в Европе находился в упадке, — институт военно-ленных держаний. Происхождение военно-ленной системы у турок восходит к самому началу их завоеваний. Захват земель у Византии происходил в значительной степени по инициативе не центральной власти, а того или иного главы племени, представителя знати. Но, захватив такое владение турецкий феодал был заинтересован в том, чтобы это владение защищал весь турецкий народ, вся турецкая знать. Захват земельных владений в начальный период османской истории не сопровождался развитием центробежных сил, а даже способствовал усилению централизации всего государства. Первые владельцы ленных держаний всячески поддерживали сильное в военном отношении деспотическое государство. Составленный после смерти султана Сулеймана (1520—1566), прозванного европейцами Великолепным, а турками Кануни («Законодатель»), свод отдельных приказов и постановлений является самым ранним и наиболее полным источником для понимания ленного права в Турции.

Вся земля на Балканском полуострове и в Малой Азии, за исключением фонда, принадлежавшего государству, султану или церкви, а также частновладельческих земель делилась между держателями военных ленов. Эти держатели разделялись на две категории. К первой категории принадлежали владельцы земельной собственности, носившей название «зеамет»; доходность с этих земель исчислялась суммой от 20 до 100 тысяч акче. Ко второй категории принадлежали владельцы земельной собственности, носившей название «тимар»; доходность с этих земель исчислялась суммой от 5 до 20 тысяч акче. Зеаметы и тимары предоставлялись на условиях, определявшихся особой вассальной грамотой. Главнейшим условием было обязательство приводить в распоряжение центрального правительства в случае надобности вооруженный отряд. Владельцы тимара обязаны были выставить одного вооруженного всадника с 3 тысячами акче дохода; владельцы зеамета — одного вооруженного всадника с 5 тысячами акче дохода.

Наряду со светскими феодальными владениями османская Турция унаследовала от Византии широкое церковное землевладение. Первый турецкий султан, захватив крепость Кара-хисар, переделал находившуюся там церковь в мечеть и отдал мечети все земли, принадлежавшие ранее церкви. Процесс захвата мусульманской церковью земельных владений, принадлежавших до этого византийской церкви, чрезвычайно усилился в последующее царствование. Мусульманская церковь превратилась в крупнейшего землевладельца.

Фонд государственных и султанских земель являлся в теории неприкосновенным и составлял едва ли не половину всей земельной площади Турции. Ослабление государственной власти во второй половине XVI в. привело к значительному уменьшению этого фонда.

Турецкие завоевания не уничтожили целиком частной земельной собственности. Эти аллодиального характера земли носили название «миольк», или «мильк». Не было уничтожено турецким завоеванием и феодальное землевладение, существовавшее в Сербии, Болгарии, Египте и др. странах.

Господствующий класс османской Турции с самого начала образования Турецкой империи включал, таким образом, кроме турецкой знати, представителей господствующего класса завоеванных народов. Многие из сербской, болгарской, валахской знати приняли мусульманство. Амальгамированию турецкой знати со знатью других народов содействовал также институт многоженства.

Крестьянство

Унаследовав от Византии и других завоеванных стран крепостные отношения, турецкий феодализм не только развил их, но и придал им более жестокий, «азиатский» характер. Крестьянам запрещалось переселяться из деревни в город, менять своих владельцев, обрабатывать землю иначе, чем по приказу помещика. Крестьянство было обложено тягчайшими податями и оброками.

Основное место среди первых занимала подать, носившая название десятины (ашар или ушур). «Десятин» нередко превращалась в половину и даже две трети урожая. Крестьяне мусульмане облагались, кроме этой десятины, еще подушным налогом, размер которого также зависел от произвола помещика. Кроме того, крестьянство платило еще ряд дополнительных налогов и несло оброки. К таким дополнительным налогам принадлежал, например, налог на разведение пчёл, на рыбную ловлю, на право содержать мельницу; наконец, подать, взимавшаяся с невесты и жениха, и т. д. Вся тяжесть военных походов ложилась также на плечи крестьянства. Крестьяне должны были и поставлять людей в отряды своих господ, и содержать эти отряды.

Крестьянское движение в Турции началось уже в XV в. В правление султана Мухаммеда I (1413—1421) разразились большие крестьянские восстания в Малой Азии. Во главе мятежа стоял дервиш Бадр ад-Дин Симави, который проповедовал: «Все необходимое для жизни должно быть общим. Все должны обладать одинаковыми правами на жизненные блага. Словом, все должно быть общим, кроме женщин, которые принадлежат своим мужьям». Движение, поднятое Бадр ад-Дином Симави, всколыхнуло многочисленное население. Войско Мухаммеда I дважды было разбито этим, по выражению хроник, «сбродом дервишей и поселян». Только сосредоточив значительные силы, турецкое правительство смогло усмирить восстание.

Османская Турция унаследовала развитую ремесленную жизнь. И позднее, при османах, по всей Европе были известны так называемые «турецкие» шали, материи «дамаскин» (от города Дамаска), «муслин» (от города Мосул) и т. д. Традиции, которые передал турецкому ремеслу классический мусульманский восток, поддерживались, переходя от одного поколения мастеров к другому. В европейских музеях, церквях и дворцах можно встретить прекрасные образцы турецкого ремесла, доказывающие высокое искусство ремесленников Передней Азии и после образования османской Турции.

Турецкие ремесленники были объединены в цехи (аснаф), во главе которых стояли старшины (шейхи). Цехи имели общегородское объединение, во главе которого стоял главный шейх.

Даже после открытия в конце XV в. пути вокруг Африки турецкая торговля не потеряла своего большого транзитного значения. «До открытия прямого пути в Индию Константинополь был огромным торговым районом, — говорит К. Маркс. — Турецкие гавани и теперь (т. е. в 1853 г.) являются посредником для очень значительного и все растущего торгового оборота между Европой и внутренней Азией. Константинополь и в особенности Трапезунд в азиатской Турции являются главными районами для караванной торговли с внутренней Азией, с долинами Тигра и Ефрата, с Персией и Туркестаном» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, IX, 383). Соединение в руках османского султана множества областей южного и восточного Средиземноморья, казалось, должно было также содействовать расширению товарооборота между отдельными областями.

Но на самом деле турецкое господство не оказалось благоприятным ни для развитого ремесла, ни для развития восточной торговли. «Турецкое, как и всякое другое восточное владычество, — писал Энгельс, — несовместимо с капиталистическим строем. Извлечение прибавочной стоимости ничем не обеспечено от хищных рук сатрапов и пашей. Нет налицо основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности» (Сочинения, XVI, часть II, 22). В османской Турции торговцы и ремесленники были, как и все слои населения, «рабами султана». Взятничество, вымогательства, всякого рода самоуправство задерживали развитие экономической жизни в Турции. Несмотря на наличие возникновения в конце XVII—XVIII вв. турецкой мануфактуры, турецкая промышленность никогда не могла развиваться столь успешно, как европейская.

Турецкие феодалы не чувствовали потребности возглавить борьбу против европейского экономического проникновения на восток. Европейские купцы с самого начала возникновения турецкого государства встали в близкие отношения к его правившей верхушке. Бруса, азиатская столица османской Турции, уже

при первых султанах стала местом жительства флорентийских купцов. В Адрианопле находилась большая торговая колония генуэзцев, венецианцев и флорентийцев. После захвата турками Константинополя генуэзцы, а за ними и венецианцы получили те же торговые привилегии, какими ранее пользовались в Византии. В 1535 г. турки впервые заключили договор с Францией, носивший название «капитуляций» и явившийся прообразом для договоров с европейцами в последующие времена. Этот договор предусматривал право французских купцов не подчиняться турецкой юрисдикции. Французы составляли отныне в Турции колонию, управляемую и судимую представителями французского правительства. Договор предусматривал для европейских купцов полную свободу от всяких покушений на личность, жилище и имущество со стороны турецкой администрации. Французские купцы получили право ввозить в османскую Турцию и продавать там европейские товары с уплатой лишь 5 процентов стоимости этих товаров.

Заключение подобных договоров ставило европейское купечество в привилегированное положение, подрывая благосостояние турецких купцов. В результате в целом ряде мест, где раньше ходили мусульманские караваны, появляются караваны, снаряжаемые европейцами.

Османская Турция и христиане

Захват турками центра восточного христианства — Константинополя — передавал в руки османского султана обширное население, исповедовавшее православие. Мухаммед II, повидимому, считал себя прямым наследником византийского императора в управлении православной церковью. Вскоре после взятия Константинополя султан назначил патриарха, сопровождая его назначение церемониалом, имевшим место в Византии, но несколько курьезным для правителя-мусульманина. Православное христианское население на первых порах получило право самоуправления. Посредником между правительством и христианским населением было духовенство.

Вместе с тем, христианское население с самого начала существования османского султаната было обложено подушной податью («джизия») и обязано было ежегодно отдавать в янычары одного из десяти мальчиков. Последняя обязанность была до крайней степени унижительна и оскорбляла народное достоинство. Лишь во второй половине XVII в. эта оскорбительная повинность была снята с христианского населения.

Увеличение европейского, в частности французского, влияния при султанском дворе сопровождалось ростом активности иезуитского ордена и попыткой обращения православного населения в католицизм.

Следствием унижительного положения немусульман был переход в мусульманство множества лиц, исповедовавших до этого

православие. Лишь усиление мощи русского государства в XVIII в. приостановило этот поощрявшийся Турцией процесс перехода христиан в ислам.

Государство

Главою государственной власти был султан — представитель династии Османа, сосредоточивавший в своих руках светскую и духовную власть. Султан обладал безграничной властью над жизнью и имуществом всего населения, без различия вероисповедания и социального положения.

Страна была разделена на губернии (санджаки) и генерал-губернаторства (вилайеты, или эйялеты), которые в свою очередь делились на уезды (каймакмык). Во главе каждого административного деления стоял чиновник, который одновременно являлся главою феодального землевладения подчиненного ему района; во главе уезда стоял каймакам-бей, во главе губернии — санджак-бей и во главе генерал-губернаторства — бейлер-бей.

Чиновник, ведавший всей финансово-хозяйственной жизнью (дефтердар, или везир), начальник янычар (ага) и глава суннитской церкви (главный муфтий или шейх-ал-ислам) составляли центральную администрацию.

Войско состояло из янычар, сипахи и регулярной пехоты.

Янычары в XVI в. вербовались следующим образом. Дети в раннем возрасте отнимались у родителей-христиан и передавались в руки анатолийских турок, которые воспитывали их лет до пяти-семи. В пяти-семилетнем возрасте на общиянычарском собрании этих детей определяли либо на дворцовую службу, либо в янычарскую учёбу, в так называемый янычарский очаг. Непосредственная связь прохождения службы в янычарском войске с придворными обязанностями ясно выражается в названии чинов янычар: сокольничий, смотритель псовой охоты, кравчий и т. д. Достигнув определённого возраста, молодые янычары зачислялись в ту или иную орду («котел»), которая и являлась единицей войскового разделения. Янычары на своем головном уборе носили изображение ложки в знак того, что они едят суп султана. Все янычары посвящались обычно в мусульманский орден дервишей Хаджи Бекташи. Это был святой, покровитель янычарского ополчения. Янычарская пехота являлась основной силой турецкой армии.

Конные отряды-владельцев ленов, так называемые сипахи, составляли второй вид войска. Регулярная пехота, получавшая жалованье, была третьим видом турецких вооружённых сил.

III. ОСМАНСКАЯ ТУРЦИЯ ПОСЛЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ЗАВОЕВАНИЙ

Начало и причины упадка

1683 г., когда турки, разбитые Яном Собеским, принуждены были в беспорядке оставить осаду Вены, считается датой начала падения военного могущества османской Турции. Действительно,

одно перечисление последовавших в XVII и XVIII вв. поражений и вынужденных договоров уже указывает на упадок могущественной империи, бывшей в течение почти трех столетий грозой европейских государств как на суше, так и на море.

В 1699 г. был заключён мир в Карловицах, по условиям которого Россия получила Азов, Польша — Подолию, Австрия — Венгрию и Трансильванию, Венеция — полуостров Морею. В 1718 г. по условиям мира, заключённого в Пассаровицах, Турция вынуждена была отдать Австрии горную Валахию, часть Сербии и Боснию. В 1739 г. согласно Белградскому миру, закончившему четырехлетнюю войну Турции против австро-русской коалиции, хотя Турция ничего и не потеряла из своих владений благодаря вмешательству французской дипломатии, тем не менее Россия смогла укрепиться на берегах Азовского и Черного морей. Наконец, на последнюю четверть XVIII в. падают два очень существенных для истории русско-турецких отношений договора, которые отдали во власть России ряд важнейших территорий. Первый из них, так называемый Кучук-Кайнарджинский договор (1774), отдавал России крепости Керчь и Еникале в Крыму и Кинбург в устье Днепра; кроме того, им утверждалась независимость от Турции Крыма и Кубани. Несколько лет спустя обе названные области целиком вошли в состав Российского государства. По тому же договору провозглашался протекторат России над христианами, жившими в пределах турецкого государства, и Россия получала свободу торгового мореплавания в Чёрном море и проливах. Второй договор, заключённый в 1792 г. в Яссах, окончательно отдавал в распоряжение России северное побережье Черного моря.

К этим основным поражениям Турции добавились еще неудачи, которые постигли ее в течение XVII—XVIII вв. в борьбе с ее восточным соседом — Ираном.

Такова внешняя канва падения османского могущества. Но совершенно ясно, что упадок Турции начался значительно ранее упомянутого поражения под Веной. «Нет абсолютно никаких оснований считать, — замечает К. Маркс, — что упадок Турции был вызван тем, что Собеский в свое время оказал помощь австрийской столице. Исследования Хаммера неопровержимо доказали, что организационно Турецкая империя уже находилась в то время в процессе разложения и что эпоха быстрого упадка османского могущества и величия началась еще ранее» (Сочинения, X, 61).

Рисую положение Турции в XVI—XVII вв., один из русских исследователей, Добров, дает следующую весьма красочную картину: «Развитие всех этих (военных) учреждений составляло главную заботу правительства. Оно в них видело единственно прочные основы могущества государства и, вместе с тем, средство для прозелитизма, которым в свою очередь прикрывались завоевательные стремления. Эти заботы имели последствием образование в среде христианских народов южных оконечностей Европы сильного военного лагеря, который назывался Турецкой

империей. Пока этот военный лагерь, называемый Турецкой империей, отвечал своему настоящему призванию боевой жизни, без притязаний на материальный комфорт, он оставался грозной силой, достаточной для удержания власти над покорёнными народами, которые даже в отдалённых странах подчинялись ей... Но раз в этот лагерь проникли элементы, не свойственные указанному призванию его, он быстро стал деморализоваться и... перестав быть грозным для покорённых народов и стран, военный лагерь этот сделался настоящим противообщественным элементом и причиной внутренних государственных смут».

Разложение «военного лагеря», именовавшегося Турецкой империей, началось значительно ранее середины XVII в. Оно началось тогда, когда турецкий феодал перестал быть заинтересованным в дальнейших завоеваниях и, следовательно, в усилении центральной государственной власти. Владелец тимара и зеамета довольно скоро перестал быть временным держателем, бенефициарием, он превратился в собственника-помещика. А став помещиком, владелец лена утратил интерес ко всяким рискованным походам. Выполнение вассальной службы султану стало для такого помещика тяжёлым бременем. Пребывание в султанских войсках, кроме трат, грозило также и значительным ущербом для сельского хозяйства. Боевые качества турецкой конницы резко снижались.

Не менее сильные изменения произошли в янычарском войске. Уже при Сулеймане Великолепном янычары получили право обзаводиться семьями. С конца XVI в. доступ в янычарские отряды был широко открыт разнообразным слоям населения. Янычарское войско с 12—14 тысяч в XV в. дошло в XVII в. до цифры в 400 тысяч человек. То обеспечение, которое янычар получал от казны, было достаточно для одного человека. Но при наличии семьи янычарского жалованья стало не хватать. Янычар стал искать средств к увеличению содержания, занимаясь торговлей и ремеслом. Боевая сила янычарского войска снизилась. Связанное с городским ремеслом и торговлей, янычарское войско становится частью стамбульского населения и играет весьма важную роль при всяких восстаниях и мятежах.

Бурное развитие европейской промышленности в XVII—XVIII вв. усилило европейское давление на турецкую экономику, что при наличии капитуляций и бесправного положения купцов вызывало падение в Турции ремесла и торговли. Насколько близко была связана экономическая деятельность европейских государств в Турции с политической, показывает тот факт, что почти до самого начала XIX в. торговавшие в Стамбуле английские купцы содержали за свой счёт английского посла. Ремесленники и купцы были недовольны режимом и искали удобного случая, чтобы открыто проявить это недовольство.

Высокая Порта, как называли европейцы османскую Турцию, уже не представляла в конце XVI в. сильного государства. Власть стала игрушкой в руках отдельных феодальных групп. Ближайшим образом это сказалось на престолонаследовании.

При Ахмеди I (1603—1617) был установлен порядок наследования верховной власти. Согласно этому правилу, престол наследовал не старший сын умершего султана, а старший в его роде. Мысль об обеспечении наследника именно таким образом была как будто довольно благоразумна, ибо каждое правление со времен султана Баязида начиналось с умерщвления если не всех, то хотя бы большинства членов династии мужского пола. Но, с другой стороны, установленное правило узаконивало невероятнейший хаос и возможность постоянных злоупотреблений. XVII в. — период дворцовых переворотов. После убийства Ахмеда I, автора закона о престолонаследовании, на престоле Высокой Порты оказался Мустафа I, идиот не в переносном, а в буквальном смысле слова. Он правил 3 месяца и был низложен Османом II. Несколько лет спустя Осман был захвачен янычарами, брошен в тюрьму и удушен, а на трон возведен опять тот же Мустафа I. Через год Мустафу снова заменил Мурад IV. Это один из немногих султанов (их трое в XVII в.), который умер естественной смертью (1640). Наследовавший ему Ибрахим I, единственный уцелевший представитель династии, был вскоре после возведения на престол захвачен в походе янычарами, избит ими и удушен (1641). Мухаммед IV (1648—1687) был низложен янычарами. Султаны Сулейман II и Ахмед II умерли, повидимому, своей смертью, но царствование Мустафы II опять окончилось свержением с престола.

Султанский дворец с его огромным гаремом и дворцовой камарильей был настоящим гнездом интриг и преступлений. Яд, кинжал, убийство из-за угла практиковались в самых широких масштабах. Иностранные дипломаты и купцы нередко пользовались таким положением вещей. Взяточничество и подкуп чиновников достигли предела. Венецианцы сумели, например, с помощью своих связей и взяток купить целый ряд островов, господствующих над проливами, — и не только купить, но и укрепить их. Бесперывные казни были единственным средством борьбы со всяческой крамолой.

В этих условиях даже в самой господствующей феодальной среде возникает недовольство, стремление к реформам, к обеспечению более устойчивого положения. Эта жажда реформ привела в правление Мухаммеда IV к попытке установить наследственное регентство.

Наследственный везират Кеprюлю

Мухаммед Кеprюлю происходил из албанской семьи, переселившейся в Малую Азию. В молодости он служил поваренком на кухне султанского дворца в Стамбуле, а затем дошел до чина бейлер-бея. На пост везира Мухаммед Кеprюлю был выдвинут провинциальными помещиками, отражавшими стремление турецкого землевладения к сильной власти. Свое согласие занять должность везира Мухаммед Кеprюлю обусловил требованием вмешательства в его мероприятия. Султан должен был обещать,

что не будет противиться его распоряжениям; муфтий обязался заранее одобрить его приказы.

Деятельность Мухаммеда Кепрюлю началась, как и следует ожидать, многочисленными казнями. Казнили и вожаков янычар, и представителей духовенства, и купцов, и чиновников, и христиан, и мусульман. Вместе с тем, Мухаммед Кепрюлю принял ряд мер к упорядочению дисциплины среди янычар и хотел ввести закон о регистрации вассальных грамот, дававших право на обладание тимарами зеаметами.

Несмотря на поверхностный характер этих мероприятий, все же Османскому государству в годы правления Мухаммеда Кепрюлю (1656—1661) удалось поднять авторитет верховной власти. В период этого регентства возникла мысль о походе на Иран через Астрахань, для чего по распоряжению турецкого правительства были сделаны большие приготовления, дабы завладеть путями, ведущими к устью Волги. Венецианцы принуждены были возвратить купленные ими острова.

Но едва Мухаммед Кепрюлю умер, как все его мероприятия, несмотря на наследование власти его сыном, свелись на-нет.

Восстание Патроны Халила

Янычарами также делались попытки реформировать режим. В 1730 г. в Стамбуле происходит восстание, известное как восстание Патрона Халила.

Русские читатели могут при желании познакомиться с этим восстанием по переведенной с французского хронике, изданной в 1738 г. в России под названием «Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 году при низложении Ахмета II и возведении на престол Магомета V». Это «Известие», написанное его очевидцем, было переведено и издано семь лет спустя в качестве приложения к русскому переводу работы графа де-Марсильи, описывающей военное состояние Османской империи.

Восстание Патрона Халила началось, когда турецкие войска потерпели ряд поражений от Надир-шаха. Султан решил отправиться в поход против Ирана и лично предводительствовать армией. В августе 1730 г. турецкие войска были перевезены в предместье Стамбула на азиатском берегу Скутари. Наш источник так описывает настроение турецкой армии: «Все были недовольны, ибо те, которые были определены в сей поход, разорились через иждивение на столь долгое время похода, и оставивши свой лавки и продавши суда один для того, чтобы купить лошадей, а другие, чтобы запастись оружием и платьем, были недовольны тем, что они от того претерпевали, не токмо через столь неподобающее иждивение (то есть большие затраты), но и через потеряние дневного своего прибытка, который бы они получили через свой труд, ибо, — заключает рассказчик, — сие известно, что турецкие солдаты имеют обычай упражняться в промыслах».

В то время как турецкий штаб разрабатывал план кампании против Ирана, в Скутари началось восстание янычар. Халил, прозванный Патрона (так как раньше он служил матросом на галере «Патрона»), во время описываемых событий торговал старым платьем и одновременно был янычаром. Ему и его товарищам удалось увлечь часть янычар, а также многих ремесленников, лавочников и судовладельцев Стамбула. Их воодушевляли довольно хорошие намерения: они хотели устранить самых явных взяточников из числа высших чиновников и установить контроль над государственной властью. Восставшими были казнены крупные вельможи, в том числе, например, янычарский ага, низложен султан Ахмед VII и возведен на престол Мустафа II. Казни и замена одного султана другими, конечно, не изменили режима в целом. В 1731 г. Мустафе II удалось подавить восстание. Сам Халил и его ближайшие помощники были убиты. В большом сравнительно масштабе казней и репрессий после подавления восстания наша хроника сообщает следующее: «В Константинополе считают, что от 25 марта (день разгрома восстания) до нынешних времён убыло до 50 тысяч человек, из которых часть бита, часть утоплена, а другие то выгнаны, то в разные места сами разбежались».

Это восстание не облегчило положения ни ремесленников, ни крестьян. Да и мудрено бы этому янычарскому бунту разрешить кардинальные вопросы, которые стояли перед турецким государством и которые должны были найти свое разрешение лишь в XIX в. в период реформ «танзимата».

СЕВЕРНАЯ АФРИКА, ЕГИПЕТ И АРАВИЯ В XVI—XVIII вв.

После разгрома в начале XIII в. громадной армии Алмохадов в Испании Марокко никогда более не играл значительной роли ни в судьбах Пиренейского полуострова, ни в истории самой Северной Африки. Занимая чрезвычайно важное в стратегическом отношении положение, Марокко в течение нескольких столетий являлся предметом вождений ряда европейских держав. Испанцы, голландцы, англичане пытались укрепить свое положение на крайнем северо-западе Африки.

Правившая в Марокко Алидская династия была типичной средневековой мусульманской династией, стремившейся то путём организации гвардии рабов, то путём создания племенных отрядов кочевников противостоять натиску европейцев. Из отдельных султанов этой династии (1544—1873) выделяется как сильный и способный правитель Мулей Исмаил (1673—1723). Сумев создать крепкую власть, Мулей Исмаил повел наступление на англичан, укрепившихся в Танжере; война эта окончилась победой марокканцев. Правление Исмаила было последними годами независимости Магриба. Вскоре после него междоусобицы среди марокканцев позволили европейцам захватить Марокко.

Остальная часть Северной Африки и Египет в XVI—XVIII вв. находились под господством османской Турции.

Алжир подчинился Турции в 1509 г., завоеванный турецким корсаром Уруджем Барбароссой. В 1519 г. его брат Хейр ад-Дин был утвержден турецким правительством в должности бейлербее Алжира; в скором времени он присоединил к своему генерал-губернаторству Тунис. В 1551 г. другой турецкий корсар Торгуд завоевал африканский Триполи, вытеснив оттуда рыцарей-иоаннитов, владевших Триполи после изгнания их с острова Родоса. В Северной Африке образовались корсарские наместничества, которые чрезвычайно тревожили европейский торговый флот в Средиземном море: Испанцы, французы, англичане должны были предпринимать настоящие военные экспедиции против турецких корсаров.

С самого начала образования турецких наместничеств в Африке эти наместничества чувствовали себя весьма мало связанными с метрополией. Вся связь ограничивалась формальным признанием турецкого суверенитета да посылкой ежегодной дани. В 1705 г. Тунис избрал себе правителя, который, хотя и продолжал признавать османскую Турцию, тем не менее создал наследственную династию. В 1710 г. Алжир последовал примеру Туниса.

Такие же тенденции к самостоятельности проявлял и Египет. Турецкие паши (наместники), правившие в Египте, окружали себя гвардией, напоминавшей гвардию мамлюков. Своим гвардейцам они роздали примерно две трети всех египетских земель. Начальники этих всемогущих мамлюков-землевладельцев избирались самими мамлюками.

Ваххабизм

В середине XVIII в. арабский Неджд снова становится колыбелью религиозного движения, которое захватывает позднее большие массы населения далеко за пределами полуострова. Движение это связано с именем Мухаммеда ибн-Абд-ал-Ваххаба (откуда название движения ваххабизм). Ибн-Абд-ал-Ваххаб проповедовал очищение ислама от всех новшеств, которые были внесены в культ после смерти основателя ислама. В частности, он призывал к воздержанию от куренья табака, ношения шелковой одежды, употребления предметов роскоши. Он считал несовместимым с исповеданием ислама «идолопоклонническое», — по его мнению, — паломничество ко гробу пророка, излишнюю обрядность и т. д.

Проповедь Ибн-Абд-ал-Ваххаба встретила сопротивление со стороны духовенства. Но Ибн-Абд-ал-Ваххаб нашел поддержку в лице шейха Неджда, Ибн-Сауда, который, приняв его учение, под предлогом распространения новой веры начал округлять свои владения. Еще при жизни Ибн-Сауда арабские племена стали в независимое положение от турецкого правительства, захватив по-

бережье Персидского залива. При сыне и наследнике Ибн-Сауда арабы-ваххабиты овладели Оманом, объединили весь Неджд и в 1801 г. напали на Кербелу, где учинили примерно то же самое, что сделали около тысячи лет назад бахрейнские карматы в Мекке; Кербела была ограблена и ее культовые здания были разрушены.

ИРАН

Черные и белые «бараны»

Западная часть Ирана в конце XIV в. находилась под властью туркменского племени, носившего название Кара-Коюнлы, или, в переводе, «Черные бараны». Название это произошло от изображения черного барана на знамени племени. Тимур захватил владения «Черных баранов», но после смерти знаменитого полководца Кара-Коюнлы не только вернули свои прежние владения, но и захватили юго-западные области вплоть до Месопотамии.

Во второй половине XV в. вторая туркменская династия Ак-Коюнлы, или «Белые бараны», отняла власть у династии «Черного барана». Ак-Коюнлы пришлось столкнуться с османской Турцией. Один из выдающихся правителей династии «Белого барана» Узун-Хасан, т. е. Длинный Хасан (1466—1478), был весьма энергичным человеком. Он мечтал о союзе с европейскими государствами, чтобы совместно напасть на Турцию. В частности, им был заключен союз с Трапезундской империей, последний император которой Давид Комнен выдал замуж за Узун-Хасана свою сестру, славившуюся красотой. Но расчеты Узун-Хасана не оправдались. Трапезундская империя была завоевана турками, а Давид Комнен, отправленный в Константинополь, был казнен по обвинению в сношениях с Узун-Хасаном.

Общественная структура этих государств мало известна. По-видимому, государства и Кара-Коюнлы, и Ак-Коюнлы представляли собою объединение отдельных владений, главы которых опирались преимущественно на кочевое население.

Борьба за организацию сильного государства в Иране. Сефевидская династия

Образование на западе могущественной османской Турции вызвало у феодального господствующего класса Ирана потребность в объединении. Историк Хасан Румлу, оставивший нам историю этого периода, перечисляет имена двенадцати ханов, которые враждовали друг с другом в Иране за право заявить: «Я и никто другой».

Официальная генеалогия возводит Сефевидскую династию к роду пророка Мухаммеда по алидской линии. Это традиционное в хрониках утверждение крайне сомнительно. Шахи Сефевиды происходили из тюркского племени, жившего на юго-западном побережье Каспийского моря около города Ардебил; сделавшись шахами, они продолжали пользоваться тюркским как род-

ным языком. Свое прозвание Сефевидская династия получила от имени ее родоначальника, шейха Сефи ад-Дина, прославившегося подвижнической жизнью.

Возвышение Сефевидской династии произошло в начале XVI в. В 1502 г. основатель сефевидского господства — Исмаил, разбив войско «Белых баранов» близ Нахичевани на Араксе, вошел в Тавриз и провозгласил себя шахом. В своей борьбе за сильное государство шах Исмаил (1502—1524) опирался на союз племен, которые получили прозвание кызыл-баши, что значит «красноголовые» (от цвета головного убора). В русских документах XVI—XVII вв. Сефевидские династия и государство неизменно называются кызыл-башскими. В короткое время шаху Исмаилу удалось истребить всех претендентов на шахский престол и создать крепкую государственную власть над значительной частью как западных, так и восточных областей Ирана. Походом против узбекского хана Шейбани шах Исмаил укрепил свои владения на востоке. Уничтоживший тимуридское государство в Средней Азии и объединивший Среднюю Азию, Шейбанихан Узбек потерпел поражение близ Мерва и был убит. Менее удачны были действия шаха Исмаила на западе против османской Турции. Султан Селим Грозный (1512—1520) после длительной и тщательной подготовки двинулся на Иран. Битва при Чалдыране (1514) окончилась разгромом сефевидского войска, уступившего туркам в техническом оснащении. Тавриз и Диярбекр были заняты турецкими войсками.

В правление шаха Исмаила начались первые столкновения с португальцами. В 1515 г. вице-король португальских владений в Индии Альбукерке отправил из Гоа флотилию с войсками и занял Ормузд, превратившийся с того времени в цитадель португальского владычества в Персидском заливе.

Шиизм

Объединение Ирана под властью Сефевидов шло под флагом провозглашения шиизма как государственной религии в Иране. Иранский шиизм признает «законность» наследования по смерти пророка Мухаммеда двенадцати имамов, почему нередко иранские шииты носят название «исповедников двенадцати имамов». Из этих наследников власти пророка особенно почитаются до настоящего времени Али и его второй сын Хусейн, прозываемый шиитами «князем мучеников». В память гибели этого Хусейна, убитого при Корбеле, в первые десять дней месяца Мухаррема происходят траурные торжества. Во время этих торжеств в специально предназначенных зданиях (таким) идут представления-мистерии, изображающие сцены гибели Хусейна. Специальные чтецы декламируют трогательные рассказы, по улицам ходят процессии. Общее возбуждение достигает предела в десятый день празднования, когда по улицам проходят вереницы истязующихся, с заунывными криками: «Шах Хусейн! Вай (увы) Хусейн!» (отсюда русское искаженное название праздника «шахсей-вах-

сей»). Истязующиеся рубят себя по голове кинжалами, полосуют спины цепями.

Особенностью иранского шиизма является также празднование нового года (ноуруз) двадцать первого марта. Празднование нового года совершается по обычаям, восходящим к домусульманскому времени.

Из изложенного выше явствует, что иранский шиизм весьма отличается от религиозных воззрений других мусульманских стран, исповедующих суннизм. Отличны от суннитов и святыни — места паломничества. Наряду с Меккой и Мединой шиитами почитаются города Неджеф (место смерти Али), Кербела (место гибели Хусейна), куда ежегодно привозят для похорон много трупов, Мешхед (где находится гробница особо почитаемого шиитами восьмого имама Али-Риза), Кум (где находится гробница сестры упомянутого выше имама). Паломничество к этим святыням многими шиитами предпочитается паломничеству в Мекку и Медину.

Шиизм, сделавшись господствующей религией в Иране, Шиитская церковь обзавелась огромными земельными владениями (вакуфами). Шиитское духовенство при Сеферидах, подобно зороастрийскому духовенству при Сасанидах, держало в своих руках народное просвещение и суд. Шиитское богословие XVI в. становится почти единственным видом научной литературы; история и другие науки находились в прямой зависимости от шиитской догматики.

Сефевидское государство в XVI в.

При шахе Тахмаспе (1524—1576), наследнике шаха Исмаила, Иран претерпел много невзгод. Ввиду непрекращавшихся турецких нападений Тахмасп был вынужден даже перенести столицу из Тавриза в Казвин. Узбеки, оправившись от поражения, нанесенного им Исмаилом, снова напали на Хорасан и захватили города Мешхед и Герат. Постоянная угроза со стороны турок побуждала правителей Ирана вступить в переговоры с европейскими государствами на предмет совместных действий. Было отправлено посольство к императору Карлу V и к венгерскому королю. Англичанин Дженкинсон по поручению Иоанна Грозного отправился в Иран к «кызыл-башам». Вели переговоры и венецианцы. Но из всех этих переговоров ничего не вышло.

Смерть шаха Тахмаспа сопровождалась междоусобицами, во время которых было убито много членов правившей династии.

В 1585 г. Турция захватила Азербайджан и Грузию. Центр и юг Ирана был охвачен восстаниями наместников. Сефевидское государство располагало только отрядами кызыл-башей, военная сила которых по сравнению с турецкими войсками была незначительна. Персидские войска не имели ни артиллерии, ни соответствующей выучки и дисциплины. Начальники этих кызыл-башских отрядов чувствовали себя полными хозяевами в государстве; по своему желанию они свержали и возводили на престол угодных им шахов из числа членов Сефевидской династии.

Новая попытка создать сильное централизованное государство была сделана в конце XVI в. при одном из самых выдающихся сефевидских государей, шахе Аббасе I.

Шах Аббас I (1587—1628)

Первой задачей, которую стремился разрешить шах Аббас, была военная реформа. Шах Аббас предпринял ряд мер, которые освобождали государственную власть от зависимости со стороны кызыл-башей. Из племён, живших на северо-западе Ирана, шахом Аббасом была составлена гвардия, получившая название «шах-севены» (шахские дружинники). Дабы обезопасить себя от преобладающего влияния какого-либо одного племени, шах Аббас составил эту гвардию из разных племен. Наряду с этой нерегулярной войсковой частью были созданы и регулярные войска. Для этого шах Аббас использовал приезд в Иран двух англичан, братьев Ширлей, в свите которых находились пушкари и оружейники. Англичане помогли наладить оружейное производство. Регулярные войска, получавшие жалование из государственной казны, образовали теперь основу военного аппарата. Правда, это регулярное войско было весьма незначительным (около 20 тысяч человек), но все же его создание было шагом вперед. Шах Аббас мог теперь отразить натиск турок.

Европейская помощь дорого обошлась Ирану. С 1599 г. европейские купцы получили право беспощинной торговли в Иране, а в 1614 г. англичане приобрели от шахского правительства порт Джаск, который стал центром английского влияния на юге Ирана и в Персидском заливе. Вместе с купцами появились в Иране и христианские миссионеры.

При шахе Аббасе в третий раз была перенесена столица, на этот раз — в центр страны, в город Исфаган. Исфаган превратился в большой красивый город. Центральное место в нем занимал шахский дворец, выходивший фасадом на главную, или шахскую, площадь. На этой площади происходили гулянья, играли в поло, совершались казни. Целый ряд мастерских обслуживал нужды шахского двора. Европейцы, побывавшие в этом городе в XVII—XVIII вв., оставили подробное описание замечательных архитектурных сооружений города, его жизни и быта. Из этих описаний особенно интересно сочинение французского путешественника Шардена.

Шахский домен и феодальные владения.

В руках Сефевидской династии после захвата ею власти оказалась большая часть земель, принадлежавших ранее отдельным ханам-правителям. Эти земли составили громадный шахский домен. Сефевиды стали крупнейшими землевладельцами; шахский домен образовывал как бы государство в государстве. Это обстоятельство отразилось на организации государственной власти.

У сефевидов существовало два везира. Первый везир, носив-

ший титул «везира высокого дивана», управлял шахским доменом; второй везир, именовавшийся «везиром государств», ведал поступлением налогов со всех феодальных владений, которые не входили в состав сефевидского домена.

Подобно тому как территория государства разделялась на собственный домен шаха и прочие владения, так и торговля разделялась на огромную шахскую торговлю и менее обширную, по сравнению с ней, торговлю остальных феодальных владельцев и купцов. Шах одновременно был и самым крупным купцом, и самым крупным потребителем продукции ремесленников. Большинство ремесленных производств, в частности ткацкое, находилось в исключительном распоряжении шаха. Производство шёлка — как сырца, так и обработанного — целиком принадлежало шаху. Весь шелк должен был сдаваться представителям шаха и эти же шахские агенты отправляли шёлк на продажу за границу. Крупным потребителем иранского шёлка-сырца была Россия. В качестве наиболее активного правителя шахской торговли со времён Аббаса I выступила армянская компания купцов. Рядом с Исфаганом Аббас I основал городок Джульфу, где проживало богатое армянское купечество, ведшее международную торговлю как с востоком, так и с западом.

В сефевидский период наблюдаются две основные формы феодального землевладения: сююргаль и тиюль. Тиюль был временным держанием (одногодичным и многогодичным), которое предоставлял шах на землях своих доменов. Владелец тиюля носил наименование «тиюльдар».

Упадок Сефевидского государства

Раздача тиюлей уменьшала размеры шахского домена. Вскоре после смерти Аббаса I обнаружилось, что весьма значительная часть домена оказалась в руках тиюльдаров. Тиюльдарами стала многочисленная придворная клика: не говоря о чиновниках, тиюльдарами оказались евнухи, скоморохи и др. Как ни слабы были, по сравнению с шахским доменом, остальные феодальные владения, они все же играли большую роль в ослаблении центральной власти.

Дворец шаха, как и дворец османского султана в Стамбуле, был центром многочисленных заговоров. Окружённый духовенством и евнухами, шах оказывался игрушкой в руках тех или других придворных группировок. При наличии многожёнства, гарем являлся средоточием самых опасных интриг. Жёны шаха нередко приводили с собой своих родственников, входивших в состав окружения шаха. Борьба между жёнами за преобладающее влияние на шаха выражалась в убийствах и дворцовых переворотах.

Тиюльдары пользовались каждым днём обладания тиюлем для того, чтобы выкачать побольше доходов с крестьянства. Временность держания обуславливала еще более беспощадную эксплуатацию, чем при сююргале. Вместе с тем, тиюльдары ста-

рались уклониться от взноса в шахское казначейство полагающихся с них налогов. Сефевидское правительство страдало от постоянного острого недостатка денежных средств.

Во второй половине XVI в. даже джурльские армяне, находившиеся в привилегированном положении агентов шаха, подвергались большому поборам. Многие из них, чтобы избежать притеснений, переселялись в Москву, Астрахань, Индию и основывали там торговые колонии.

Еще большее значение для судеб Сефевидского государства имело хозяйничание шахских чиновников в провинциях. Произвол отдельных наместников, которым покровительствовали шах и его окружение, вызывали волнения как среди кочевых племен, так и среди оседлого земледельческого населения. Восстания на Кавказе курдов, лезгин, волнения в Хорасане знаменовали собой последний период династии Сефевидов.

В 1694 г. на престол вступил шах Хусейн, за свою склонность к чтению Корана получивший прозвище «дервиша». Погруженный в исполнение религиозных обрядов и в гаремные дразги, этот шах заслужил следующую образную характеристику русского посла Артемия Волынского, отправленного в 1717 г. Петром Великим в Иран: «Здесь такой ныне голова, что он не над подданными, но у своих подданных подданный. Чаю такого дурачка не можно сыскать и между простых, не токмо из коронованных».

Между тем, положение Сефевидского государства как раз в это время было чрезвычайно опасным. В Афганистане, находившемся на восточной окраине сефевидских владений, образовался союз племен, поставивший себе целью освобождение от Сефевидов. Афганские племена в это время не вышли еще из стадии родового строя. Афганские племена делились на улусы, улусы — на кланы, или хейли; каждый хейль распадался на более мелкие подразделения. Воинственные и крепкие родоплеменными связями, эти племена были силой, достаточно опасной для слабого государства.

К концу XVII в. среди афганских племен выделилось племя хильджи, глава которых Мир-Вейс поднял восстание и получил поддержку со стороны индийских великих моголов. Восстание это вначале потерпело неудачу. Мир-Вейс был схвачен и отправлен в Исфаган. Однако несколько лет спустя ему удалось освободиться. В 1709 г. он появился в Афганистане и снова поднял восстание. Сефевидский наместник был схвачен и убит. Афганистан стал в независимое положение от Сефевидов. При сыне Мир-Вейса, эмире Махмуде, афганские племена вторглись в пределы Ирана и, захватив Хорасан, двинулись на Исфаган. Афганцы были плохо вооружены; вся артиллерия их состояла из нескольких горных пушек, которые перевозились на верблюдах. И, тем не менее, сефевидское правительство оказалось бессильным. Подступив к Исфагану, Махмуд осадил город и голодом вынудил его сдаться (1722). Шах Хусейн был заключен под

стражу. Его сын Тахмасп II бежал на север Ирана, где начал собирать войска для похода на Исфаган.

Захват афганскими племенами столицы привел к провозглашению эмира Махмуда шахом. Таким образом, в Иране образовалось двоевластие. Афганцы, которые были суннитами, после захвата Исфагана начали преследовать шиитов. В то же время они заключили союзный договор с суннитской Турцией.

В 1722—1723 гг. Россия и Турция, воспользовавшись слабостью Ирана, вторглись в его пределы. Турки захватили западную Грузию вместе с Тбилиси, Азербайджан и Керманшах. Русские овладели Дербентом, Баку и высадили десант в Гиляне.

Надир-шах

В это смутное время выдвинулся третий и последний замечательный полководец Азии, Надир-шах. Как и его предшественники, он опирался на военную силу кочевников.

Надир-шах происходил из племени афшаров-тюрок, кочевавших в Хорасане. В юности он был взят в плен узбеками и некоторое время работал пастухом в одном из узбекских становищ. Затем мы его встречаем окруженным дружиной и совершающим грабительские набеги.

Тахмасп II, так и не собрав достаточного войска для похода против афганцев, заключил союзный договор с Петром I; соглашаясь уступить русским северо-иранские провинции, Тахмасп требовал военной помощи русских для освобождения страны от афганцев. Помощи Тахмасп II не получил. В этих условиях произошло сближение между Тахмаспом II и смелым начальником дружины.

Надир-шах быстро проявил себя, как выдающийся полководец и политик. Назначенный начальником сефевидского войска, он принял титул «Тахмасп-кули-хан», что означает «хан — раб Тахмаспа». Уже в 1728 г. афганцы потерпели от Надир-шаха жестокое поражение. В следующем году, после длительной осады, был взят Исфаган, куда в сопровождении Надир-шаха торжественно въехал последний из Сефевидов, нашедший в городе из всех своих родственников в живых только одну мать. В 1730 г. афганцы вынуждены были совершенно очистить территорию Ирана. Предводительствуемые сыном Махмуда, эмиром Ашрафом, они прошли через Хорасан по направлению к Кандагару. Во время этого отступления эмир Ашраф был взят в плен белуджами и убит.

В 1732 г. Надир-шах сумел приостановить турецкое наступление, а в 1736 г. он провозгласил себя шахом, устранив после смерти Тахмаспа II законного наследника.

В начале своего правления Надир-шах встретился с большими трудностями. Недостаток денежных средств принудил нового шаха обратиться к конфискации земель и богатств, принадлежавших шиитской церкви. Полученные таким путем средства бы-

ли обращены на создание большого войска. С этого времени начинается ряд победоносных походов Надир-шаха.

Османская Турция, неоднократно терпевшая от Надир-шаха поражения, была вынуждена вернуть все захваченные у Ирана земли. В 1737—1738 гг. Надир-шах совершил поход в Индию. Овладев Лахором и Дели, он вывез оттуда несметные богатства. Бухара и Хорезм также подчинились ему. Таким образом, империя Надир простиралась теперь от Средней Азии и пределом Северной Индии до границ османской Турции. Но как и завоевания Тимура, образование большого государства Надир-шахом не означало создания крепкой правительственной власти. Когда в 1747 г. Надир-шах в результате заговора был убит, в Иране началась борьба ханов, споривших за господство над той или иной областью. От всего достигнутого Надир-шахом через несколько десятилетий не осталось и следа.

Сравнивая трех великих завоевателей, вышедших из пределов Азии, — Чингиз-хана, Тимура и Надир-шаха, нельзя не отметить того обстоятельства, что если Чингиз-хан и его выступление на историческую арену были настоящим мировым событием, то значение Тимура, несмотря на масштаб его завоевательной деятельности, было более ограниченным. Деятельность Надир-шаха представляет собою уже чисто местное явление, не затрагивавшее глубоко интересов других стран, кроме Ближнего и Среднего Востока.

В 1779 г. власть в Иране захватывает династия тюрков Каджаров, которая и правила до двадцатых годов XX в.

Выделение Афганистана

В 1747 г., в год смерти Надир-шаха, афганские племена вновь сумели объединиться под предводительством начальника племени Дуррани — Ахмед-хана. При Ахмед-хане Афганистан стал самостоятельным государством.

Таким образом, XVIII в. создал ту политическую карту Ближнего и Среднего Востока, с которой мы встречаемся в начале нового времени.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение	3
Иран при Сасанидах	4
Парфянское государство во II—III вв. н. э. — Арташир I Папакан. — Сасанидское государство. — Зороастризм — государственная религия. — Рост частной земельной собственности и закабаление свободного крестьянства. — Мани и манихейство. — Маздакитское движение в Иране. — Реформы Хосрова I Аншурвана. — Иран в VI—VII вв.	
Аравия и арабы до Ислама	13
Бедуины. — Древние арабские государства. — Гассаниды и Ляхмиды. — Хиджаз и Мекка. — Византия, Иран и западно-арабская торговая магистраль. — Арабское общество накануне появления ислама.	
Первоначальный Ислам и образование арабского государства	20
Мухаммед сын Абдаллаха, пророк. — Мединское государство Мухаммеда. — Кризис мусульманского государства и предпосылки для завоевательных походов. — Арабские завоевания. — Ближайшее следствие арабских завоеваний. — Первоначальный ислам и государство. — Борьба за формы организации власти. Али и Муавия.	
Омейяды	30
Омейяды в мусульманской исторической традиции. — Завоевание Африки и Испании. — Завоевание арабов на Кавказе. — Завоевание Средней Азии и территории современного Афганистана. — Войны с Византией. — Омейядское государство в начале VIII в. — Омейяды, Аравия и Алиды. — Ислам. Культура. — Господствующий класс, крестьянство, купцы и ремесленники. — Сепаратистские тенденции наместничеств и народные противоомейядские движения. — Восстание Абу-Муслима и свержение омейядской династии.	
Халифат Аббасидов	39
Багдад. — Положение крестьян и ремесленников при Аббасидах — Ислам и сектантство. — Шиизм VIII—IX вв. — Гибель Абу-Муслима и восстание Сумбата Мага. — Народные движения второй половины VIII в. — Харун ар-Рашид. — Борьба за престолонаследие и шиитская политика Мамуна. — Восстание Бабека. — Переезд Мамуна в Багдад. Политика союза с крупным землевладением. — Тахириды в Хорасане. — Внешняя политика Мамуна. — Поражение и гибель Бабека. — Военная реформа Мутасима. — Война с Византией. — Борьба за единоверие. — Гвардия и халиф. — Династия Тулунидов в Египте. — Якуб ибн-Лейс Саффар. — Восстание зинджей. — Поход Якуба Саффара на Багдад; поражение Якуба и разгром восстания зинджей. — Карматы и их государство в Бахрейне. — Саманиды. — Уничтожение светской власти халифов Аббасидов.	
Мусульманская Испания с VIII по XI вв.	59
Омейядский эмират в Испании. — Абд ар-Рахман III. — Кордовский халифат в период его расцвета. — Распадение кордовского халифата. — Альмансор.	
Северная Африка, Египет и Сицилия в IX—XII вв.	64
Северная Африка в IX—X вв. — Завоевание Фатимидами Египта. — Фатимидское государство в Египте. — Хаким. — Фатимидское государство в XI—XII вв. — Мусульманская Сицилия и Южная Италия. — Мусульманский мир в IX—XI вв. Хозяйство, общество и государство.	

I. Хозяйство.	
Сельское хозяйство. — Скотоводство. — Рыболовство и добыча жемчуга. — Птицеводство. — Разработка недр и добыча ископаемых. — Обрабатывающая промышленность. — Торговля. — Транспорт. — Деньги и кредит.	
II. Общество и государство.	
Виды земельной собственности. — Крестьянство. — Ремесленники и «рабочие люди». — Организация государственной власти при Аббасидах. — Кочевники; вассалитет и заложники. — Город и местные органы самоуправления. Зимний.	
III. Культура и быт.	
Арабский язык и письменность. — Ислам, быт и культура. — Школа и образование. — Наука. — Поэзия и искусство.	
Сельджукское государство в XI в.	88
Сельджукское государство в мусульманской традиции и европейской историографии. — Газневиды. — Огузы — туркмены — и их первые завоевания. — Дальнейшие завоевания сельджуков. — Установление военно-ленной системы землевладения (икта). — Положение крестьянства при сельджуках. — Рост городов и городская жизнь. — «Великие сельджуки». — Везир Низам ал-Мульк и его сочинение об управлении государством. — Исмаилиты-ассасины. — Убийство Низам ал-Мулька и смерть Малик-шаха.	
Реконкиста в Испании и Северной Африка	96
Мусульманская Испания и христианские государства в XI в. — Алморавиды. — Альмохады. — Реконкиста.	
Крестовые походы и Передняя Азия	100
Малая Азия, Сирия и Палестина в конце XI в. — Характер и значение крестовых походов. — Мусульманское наступление на государства крестоносцев. Салах ад-Дин (Саладин). — Европа и мусульманская Передняя Азия в XII—XIII вв.	
Монгольское завоевание	107
Монголы накануне западного похода. Чингиз-хан. — Иран, Кавказ, Средняя Азия накануне монгольского завоевания. — Западный поход Чингиз-хана. — Джелаль ад-Дин. — Монгольские владения в Передней Азии. — Поход Хулагу-хана. — Египет и монголы. — Государство иль-ханов. — Внешняя политика Хулаги́дов и религиозный вопрос. — Реформы Кейхату и Газана. — Распадение государства иль-ханов.	
Тимур и Тимуриды : : :	117
Послемонгольская структура лена (союргаль). — Тимур. — Тимуриды. — Тимуридская архитектура и изобразительное искусство.	
Османская Турция	123
I. Происхождение Османского государства.	
Византия в XIII—XV вв. — Сербия в XIV в. — Образование государства турок-османов. — Борьба турок с Сербией и захват владений на Балканском полуострове. — Захват Константинополя. — Дальнейшие завоевания османов.	
II. Общество и государство в XV—XVII вв.	
Землевладение и господствующий класс. — Крестьянство. — Торговля и ремесло. — Османская Турция и христиане. — Государство.	
III. Османская Турция после прекращения завоеваний.	
Начало и причины упадка. — Наследственный везират Кепрюлю. — Восстание Патроны Халила.	
Северная Африка, Египет и Аравия в XVI—XVIII вв.	141
Северная Африка и Египет. — Ваххабизм.	
Иран	143
Чёрные и белые «бараны». — Борьба за организацию сильного государства в Иране. Сефевидская династия. — Шизм. — Сефевидское государство в XVI в. — Шах Аббас I. — Шахский дом и феодальные владения. — Упадок Сефевидского государства. — Надир-шах. — Выделение Афганистана.	